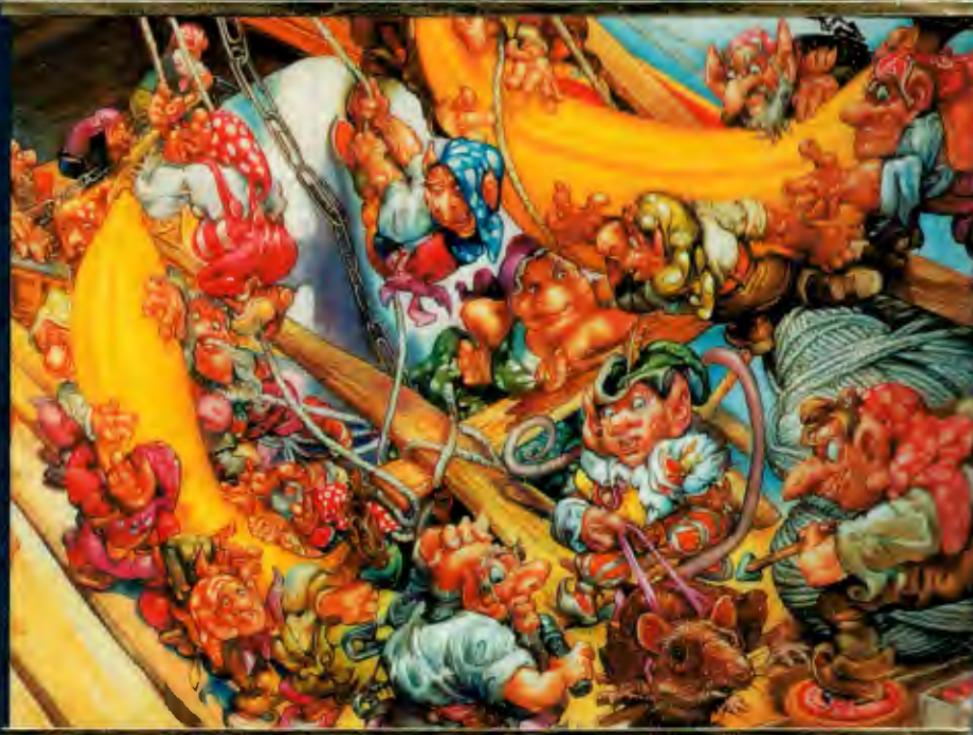

85(7/8)
ОЕО

ТЕРРИ

ГРАФИК

Мир
Хомонд

УГОНЩИКИ

ЭКСМО

У всего есть свое начало.

Здесь начало — просторы нашей Вселенной. По которым плавает огромная черепаха. (Чтот А вы сами были в просторах Вселенной?) Тогда с чего вы взяли, что там не могут плавать черепахи? А на панцире этой самой черепахи стоят четыре слона. И держат на своих плечах громадный диск, имя которому — Плоский мир.

[Нет, Плоский мир и плоский юмор — это совсем не синонимы. Нет. Нет. Слушайте, почитайте книжки, да!]

И этот самый Плоский мир полон самыми безумными обитателями во всей Вселенной (наша родная планета — не в счет). Вот, к примеру, лишь некоторые из них:

Ринсвинд — волшебник неудачливый, крайне трусливый (лозунг — «Я бегу, следовательно, я существует»);

Сом Ввамс — командир Ночной Стражи (также в его команду входят капитан Моркоу (воспитаник гномов, ныне человек), сержант Колон (человек), капитан Шноббс (у него есть документы, что он человек, хотя некоторые считают их поддельными), капитан Анда (девушка-оборотень), сержант Демптрим (строль) и прочие видовые меньшинства);

Матушка Ветровоск — ведьма необыкновенная, голубоголовая;

Смерть — антропоморфическая сущность (мы сами тоаком не понимаем, что это значит);

Сундук — тварь ходячая, зубастая, крайне прожорливая (вы когда-нибудь хотели, чтобы ваш тяжеленный чемодан обрел ноги? Посмотрите, что из этого может выйти!);

Кози-Варвар — дреиний (в прямом смысле этого слова) Варвар, легенда при жизни, жизнь при легенде;

Слепой Ио, Рок, Госпожа, Бог-Крокодил Оффлер — лишь некоторые из богов, выбравших Плоский мир ареной для своих весьма неостроумных игр.

[Мы честно пытались вас убедить, что книги хорошие. Книги действительно хорошие, и смешные, и добрые. Единственный их недостаток — они еще и умные.]

мир Номов

ОНИЩИКИ

Сборник
Людмила
Абрамова
Людмила
Борисова-Башмачук

Книги Номов:

Угонщики
Землекопы
Крылья

ТЕРРИ

ПРАТЧЕТ

УГОНЩИКИ

ЭКСМО
Москва
«Домино»

Санкт-Петербург

2005

Муниципальное бюджетное
бюджетное учреждение
библиотеки
г. Сургута
ул. Академика Еланова, 12

Библиотека

Кат. № 14164

УДК 82(1-87)
ББК 84(4 Вел)
П 68

(10)

Terry and Lyn PRATCHETT
TRUCKERS

© 1989 by Terry and Lyn Pratchett
This book has been designed and produced by TRANSWORLD
PUBLISHERS a division of the Random House Group Ltd.
All rights reserved.

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Илья Сауков*

В оформлении переплета использована работа художника Josh Kirby с разрешения агентства Thomas Schlück

П 68 Пратчетт Т.
 Угонщики. Мир номов / Пер. с англ. А. В. Нестерова. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 320 с.

ISBN 5-699-12040-8

Все зависит от точки зрения. В частности от того, насколько высоко она расположена. Если в тебе десять сантиметров роста, даже переход улицы — сложное и рискованное предприятие. Не всякий на такое решится. А уж для того, чтобы пуститься в путь на огромном рычащем чудовище под названием «грузовик», требуется по-настоящему веская причина. Например, чтобы весь мир начал рушиться. Мир, каким он видится, если смотреть снизу вверх.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4 Вел)

ISBN 5-699-12040-8

© А. В. Нестеров, перевод с английского, 1996
© ООО «Издательство «Домино», 2005
© Оформление.
 ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Новая книжка
для Рэйенны

Номы и время

Номы — совсем маленькие существа. И как все маленькие создания, живут они очень недолго. Но может быть, они просто живут очень быстро?

Я бы объяснил это так.

Среди всех существ, населяющих планету Земля, самая короткая жизнь у взрослой мухи-поденки. Ей отпущен всего один день. Самая долгая жизнь у дерева кандори — оно продолжает расти, когда ему уже исполнилось четыре тысячи семьсот лет.

Кажется, что мухе-поденке выпала очень жестокая участь. Но ведь важно вовсе не то, сколь долгая жизнь нам дана, а то, сколь долгой она при этом кажется.

Может, для поденки час длится не меньше, чем для нас — столетие. И пожилые поденки собираются вместе и жалуются друг другу, что жизнь в последние минуты не идет ни в какое сравнение со старыми добрыми мгновениями, когда мир был гораздо моложе, солнце ярче и молодые личинки куда уважительнее относились к старикам. И может

быть, деревьям, которые известны своей медлительностью, отпущено ровно столько времени, чтобы они могли увидеть сияние звезд прежде, чем корни их иссохнут, а ствол разрушит жук-древоточец.

Все относительно, все зависит от того, как на это смотреть. Чем быстрее вы живете, тем больше растягивается время. И для нома год тянется столько же, сколько для человека — десятилетие. Помните об этом. И не переживайте за номов. Они не нуждаются в сочувствии. Они даже не ведают о том, что им можно посочувствовать.

ВИДЧИЛЕ...

• • • • •

I. ...была Пустошь.

II. И Арнольд Лимитед (осн. 1905) носился по Пустоши и увидел, что она хороша.

III. Ибо была она на Хай-стрит.

IV. И ходили мимо автобусы.

V. И сказал Арнольд Лимитед (осн. 1905): Да будет там Универсальный Магазин, и да будет это Универсальный Магазин, какого еще не видывал Мир.

VI. Да будет простираться он от Палмер-стрит до Рыбного рынка и от Хай-стрит до самой Дизраэли-роуд.

VII. И да будет он высою в пять этажей, и будет в нем цокольный этаж. И да украсится он лифтами, и да возгорится Вечное Пламя бойлерной во чреве его, и да будет в нем Бухгалтерия, дабы управлять Всем.

VIII. И да прославится через то Арнольд Лимитед (осн. 1905), ибо собрано у него Все Под Одной

Крышей. И да зовется это отныне и во веки веков «Универсальный Магазин Братьев Арнольд, Лимитед (осн. 1905)».

IX. И стало так.

X. И разделил Арнольд Лимитед (осн. 1905) Универсальный Магазин на Отделы: Отдел Слесарных Инструментов и Электротоваров, и Отдел Модного Платья, и Отдел Дамского Белья, и прочие по роду их, и сотворил Людей, и наполнил ими Универсальный Магазин, сказав: «Вот — все здесь». И сказал Арнольд Лимитед (осн. 1905): Да будут грузовики, и да будут они выкрашены в цвета красный и золотой, и да поедут они благовестить, что Арнольд Лимитед (осн. 1905) предоставляет Все.

XI. И да будут по череде их Рождественские Ярмарки и Зимние Распродажи, Сезонные Скидки и Школьные Базары.

XII. И явились тогда в Универсальный Магазин номы, чтобы стал он их обиталищем во веки веков.

Книга №1108. Основание, стр. I-XII

Глава 1

Это история Возвращения Домой.

Это история Трудного Пути.

Это история Грузовика, что несется с рычанием через спящий город, вихляет из стороны в сторону, задевая уличные фонари, разбивая стекла витрин, выезжает на проселочную дорогу, преследуемый полицейской машиной, — и резко тормозит. А когда сбитые с толку полицейские возвращаются к своему автомобилю, чтобы доложить по радио: «Вы слышите, там? В кабине никого нет!» — тогда начинается история Грузовика, срывающегося с места, обезжающего растерянных служителей порядка и исчезающего в ночи.

Но здесь эта история не кончается.

Как не здесь берет она и свое начало.

Небо было скрыто пеленой дождя. Дождь шел и шел, наводя тоску, наводя уныние. Это был не милый привычный дождик, а промозг-

лый дождище, срывающийся с неба крупными каплями. Они сливались в сплошной поток, образуя настоящее море, которое кто-то поставил дыбом и лишь слегка проредил.

Дождь барабанил по старым ящикам из-под гамбургеров, по промасленной оберточной бумаге из-под жареной рыбы с картошкой — всему этому хламу, сваленному в проволочный контейнер для мусора, где нашел себе временное убежище Масклин.

Вот он, посмотрите на него. Вымокший до нитки. Продрогший. Страшно обеспокоенный. А ростом — четыре дюйма*.

Вообще-то мусорные баки были славными охотничими угодьями, даже зимой. В оберточной бумаге часто оставалось немного остывшего картофеля, а порой — и целая куриная косточка. Раз или два попадались крысы. Последний раз это была настоящая удача: крыса хватило на целую неделю. Жаль только, что на третий день крысятина уже совершенно не лезет в горло. А если честно — то не на третий день, а с третьего укуса.

Притаившись в мусорном баке, Масклин следил за стоянкой грузовиков. И — вот оно! Грузовик пришел минута в минуту. Поднимая ту-

* Приблизительно десять сантиметров. (Здесь и далее примеч. перев.)

чу брызг из-под колес, машина пересекла лужу и остановилась, скрипнув тормозами. За появлением этого грузовика Масклин наблюдал уже четыре недели. Машина приезжала каждый вторник и четверг, и всегда — утром. Теперь Масклин точно знал, сколько времени стоит грузовик.

Ровно три минуты. Для существа ростом с нома это более получаса.

Он выскользнул из-под кучи промасленной бумаги, перевалился через край мусорного контейнера и опрометью бросился к кустам на краю парка, где его ждали Гrimма и старики.

— Грузовик приехал! — выпалил Масклин, задыхаясь. — Идем!

Со стоном и ворчанием старики поднялись на ноги. Сколько раз он уже проводил их через это и прекрасно знал, что радостных возгласов не будет. Они лишь помрачнели и насупились, а потом принялись ворчать пуще прежнего. Они ворчали всегда: они ворчали, что картошка холодная, хотя Гrimма и подогревала ее, ворчали, что крысятина им надоели. Масклин всерьез подумывал о том, чтобы бросить их и начать жить одному, но так и не смог на это решиться. Они ведь нуждались в нем. Им был нужен кто-то, на кого можно ворчать.

Но они же еле шевелятся! Масклин чувствовал: еще немного — и он разрыдается.

Но вместо этого он обернулся к Гrimме.

— Да поторопи же их, слышишь! — Голос его срывался от напряжения. — Сделай что-нибудь, а то они вовек не сдвинутся с места.

Она успокаивающе похлопала его по руке.

— Они же боятся. Иди. Я приведу их.

Спорить было некогда. Масклин бросился обратно через парк, увязая в раскисшей от дождя грязи. На ходу он разматывал веревку, к концу которой был привязан разлапистый крюк. (Он потратил целую неделю, чтобы сделать этот крюк из куска проволоки, выломанной из изгороди; еще несколько дней у него ушло на тренировки.) Подбегая к колесам грузовика, Масклин лихо раскручивал над головой свой метательный снаряд.

Со второй попытки крюк впился в брезентовый верх кузова. Масклин раз-другой подергал веревку, чтобы убедиться, что она не подведет, и вот уже его ноги нащупывают опору на скользкой поверхности шины, и он карабкается вверх — выше и выше.

Он уже проделывал это прежде. О, целых три или четыре раза. Вот он протиснулся под тяжелый брезентовый полог, за которым притаилась темнота, вытащил еще один шнур и крепко-накрепко привязал его к какой-то ве-

ревке в кузове — последняя была толщиной с его руку.

Затем он скользнул обратно, к борту грузовика. Слава богу, старики под предводительством Гриммы уже пересекали гравийную дорожку. До него доносились их жалобы: они ворчали, что приходится ступать прямо по лужам.

Масклин приплясывал от нетерпения.

Казалось, этому не будет конца. Миллионы раз он повторял им, что и как нужно делать, но в детстве они никогда не забирались в кузов грузовика и сейчас не могли взять в толк, чего же от них хотят. Так, старая матушка Морки требовала, чтобы все мужчины отвернулись, пока она будет карабкаться на машину: а то они еще, чего доброго, увидят ее нижние юбки. А папаша Торрит так распричитался, когда его тянули наверх, что пришлось спустить старика обратно, и Гримма завязала ему глаза. После того как Масклин втащил в кузов несколько соплеменников, стало полегче: теперь веревку тянули все вместе, но время, время... Сколько они его уже потеряли!

Последней он поднял Гримму. Она была легкой как пушинка. Они все были легкими, если на то пошло. Крысы ведь попадаются не каждый день.

Поразительно. Они все были в кузове. Масклин настороженно прислушался. Сейчас раздадутся шаги водителя по гравийной дорожке, хлопнет дверца кабины. Однако ничего не происходило.

— Прекрасно, — сказал он, облегченно вздохнув. — Такие вот дела, только мы тронемся...

— Я уронил Талисман, — вдруг пробормотал папаша Торрит. — Талисман... Я выронил его, слышишь? Там, у колеса, когда Гrimма завязывала мне глаза. Поди принеси мне Талисман, мальчик.

Масклин в ужасе уставился на старика. Потом высунул голову из-под брезента — и точно: он лежал там, далеко внизу. Крошечный черный кубик на земле.

Талисман.

Он лежал в луже, хотя что ему сделается? Ему все напочем. Он даже в огне не горит.

И тут Масклин услышал неторопливые шаги по гравийной дорожке.

— Некогда, — прошептал он. — На это сейчас уже нет времени.

— Но мы не можем уехать без него, — возразила Гrimма.

— Да? И почему же? Это же просто... просто безделушка. И когда мы поедем, она нам уже не понадобится.

Едва эти слова сорвались с его губ, как он почувствовал, что сказал что-то не то. «Как это меня угораздило?!» — в удивлении подумал он. Гrimма от возмущения потеряла дар речи. И тут во весь свой старческий рост поднялась трясущаяся от слабости матушка Морки.

— Да простятся тебе... — Старуха закашлялась. — Да простятся тебе эти ужасные слова! А ну, скажи ему, Торрит! — И матушка Морки пихнула старика локтем под ребро.

— Без Талисмана я никуда не поеду, — угрюмо объявил Торрит. — Это не...

— Слышал, что предводитель говорит? — оборвала Торрита матушка Морки. — Делай, что сказано! Только подумать: бросить Талисман! Позор. Святотатство, вот оно что! А значит, иди и принеси его. Живо!

Возразить на это было нечего, и Масклин безмолвно уставился на хлюпающую грязь внизу. Потом обреченно перебросил шнур через борт и соскользнул вниз.

Дождь усилился. Теперь с неба падала не только вода, но и хлопья снега. Масклина хлестнуло по лицу порывом ветра; выпустив из рук шнур, он сорвался и тяжело шлепнулся в лужу. Ему удалось доползти до маленького черного кубика, вот он накрыл его рукой... И тут грузовик тронулся с места. Сперва послышалось рычание, которое тут же переросло.

в сплошную дрожащую стену шума. Потом последовал вонючий выхлоп — и грузовик за-вибрировал, да так, что у Масклина земля затряслась под ногами.

Он резко схватился за веревку и закричал, чтобы остальные тянули, и тут вдруг понял, что даже сам не слышит собственного голоса, тонущего в этом шуме. Однако Гrimma или кто-то другой догадались обо всем и без его подсказки — едва громадное колесо начало вращаться, веревка натянулась и Масклин почувствовал, как его ноги отрываются от земли.

Он висел между небом и землей, раскачиваясь взад-вперед. С тошнотворной медлительностью веревка ползла вверх, вверх... А рядом поворачивалось огромное колесо, и только несколько дюймов отделяло его от этого черного, холодного пятна, несущего в себе смерть. Кровь бешено стучала в висках.

«Я не боюсь, не боюсь, — твердил себе Масклин. — Это самое страшное, что мне пришлось пережить, а я не боюсь. Потому что это слишком ужасно, чтобы просто бояться».

Масклину казалось, что его завернули в какой-то легкий, теплый кокон. И вот уже этот ветер, этот шум остались где-то далеко-далеко. «Я умираю, — мелькнуло в сознании. — Умираю — из-за Талисмана, от которого нам никогда не было никакого проку, умираю ради

дурацкой безделушки. Сейчас меня не станет — я отправлюсь на небо. Хотел бы я знать, правда ли то, что рассказывает Торрит о смерти? Почему нужно умереть, чтобы получить ответ на этот вопрос, это же жестоко и несправедливо. А небо... Я смотрел на него каждую ночь, много-много лет, но так и не увидел на нем ни одного нома...»

Однако все это его не трогало: казалось, это происходит не с ним и будто не взаправду.

Чьи-то руки подхватили его и втащили в кузов, под брезентовый навес. Масклин слышал вокруг голоса, кто-то забрал у него Талисман, с трудом разжав судорожно вцепившиеся в черную поверхность пальцы.

Грузовик несся по проселку, оставляя позади себя серую завесу дождя, нависшую над опустевшими осенними полями.

И на всей этой земле не было больше ни одного нома.

А ведь когда-то — в те дни, когда еще не разверзлись хляби небесные, — их было множество. По крайней мере, Масклин помнил не меньше сорока. Но потом провели автостраду, ручей убрали в трубы под землю, живые изгороди выкорчевали. И номы, всегда ютившиеся на задворках мира, где-нибудь в укромном

уголке, подальше от людей, вдруг обнаружили, что укромных уголков почти не осталось.

Маленький народец стал таять на глазах. Тому было множество естественных причин: когда ты четыре дюйма ростом, естественной причиной может оказаться любое создание с зубами, костями и желудком, урчащим от голода. Видя все это, Пирринс — ном, отличавшийся редким безрассудством, — возглавил отчаянную экспедицию через дорогу. Путешественники хотели выяснить, пригодны ли леса на той стороне шоссе для обитания номов. Однажды ночью они отправились в путь и никогда больше не вернулись. Кто говорил, что их съели ястребы, кто утверждал, что путешественники попали под грузовик. А некоторые были убеждены, что отряд прошел половину пути и умер с голоду, оказавшись отрезанным от мира на островке посередине шоссе, зажатом с двух сторон бесконечным потоком машин.

Но вот у дороги выстроили кафе, и это было своего рода спасением. Конечно, все зависит от того, как к этому относиться. Если холодные отбросы, состоящие из объемков жареной картошки и обгрызенных куриных косточек, можно назвать едой, то еды теперь хватало на всех.

А потом наступила весна. Масклин оглянулся вокруг и обнаружил, что в живых осталось

всего десять номов. При этом восемь из них слишком стары и едва волокут ноги. Папаше Торриту было без малого десять лет!

То было ужасное лето. Те, кто еще мог хоть как-то передвигаться, под предводительством Гриммы устраивалиочные вылазки к мусорным бакам. Масклин пытался охотиться.

Но охотиться в одиночку — только искушать смерть. Твоя дичь сама не прочь поохотиться за тобой. А если тебе все же повезло и ты кого-то убил, добычу еще надо дотащить домой. Перетаскивание крысы заняло у Масклина два дня, да еще ночью он не сомкнул глаз, отгоняя всяких охочих до мертвчины тварей. Десять сильных охотников на что-нибудь годятся: они могут красть шмелиные гнезда, ставить капканы на мышей, травить кротов. Но что может сделать охотник-одиночка, пребывающий в высокой траве и всей шкурой чувствующий, что никто не прикрывает ему спину? Да он просто-напросто ходячий дармовой завтрак для любой твари, у которой есть когти и зубы!

Чтобы иметь достаточно пищи, нужно много сильных, здоровых охотников. Но чтобы в племени было много сильных охотников, нужно иметь изобилие пищи.

— К осени всеобразуется, — говорила Гримма, перевязывая Масклину руку, оцара-

панную горностаем. — Пойдут грибы, ягоды, орехи, и мы забудем все беды.

Но вместо грибов пошли дожди, и все ягоды сгнили на корню. Орехи, правда, в тот год уродились на славу. Но до ближайшего орехового дерева было полдня пути. Если очистить орехи от скорлупы, сложить их в бумажный пакет, найденный на свалке, и тащить волоком, то за один раз можно было принести целую дюжину орехов. На это уходил весь день, и всю дорогу туда и обратно Масклин трясясь от страха, что на него нападет ястреб. А принесенного запаса хватало ровно на то, чтобы прожить один день, не чувствуя голода.

В довершение всех бед из-за проливных дождей осел свод норы, служившей номам убежищем. Масклин поймал себя на том, что даже рад этому. Все лучше, чем слышать беспрерывное брюзжание, почему он еще не занялся ремонтом жилища. А потом случилась эта история с костром. У входа в нору обязательно должен гореть костер. На нем готовят еду, он отпугиваеточных мародеров. Однажды мачтушка Морки заснула, и костер догорел дотла. Даже сама старуха поняла, что наделала, и вела себя в тот деньтише воды, ниже травы.

Когда в ту ночь Масклин вернулся домой, он долго смотрел на кучку мертвой золы у входа, потом воткнул копье в землю и расхо-

хотался. Он хохотал, покуда смех не перешел в рыдания. В тот момент ему никого не хотелось видеть. Он вошел в нору и уселся в углу. Гrimма тотчас принесла ему ореховую скорлупку с крапивным чаем. *Холодным крапивным чаем.*

— Они страшно переживают, что так получилось, — пробормотала она извиняющимся тоном.

Масклин лишь горестно рассмеялся в ответ:

— Ну да. Могу себе представить. Я только и слышу от них: «Парень, у меня вышел весь табак, принеси-ка мне новый окурок». Или: «Что-то в последнее время у нас не было рыбы, выкроил бы ты время сходить на речку». Или: «Вы, молодежь, только о себе и думаете. Вот в мое время...»

Гrimма тяжело вздохнула:

— Что ты хочешь от стариков? Они и так делают все, что могут. Просто у них не укладывается в голове, что во времена их молодости нас были сотни, а теперь...

— На то, чтобы добыть огонь, уйдет несколько дней, — угрюмо пробурчал Масклин.

У них было увеличительное стекло, но что толку — ведь нужен еще и солнечный день. Очень солнечный день.

Он бесцельно пнул ногой кучку грязи на полу.

— Все, хватит с меня, — произнес он, не повышая голоса. — Я ухожу отсюда.

— А... а мы как же без тебя?

— А как же я? Обо мне кто-нибудь подумал? Разве это жизнь?

— Но если ты уйдешь, они умрут!

— Они и так умрут! — огрызнулся Масклин.

— Замолчи, это жестоко!

— Но это правда. Рано или поздно умирают все. Мы умрем, с этим ничего не поделаешь. Ты посмотри на себя. У тебя и минуты нет, ты только и знаешь, что убираешь за ними, ходишь за ними, стираешь за ними, готовишь им еду. А тебе уже скоро три! Не пора ли подумать о своей собственной жизни?

— Когда я была ребенком, матушка Морки была ко мне очень добра. И ты тоже когда-нибудь состаришься... — не сдавалась Гrimма.

— Думаешь? Я лично в этом очень сомневаюсь. И кто же, интересно, будет тогда обдирать себе пальцы до кости, стирая мое белье?

Масклин чувствовал, как заводится все больше и больше. Он знал, что правда на его стороне, и все же его не покидало отвратительное ощущение собственной неправоты. Это было хуже всего.

Снова и снова думал он о том, чтобы уйти, и всегда после этих мыслей на душе оставался горький, злой осадок. А ведь все, кто был умен, все, у кого хватило решимости, кто был достаточно храбр, ушли давным-давно. Кто куда. «Старина Масклин, — говорили они, — мы знаем, на тебя можно положиться. Присмотри пока за стариками, а там мы вернемся, вот только найдем местечко получше — и придем за вами». И каждый раз старина Масклин соглашался, а потом, вспоминая, как все произошло, возмущался и негодовал. Он был зол на ушедших за то, что они ушли, он был зол на себя за то, что остался. В этом заключалась его беда — он слишком легко давал себя уговорить. Он и сам это знал. Что бы ни обещал он себе, берясь за какое-нибудь дело, рано или поздно он все равно выбирал путь наименьшего сопротивления.

Гrimma подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Он только пожал плечами.

— Ладно, в конце концов, они могут пойти с нами, — решил он.

— Ты же знаешь, они не хотят сниматься с места. Они слишком стары. И они здесь родились, здесь выросли. Им здесь нравится.

— Им здесь нравится, пока мы за ними ходим, — пробурчал Масклин.

Продолжать разговор дальше не имело смысла. На ужин опять были орехи. Масклину достался червивый. После ужина он выбрался наружу, дошел до насыпи и вскарабкался наверх. Он сидел, положив подбородок на руки, и смотрел на автостраду.

Внизу перед ним плыл поток красных и желтых огней. Там, внутри этих коробок, сидели люди, спешившие по каким-то своим загадочным человеческим делам. Они вечно куда-то торопятся. Неведомо куда.

Он готов был поклясться, что они не едят крыс. Людям вообще просто. Пусть они большие и неповоротливые, зато им не приходится жить в сырой норе. И у них нет выживших из ума старух, которых оставляют поддерживать огонь. В чае у них никогда не бывает червяков. Они могут идти, куда хотят, и делать, что им заблагорассудится. Весь мир принадлежит им.

И они всю ночь напролет носятся туда-сюда в этих маленьких грузовичках. Неужели они никогда не спят? Их, должно быть, сотни.

Сколько раз он мечтал о том, чтобы забраться в какой-нибудь грузовик и уехать отсюда прочь. Грузовики часто останавливались у кафе, и было так просто — фантастически просто — залезть в один из них. Они такие чистые, такие блестящие, и уж наверняка они едут

туда, где лучше, чем здесь. И разве был другой выход? Номы не переживут зимы, если останутся здесь. Мысль о том, что они оказались без крова накануне наступления холодов, приводила Масклина в отчаяние.

Конечно, никуда он отсюда не уедет. «Ты никогда этого не сделаешь, — говорил он себе. — Ты так и будешь сидеть здесь и мечтать, провожая взглядом эти огни, со свистом уносящиеся во тьму».

Над ними покачивались звезды... Торрит говорил, звезды — это очень, очень важно. Но именно сейчас Масклин был с ним не согласен. Звезды ведь нельзя съесть. И смотреть на них не очень-то интересно. Если подумать, звезды совершенно бесполезны...

Издалека донесся чей-то крик.

Разум Масклина еще ничего не успел осознать, но тело его выпрямилось, словно подброшенное пружиной, и вот он уже бесшумно несся вниз с насыпи, через низкорослый кустарник, ко входу в нору.

Первое, что он увидел, — торчащий вертикально вверх и возбужденно подрагивающий рыжий хвост. Морда хищника была под землей, но Масклин сразу понял, с кем имеет дело. В прошлом он несколько раз сталкивался с лисами и чудом оставался в живых.

Все происходившее дальше Масклин видел как бы со стороны. Какая-то частица его «я», настоящее, подлинное «я» Масклина — Торрит любил поговорить об этом настоящем «я», — с ужасом наблюдала, как руки его тянутся к копью, выдергивают копье из земли... В этот удар Масклин вложил все свои силы. Копье вонзилось в заднюю лапу...

Раздался приглушенный визг, зверь дернулся, и прямо перед собой Масклин увидел страшный оскал взбешенного хищника. Желтые, горящие глаза лиса сфокусировались на маленькой фигурке нома. Тяжело дыша, Масклин рванул копье на себя. Это было одно из тех мгновений, когда время замирает и все вокруг видится с необычайной отчетливостью. Возможно, на пороге смерти чувства обостряются, жадно пытаясь схватить последние детали, пока еще есть хоть какой-то шанс.

Морда лиса была перепачкана кровью.

И вдруг Масклина охватил неистовый гнев. Он наростал, словно огромный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. Что у него было в этой жизни? А сейчас перед ним стояла ухмыляющаяся тварь, готовая отнять и это немногое.

Лис высунул красный шершавый язык и облизнулся. Масклин знал, что выбор у него невелик: бежать или умереть.

Вместо этого он бросился в атаку. Копье взвилось, словно птица, и задрожало, вонзившись лису в губу. Взвизгнув, зверь принял царапать лапами морду, и тогда Масклин рванулся вперед, через грязь, не разбирая дороги; подгоняемый собственной злостью, он подпрыгнул и, уцепившись за рыжий мех, принял карабкаться вверх, туда, где была лисья шея. В руке его оказался костяной нож, и он бил, бил, бил изо всех сил, пытаясь раз и навсегда свести счеты со всем, что есть несправедливого в этом мире...

Лис тявкнул, взвился в воздух и тяжелыми скачками понесся прочь. Если бы Масклин мог тогда осознавать, что делает, он бы понял, что удары ножа не причиняют зверю ни малейшего вреда, а только раздражают его, но лис еще ни разу в жизни не сталкивался с пищей, которая бы так яростно сражалась, и сейчас единственным желанием зверя было убраться отсюда подальше.

Лис с разбегу ударился грудью о дорожное ограждение, взвизгнул, пригнулся и, протиснувшись под бетонной балкой, бросился навстречу огням шоссе.

И тут к Масклину вернулась способность думать. В уши ему ударил гул машин, двигающихся по автостраде. Он резко разжал руки и

упал в высокую траву, в то время как животное на всем скаку выскочило на асфальт.

Несколько раз перекувырнувшись, Масклин тяжело плюхнулся на землю. От удара у него перехватило дыхание.

То, что произошло дальше, он не забудет до самой смерти. Это воспоминание не изгладилось из его сознания даже после того, как он повидал столько необычного, что оно просто не умещалось в голове.

Пойманый светом фар, лис замер, словно статуя, оскалив зубы и угрожающе рыча, будто пытаясь взглядом отогнать десять тонн металла, надвигающихся на него со скоростью семьдесят миль в час. Потом был удар, пронесшийся мимо тугой порыв ветра — и темнота.

Масклин долго лежал, зарывшись лицом в холодный мох. Наконец он заставил себя встать. Его била дрожь. Он старался не думать, что могло бы произойти с ним самим, если бы... Шатаясь из стороны в сторону, он побрел по направлению к дому. К тому, что осталось от его дома...

Гrimма ждала у входа в нору, расхаживая взад-вперед и размахивая прутиком, словно дубинкой. Она едва не размозжила Масклину голову, когда он неожиданно вынырнул из темноты. Узнав его, она отбросила палку прочь и протянула навстречу дрожащие руки.

— А мы тут не знаем, что с тобой! Где тебя только носит! — По голосу ее было слышно, что она на грани истерики. — Мы услышали шум, а тебя не было, и эта тварь, она... она... унесла мистера Мерта и миссис Куум, разворотила весь вход и... — Она умолкла на полуслове: казалось, силы вдруг оставили ее.

— Спасибо за беспокойство, — холодно произнес Масклин. — Со мной все в порядке, так что большое спасибо.

— Что... Что случилось?

Не обращая на нее внимания, он прошел в темноту норы и лег. Все глубже погружаясь в холодное сонное оцепенение, он слышал бормотание стариков, их шамкающий, свистящий шепот.

«А ведь могло сложиться так, что я тоже был бы в норе, — думал он. — Они зависят от меня. Мы уедем. Все вместе».

Тогда это казалось хорошей идеей.

А сейчас все выглядело несколько иначе. Сейчас номы сбились в кучу в углу огромного темного пространства в кузове грузовика. Никто не произносил ни слова. Здесь было просто *негде* расшуметься. Рычание двигателя заполняло все вокруг, порой смолкало на мгновение и начиналось вновь. На слишком

крутых поворотах грузовик бросало из стороны в сторону.

Гrimma подползла поближе к Masklinu и устроилась рядом.

— Сколько времени мы будем туда добираться? — прокричала она, перекрывая шум мотора.

- Куда? — не понял Masklin.
- Ну, туда, куда едем.
- Просто не знаю. — Он пожал плечами.
- Старики хотят есть. Слышишь?

Они вечно чего-нибудь хотели. Masklin с отчаянием поглядел на стариков. Нахохлившись, они сидели на грязном полу грузовика... Они явно чего-то ждали от него...

— Я ничем не могу им помочь. Грузовик пуст. Тут нет никакой еды. Я ведь тоже голоден, но с этим ничего не поделаешь.

— Матушка Морки, проголодавшись, начинает брюзжать, — напомнила Grimma.

Masklin посмотрел на старуху долгим, ничего не выражавшим взглядом. Потом подполз поближе и сел между ней и Torritom.

«А ведь я никогда толком с ними не говорил», — вдруг осознал Masklin. В детстве они казались ему гигантами, не обращавшими на него никакого внимания, а потом он стал охотником среди других охотников, а потом... Весь этот год он только и делал, что пытался найти

им хоть какую-нибудь пищу, а в промежутках, вымотавшись до предела, проваливался в глубокий, тяжелый сон. Но все же он знал, почему предводителем племени был папаша Торрит. Само собой разумеется, вождем должен быть самый старый. Такова традиция, а она обсуждению не подлежала. Самый старый ном обязательно становился предводителем. Разумеется, самый старший из мужчин-номов. Женщина во главе племени — это же немыслимо! Даже матушка Морки всегда на этом настаивала, что было несколько странно, потому что она всегда выставляла Торрита идиотом, а он... он не принимал ни одного важного решения, не взглянув перед этим украдкой в сторону матушки Морки.

Масклайн вздохнул и опустил глаза, делая вид, что увлеченно рассматривает свои колени.

— Видите ли, я не знаю, сколько...
— Не беспокойся обо мне, мальчик, — прервала его матушка Морки. Казалось, она уже почти оправилась от недавнего потрясения. — Знаешь, во всем этом что-то есть...

— Но... но путешествие... оно может растянуться на годы, — пролепетал Масклайн. — Я не знал, что это будет так долго. Это была безумная идея...

Морки направила на него свой костлявый палец.

— Молодой человек, — произнесла старуха, — я пережила Великую Зиму тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. То было ужасное время. Так что не говори мне о голоде: я знаю, что это такое, лучше вас всех. Гrimma хорошая девочка, но слишком уж трястется над нами.

— Но я даже не представляю, куда нас везут! — выпалил Масклин. — Простите меня, мне правда жаль, что я вас втянул в это.

Торрит поудобнее устроил Талисман у себя на коленях и близоруко уставился на Масклина.

— У нас есть Талисман, — объявил он. — И Талисман укажет нам Путь, вот оно как.

Масклин уныло кивнул. Интересно, откуда Торрит всегда знает, чего хочет Талисман? Ведь это — черная безделушка, и только, а послушать Торрита — у Талисмана на все есть ответ: и как важно регулярно питаться, и почему ты всегда должен слушаться старших...

— И куда же выведет нас этот Путь? — не удержался Масклин.

— Будто ты не знаешь! На Небеса.

— Да-да, — буркнул Масклин, сердито уставившись на Талисман.

Он был абсолютно уверен, что тот вовсе ничего не говорил папаше Торриту. Масклин мог поклясться, что Талисман ни разу не из-

дал ни звука. Ни разу не двинулся с места, ни разу вообще ничего не сделал. Единственное, что он умел, — это быть черным и квадратным. Но зато уж это у него получалось на славу.

— Только покуда мы слушаем Талисман, остается надежда попасть на Небеса, — объявил Торрит. Но в голосе его звучала какая-то неуверенность — казалось, стариk просто произносил давным-давно заученную фразу, значения которой он так и не понял.

— О, конечно, — кивнул Масклин.

Он поднялся — хотя пол под ногами ходил ходуном — и, пошатываясь, направился к брезентовой занавеске в конце кузова. Секунду он медлил, собираясь с духом, потом отодвинул край брезента и высунул голову наружу. Там не было ничего, кроме смазанных пятен и огней. И странного запаха.

Все шло не так, как надо. Той ночью, неделю назад, эта идея казалась такой разумной: хуже, чем здесь, уже не будет, а значит, надо уходить. Но он ошибся. Он слишком часто ошибался. Взять тех же стариков — они всю жизнь стенали по любому поводу, их раздражал каждый пустяк, а сейчас, когда даже у Масклина опустились руки, они сохраняют присутствие духа.

Чужая душа — куда более мрачные потемки, чем кажется. Может, и Талисман подтвер-

дил бы это, если б только знать, как его спросить.

Грузовик резко повернул, с грохотом съехал по наклонной плоскости вниз, во тьму, и вдруг остановился. И тут Масклин увидел, что они попали куда-то, где было светло и стояло множество грузовиков, а между ними ходили люди...

Он быстро юркнул обратно и побежал к Торриту.

— Э-э... — начал он.

— Ну, парень?

— Небо... э-э... Люди попадают на небо?

Старый ном покачал головой.

— Небеса. Не небо, а Небеса. Много Небес.

Туда попадают только номы.

— Точно?

— Ну конечно, — усмехнулся Торрит. —

А люди... может, у них есть свои собственные Небеса, тут я ничего не знаю. Но на наших Небесах им нечего делать, уж поверь старику.

— А...

Торрит снова уставился на Талисман.

— Мы остановились, — сказал он. — Где мы?

Масклин уныло посмотрел во тьму.

— Думаю, мне лучше пойти и все разведать, — пробормотал он.

Снаружи донесся свист, отдаленный гул человеческих голосов. Огни вдруг погасли. Раз-

дался дребезжащий звук, щелчок, и все затихло.

Вскоре в кузове одного из замерших в молчании грузовиков послышалась какая-то неизвестная возня. Из-под брезентового полога показался кусок веревки — вернее, нитки. Он стал удлиняться, пока не коснулся заляпанного соляркой пола гаража.

...Прошла минута, и вслед за веревкой из-под брезента вынырнула маленькая коренастая фигурка. Осторожно перехватывая руками, странное создание соскользнуло по канату вниз и замерло, прижавшись к полу. Если бы не тревожно бегающие глаза, его можно было бы принять за камень.

На человека оно было мало похоже. Несомненно, у него было точно такое же количество рук и ног, и прочие части тела были на месте, и все же одетое в мышиную шкуру существо больше всего напоминало булыжник на ножках. По сравнению с номом чемпион по японской борьбе сумо казался худым как спичка. Движения же этого коротышки наводили на мысль, что он куда лучше приспособлен противостоять превратностям судьбы, чем старый, проверенный временем и выдержавший не одно странствие кожаный ботинок...

Масклайн был перепуган до полусмерти. Все здесь выглядело таким незнакомым. Вот толь-

ко запах *солянки* он слышал и раньше. Так всегда пахло там, где были люди и грузовики. (Торрит как-то раз сказал ему, что солянка — это такая огненная вода, которую пьют грузовики, и Масклин решил, что старик, видно, совсем выжил из ума. Ведь любому младенцу известно, что вода не горит.) Вещи вокруг были лишены всякого смысла. Какие-то пустые жестянки, в несколько раз выше нома, куски металла, непонятно для чего предназначенные. Нет, несомненно, эти Небеса предназначались для людей. Люди любят металл.

Масклин осторожно обогнул сигаретный окурок, мысленно пообещав себе прихватить его на обратном пути: то-то папаша Торрит обрадуется.

Здесь стояло множество грузовиков — недвижных, замерших в молчании. «Наверное, это их гнездо, — решил Масклин. — А значит, здесь нельзя найти никакой еды, кроме *солянки*».

Масклин инстинктивно пригнулся — как он всегда пригибался, входя в нору, — и пролез под скамью, возвышавшуюся у стены, словно дом, выстроенный у крутого горного склона. Под скамьей валялась куча рваной бумаги, но Масклин безошибочно шел на запах, который был здесь гораздо сильнее запаха *солянки*. Перед ним лежала апельсиновая корка.

Она чуть подгнила с одного боку, и все же это была замечательная находка.

Масклин взвалил корку на плечо и огляделся по сторонам.

Толстая, холеная крыса с интересом поблескивала на него глазками. Она была намного жирнее и больше своих товарок, которых номы застигали в мусорных баках рядом с кучами объедков. И тут Масклин почувствовал себя в своей стихии. Все эти огромные мрачные тени, пустые жестянки, призрачные запахи были выше его понимания. Но уж крыс-то Масклин знал, и знал, что с ними делать.

Он бросил корку, медленно поднял копье, изголовившись для броска, отвел его назад, прицелился точно между глаз...

И тут одновременно случились две вещи.

Масклин заметил на морде крысы изящную красную уздечку. И услышал крик:

— Нет! Стой! Я слишком долго его дрессировал... О Благоприятная Конъюнктура! Да откуда ты только взялся?

Незнакомец был номом. В этом Масклин не сомневался. Рост — нома, движения — нома.

Но вот одежда...

Преобладающий цвет повседневной одежды нома — цвет грязи. Так велит здравый смысл. Гrimма знала пятьдесят способов получения

красок из травы, и все они давали цвет, который с большей или меньшей натяжкой можно было назвать «грязным». Иногда это был грязно-желтый, иногда грязно-коричневый, иногда даже грязно-зеленый, но обязательно грязный. Ибо любой ном, рискнувший надеть прелестный красный или голубой костюмчик, мог гулять в нем примерно полчаса, а потом ему предстояло на собственном опыте узнать, как протекает процесс пищеварения.

А этот странный ном был похож на радугу: разноцветный костюм, рядом с которым даже упаковка из-под чипсов выглядела бы блеклой и серой, пояс, усыпанный стеклышками, настоящие кожаные ботинки да еще шляпа с пером! Разговаривая, он нервно похлестывал себя по ногам кожаным ремешком; присмотревшись, Масклин понял, что это поводья крысы.

— Ну (*щелк!*), отвечай!
— Я вылез из грузовика, — уклончиво сказал Масклин, косясь краем глаза на крысу.

Та перестала прядать ушами и бочком, бочком спряталась за спину хозяина.

— Что ты там делал? Отвечай!
Масклин хотел уже было дать грубияну отпор, но сдержался.

— Мы путешествуем, — объяснил он.

Ном удивленно уставился на него.

— Путешествуете? Это как? — И незнакомец опять щелкнул ремешком.

— Переезжаем, — ответил Масклин. — Знаешь такое слово? Снялись с одного места, едем в другое.

Услышанное произвело на незнакомца совершенно потрясающий эффект. Если он и не стал вежливее, то явно сбавил тон.

— Ты хочешь сказать, что ты явился Снаружи?

— Ну да.

— Но ведь это невозможно!

— То есть как невозможно?

Масклин растерянно уставился на незнакомца.

— Никакого Снаружи не существует!

— Да? Прошу прощения, — заметил Масклин, — но, как нам кажется, именно оттуда мы и приехали. А в чем проблема?

— Приехали Снаружи? Из настоящего Снаружного мира? — спросил ном, робко подбираясь поближе.

— Э-э... да. Мы как-то никогда об этом не задумывались. А это что за мес...

— И какое оно? — возбужденно перебил незнакомец.

— Что — оно?

— Снаружи! На что оно похоже?

Масклин тупо посмотрел на собеседника.

- Ну, оно такое... большое...
- Да?
- И... э-э... там много-много...
- Да? Да?
- Ну, этих... как их...
- А правда, там такой высокий потолок, что его и не видно? — Незнакомец аж подпрыгнул от возбуждения.
- Не знаю. Что такое «потолок»? — смеялся Масклин.
- Вот же он. — И незнакомец указал на верх, где что-то скрипело и раскачивалось под крышей гаража, отбрасывая неровные тени.
- В жизни подобного не видел, — пробормотал Масклин. — Там, снаружи, наверху все голубое или серое, и по нему плавут такие белые штуковины...
- А стены — они что, страшно далеко друг от друга, да? А правда, что там прямо на полу растет такой зеленый ковер... — спросил ном, который места себе не находил от расширявшего его любопытства.
- Э-э... что такое «ковер»? — спросил Масклин, озадаченный еще больше.
- У-у-у! — Ном сгреб руку Масклина и начал возбужденно ее трясти. — Меня зовут Ангало. Ангало де Галантерейя. Ха-ха! Впрочем, это для тебя пустой звук. А вот — Бобо.

Крысак оскалился. Масклин готов был поклясться, что он улыбался! К тому же Масклин впервые слышал, чтобы крыс именовали. Разве что «обедом».

— А я — Масклин, — кивнул он. — Ничего, если я скажу остальным, что они могут вылезти? А то путешествие было очень длинным...

— Ну, дела! Да конечно же! И все они из Снаружного мира? Отец просто не поверит!

— Прошу прощения, — удивился Масклин. — Я чего-то не понимаю. Ну, мы были снаружи, теперь мы — внутри, и что в этом особенного?

Ангало не обратил на его слова никакого внимания. Он, будто зачарованный, смотрел, как старики неуклюже спускаются по канату на землю.

— О, даже старики! — воскликнул Ангало. — А выглядят совсем как мы! И головы у них никакие не заостренные!

— Грубиян! — тут же возмутилась матушка Морки.

Ухмылка сползла с лица Ангало.

— Мадам, — начал он ледяным тоном, — вам известно, с кем вы говорите?

— С мальцом, который еще не вышел из того возраста, когда хорошая порка только на пользу! Да я бы на твоем месте от стыда сго-

рела! Нет, надо же такое придумать: заостренные головы!

Ангало потерял дар речи и некоторое время только беспомощно шевелил губами. Наконец он пробормотал:

— Потрясающе. Просто потрясающе! А ведь Доркас говорил, что если и возможна жизнь за пределами Магазина, она не может быть жизнью в той форме, в какой мы ее знаем! Прощу, прошу за мной, пожалуйста.

Они недоверчиво переглянулись, увидев, как Ангало тронулся прочь от гнездовья грузовиков, но все же пошли за ним. В общем-то, у них не было никакого выбора.

— Помню, твой отец однажды перегрелся на солнце, — шепнула матушка Морки на ухо Масклину. — Так вот, он нес тогда такую же чушь, как этот парень.

Тут папаша Торрит перестал шамкать ртом и приготовился изречь что-то важное. Все ждали, почтительно склонив головы.

— Я так считаю, что мы должны... — наконец выдавил он из себя. — Мы должны съесть его крысу!

— Заткнись-ка ты лучше, а? — по привычке шикнула на него Морки.

— Я — предводитель, — обиженно протянул Торрит. — И не смей так со мной говорить, вот.

— Конечно предводитель, — съязвила матушка Морки. — А кто говорит, что нет? Я говорю — нет? Да, конечно, ты предводитель.

— Вот-вот, — засопел Торрит.

— Ну и заткнись тогда, — презрительно бросила матушка.

Масклайн нагнал Ангало и потряс его за плечо.

— Что это за место?

Ангало остановился. Путь ему преграждала стена.

— А ты не знаешь? — удивился он.

— Ну... э-э... мы просто полагали... ну, что нам посчастливится и грузовик приедет в какое-нибудь славное местечко, и... — начала Гrimma.

— И вы были правы, — гордо объявил Ангало. — Это самое лучшее место, которое можно придумать. Это — Универсальный Магазин!

Глава 2

XIII. И не было в Магазине ни дня, ни ночи, но Время Открытия и Время Закрытия. И не было там ни дождя, ни снега.

XIV. И номы толстели и множились, и все дни жизни своей проводили в тяжбах и войнах, когда поднимался Отдел на Отдел. И забыли они все, что ведали о мире Снаружи.

XV. Ибо говорили они: Разве не собрал Арнольд Лимитед (осн. 1905) Все Под Одной Крышой?

XVI. А тех, кто говорил: Может, не все собрал он здесь? — подвергали они всяческому осмеянию и гнали прочь от очей своих.

XVII. А иные говорили: Если и есть какое Снаружи, что пользы нам от того? Ибо здесь у нас Электричество, и Продовольственный Отдел, и всевозможные Игры и Аттракционы.

XVIII. Так протекали их годы, и были они уютней кресел, что в отделе Мягкой Мебели (3 этаж).

XIX. Доколе не явился к ним Странник из дальних пределов и не возвысил голос свой и не возопил: «О горе, горе!»

Книга Жюльев, Второй Этаж, стр. XIII-XIX

• • • • • • • • •

Они семенили друг за дружкой, они шли, задрав головы вверх, они ошарашенно глазели по сторонам. Ангало остановился у какого-то проема в стене и нетерпеливо поманил их рукой.

— Туда! — бросил он.

Матушка Морки фыркнула.

— Это же крысиная нора, — объявила она. —

Ты что, хочешь, чтоб я спустилась в крысиную нору? — И она обернулась к Торриту: — Он хочет, чтобы я спустилась в крысиную нору! Не пойду я в крысиную нору!

— Но отчего же? — недоумевал Ангало.

— Потому что это — крысиная нора!

— Она выглядит так только снаружи, — попробовал возразить Ангало. — Это всего лишь маскировка.

— Нет. Это самая настоящая крысиная нора, вот оно как! Туда только что нырнула твоя крыса, — заявила матушка, очень довольная таким веским доказательством своей правоты.

Ангало с мольбой посмотрел на Гrimmu и скрылся в норе. Гrimma пожала плечами и заглянула в черный провал.

— Знаешь, матушка, я не думаю, что это крысиная нора, — сказала она, чуть понизив голос.

— Это еще почему, скажи на милость?

— Представь себе, там ступеньки. И прелестные маленькие огоньки.

Они шли — все вверх и вверх. Это был очень долгий подъем. Несколько раз пришлось останавливаться — старики не поспевали, а Торрита почти всю дорогу пришлось поддерживать под руки. Наконец на верхней площадке они прошли через дверь — *настоящую* дверь...

Даже в дни юности Масклайн не видел больше сорока номов сразу.

А здесь было много, много больше. И здесь была еда. Правда, выглядела она совершенно не похоже на все, с чем ему когда-либо приходилось иметь дело, но это точно была еда. В конце концов, ее ведь ели, он сам видел.

Зал, высотой примерно в два его роста, тянулся куда-то в бесконечность. Еда была сложена аккуратными кучками, между которыми оставались проходы, и в проходах суетилось множество номов. Никто не обращал внимания на маленькую группку незнакомцев, не-

решительно топтавшихся за спиной Ангало, к которому вернулась его заносчивая манера держаться.

Некоторые номы вели под уздцы откормленных, лоснящихся крыс, а дамы — мышек, покорно семенивших за своими владелицами. Краем уха Масклин слышал возмущенный шепот матушки Морки.

Слышал он и то, как папаша Торрит восторженно пробормотал:

— Ой, я знаю, что это! Помнишь, в восемьдесят четвертом мы нашли на помойке сандвич с сыром?

Матушка Морки ткнула его локтем под тоющие ребра.

— Заткнись, а? — зашипела она. — Или хочешь всех нас опозорить? Ты как-никак предводитель. Веди себя достойно!

Все чувствовали себя немного не в своей тарелке. В ошеломленном молчании шли они по залу, глядя на все эти фрукты и овощи, горками сложенные на подставках, а рядом сновали сотни номов и деловито все это поглощали. И тут Масклин увидел какую-то штуку, совершенно ему незнакомую. Ему было очень стыдно признаваться в своем невежестве, но любопытство взяло верх.

— А это что такое там, наверху? — спросил он, кивая на странный предмет.

— Это? Салями. Неужто никогда не ел? — усмехнулся Ангало.

— В последнее время как-то не приходилось, — честно признался Масклин.

— Вот финики, — продолжал Ангало. — А это — бананы. В жизни небось не видели, а?

Масклин открыл было рот, чтобы ответить, но тут матушка Морки резко дернула его за рукав.

— Что-то он маловат, — фыркнула она. — И тощий какой-то... Разве сравнишь с теми, которые были у нас дома?

— Неужели? — подозрительно спросил Ангало.

— Да уж конечно, — пожала плечами Морки, нащупывая под ногами почву. — Это не банан, а недомерок какой-то. Вот те, что мы ели дома... — Она на мгновение смолкла и оценивающе взглянула на банан, лежавший на двух подставочках, словно каноэ. Губы ее беззвучно шевелились. Наконец она придумала ответ.

— О, — объявила она с видом триумфатора, — да их и выкопать-то было непросто! — И старуха победоносно посмотрела на Ангало.

Тот лишь отвел глаза в сторону, признавая свое поражение.

— Ну, как бы там ни было, — пробормотал он, — угощайтесь. А номам-распределителям

скажете, чтобы записали все на счет де Галантейи. Только не говорите, что вы — из Снаружного мира. Я хочу, чтобы это было сюрпризом!

Дважды никого приглашать не потребовалось. Даже матушка Морки, и та в мгновение ока оказалась около кучи лакомств. Вид огромного куска пирожного наполнил ее душу удивлением и восторгом.

Один лишь Масклин остался стоять, где стоял, хотя живот у него сводило от голода. Он пока плохо понимал, как устроена жизнь в Магазине, и его не покидало смутное чувство, что не надо сразу соглашаться, иначе потом из этого никогда не выпутаешься.

— А ты что, не голоден? — спросил Ангало.

— Голоден, — кивнул Масклин. — Я совсем ничего не ел... Но откуда берется эта еда?

— Мы просто берем ее у людей, — беззаботно пожал плечами Ангало. — Они же такие глупые, сам ведь знаешь.

— И они ничего не замечают?

— Они думают, что во всем виноваты крысы, — хихикнул Ангало. — Когда идем за едой, мы прихватываем с собой крысиные орешки. То есть так делают семейства из Продовольственного Отдела, — поправился он. — Но иногда они позволяют и другим кланам сопро-

вождать их. А люди думают, что это все — крысы.

Брови Масклина поползли вверх.

— Орешки? — пробормотал он.

— Ну да, — отмахнулся Ангало. — Катышки, ясно?

Масклин кивнул.

— И люди на это ловятся? — с сомнением спросил он.

— О, они страшно глупые, я же говорил тебе. — Ангало ходил вокруг Масклина кругами. — Ты должен познакомиться с моим отцом. Хотя, конечно, и так все ясно — вы присоединяетесь к отделу Галантерейи, это дело решенное.

Масклин взглянул на своих. Они разбрелись между продуктовыми лотками. Торрит был занят поеданием куска сыра величиной с собственную голову. Матушка Морки с подозрением изучала банан, словно он мог взорваться, как только она к нему прикоснется. Даже Гrimma не обращала на Масклина никакого внимания.

Масклин почувствовал себя одиноким и никому не нужным. В чем он знал толк, так это в выслеживании крыс по полям. Он умел завалить дичь одним ударом копья и в одиночку дотащить добычу домой. Ему и впрямь все это нравилось; а еще ему нравилось, когда он слы-

шал что-нибудь вроде: «Молодчина, парень, хорошо поработал».

А здесь у него зародилось подозрение, что выслеживать бананы нет необходимости...

— Твой отец, кто он? — произнес Масклин.

— Герцог де Галантейя, — гордо объявил Ангало. — Защитник Антресолей и Самодержец Служебной Столовой.

— Как, три разных человека? — спросил сбитый с толку Масклин.

— Да нет, это его титулы. Некоторые из них. Мой отец — один из самых влиятельных номов в Магазине. А там, Снаружи, у вас есть отцы?

«Забавно, — подумал Масклин. — Он чуть ли не лопается от сознания собственной значительности, но стоит ему заговорить о том, что Снаружи, и он превращается в любопытного мальчишку».

— Когда-то у меня был один... — Ему не хотелось говорить на эту тему.

— Держу пари, на твою долю выпало немало приключений!

Масклин вспомнил все, что случилось, вернее, чуть не случилось с ним в последнее время.

— Да уж, — пробормотал он.

— Держу пари, у тебя была захватывающая жизнь! Весело было, да?

«Весело, — подумал Масклин. — Это, пожалуй, не совсем точное слово. Вряд ли можно сказать, что я веселился, когда бежал сломя голову через грязные канавы, а за спиной клацали лисьи зубы».

— Вы охотитесь? — спросил он вместо ответа.

— На крыс. Иногда. Там, в бойлерной. Иначе они слишком расплодятся и что мы тогда будем делать?

Ангало почесал Бобо за ухом.

— Вы их едите?

Ангало потрясенно уставился на него.

— Есть крыс?!

Масклин посмотрел на горы еды.

— Нет, думаю, что нет, — произнес он. — Знаешь, я никогда не думал, что в мире так много номов. Сколько вас здесь?

Ангало сказал.

— Две — чего? — переспросил Масклин.

Ангало повторил.

— Похоже, ты и не такое видывал, — сказал Ангало, заметив, что выражение лица Масклина абсолютно не изменилось.

Масклин тоскливо посмотрел на наконечник копья. То был кусок кремня, однажды найденный им в поле. Он вспомнил, как целую вечность выпрашивал у Гrimмы обрывок толстой

нитки, чтобы привязать заостренный камень к копью. А сейчас этот кусочек кремня казался ему единственной родной вещью в новом безумном мире.

— Не знаю, — пробормотал он. — А что такое «тысяча»?

Герцог Кидо де Галантерейя, он же — Лорд Протектор Эскалатора Наверх, Зашитник Антресолей и Рыцарь Прилавка, безразлично покрутил Талисман в руках и отбросил в сторону.

— Весьма забавно, — объявил он.

Номы стояли смущенной группкой и переминались с ноги на ногу. Прием происходил в герцогском дворце, располагавшемся под половицами отдела Мягкой Мебели. Герцог был в доспехах, и по нему не было заметно, что Талисман его позабавил.

— Итак, вы утверждаете, что явились из Снаружного мира? — сурово произнес он. — И вы всерьез думаете, что я вам поверю?

— Отец, я... — начал Ангало.

— Помалкивай! Вам известны слова Арнольда Лимитеда (осн. 1905)! Все Под Одной Крышей! *Vсе!* Следовательно, Снаружи не может быть ничего. А следовательно, вы — пришельцы из другой части Магазина. Из отдела

Корсетных Изделий. Или Молодежной Моды. Почему бы нет? Мы никогда не исследовали эти отдаленные области, так что...

— Да нет же, мы... — начал Масклин.

Герцог остановил его повелительным жестом.

— Слушай меня, — потребовал он, сверкнув глазами. — Я не возлагаю вину на вас. Мой сын — слишком впечатлительный юноша. И я не сомневаюсь, что он просто подговорил вас. Парень совершенно свихнулся: бегает смотреть на грузовики, наслушался всяких глупых историй — вот и помешался. Но у меня есть голова на плечах. — В голосе герцога послышался вызов. — А для крепких парней вроде тебя среди латников Галантерейи всегда найдется место. Так что забудем это маленько недоразумение, и все.

— Но мы действительно приехали снаружи.

— Нет никакого Снаружи! — закричал герцог. — В Снаружный мир попадают только умершие, и то если они вели праведную жизнь. Вот они будут пребывать Снаружи — в сиянии вечной славы. А теперь — к делу. — Герцог хлопнул Масклина по плечу. — Брось эту глупую болтовню. Нам нужна твоя помощь. Ведь перед нами стоит поистине героическая задача...

— А в чем она состоит?

— Ты ведь не желаешь, чтобы наш отдел захватили Слесарные Инструменты и Электротовары? — требовательно спросил Герцог.

Масклин озадаченно покосился на Ангало. Тот резко кивнул.

— Полагаю, что нет, — пробормотал Масклин. — Но вы ведь все — номы, разве не так? И ведь тут всем хватает места. Зачем же тогда вы только и делаете, что ссоритесь между собой? Это же глупо.

Краешком глаза он видел, как Ангало закрыл лицо руками.

Герцог побагровел.

— Глупо? Ты сказал «глупо»?

Масклин хотел было взять свои слова обратно, но он с детства был честным номом. Он чувствовал, что не настолько хитер, чтобы солгать и вывернуться из неприятной ситуации.

— Ну... — начал он.

— А ты хоть когда-нибудь слышал о таком понятии, как «честь»? — взревел герцог.

Масклин немного подумал и кивнул.

— Слесарные Инструменты и Электротовары хотят захватить весь Магазин, — поспешил вмешаться в разговор Ангало. — Это будет просто ужасно. А ведь есть еще и Дамские Головные Уборы. Они ничем не лучше.

— Почему? — удивился Масклин.

— Почему?! — взорвался герцог. — Да потому, что они испокон веков ведут с нами враж-

ду! А теперь ступайте, — прибавил он чуть спокойнее.

- Куда?
- К Слесарным Инструментам и Электротоварам. Или к Дамским Головным Уборам. Или к Канцелярским Принадлежностям. Этот народец как раз вам под стать. Или обратно, в Снаружный мир. В общем, куда хотите, это уже не мое дело, — саркастически расхохотался герцог.
- Мы хотим получить обратно наш Талисман, — бесстрастно объявил Масклин.
- Герцог поднял с пола черный кубик и швырнулся его в лицо Масклину.
- Извините меня, — пожал плечами Ангело, когда они вышли из зала. — Я должен был сразу предупредить вас, что у папы горячий нрав.
- Зачем ты вылез и стал перечить? — рассердилась Гrimма. — Если уж мы вынуждены к кому-то присоединиться, то почему бы не к этим, как их там, Горлодерии? А что с нами будет теперь?
- Этот ихний герцог слишком много себе позволяет, — отрезала матушка Морки.
- Он никогда не слышал о Талисмане, — пробубнил папаша Торрит. — Ужас, это ж надо! Или взять то, что Снаружи. Я как-никак

там родился. Всю жизнь прожил. И нет там никаких мертвцевов. И живущих в какой-то такой «славе» тоже нет. В норах — есть. А в «славе» — нет, это точно.

Тут, как всегда, между ним и матушкой Морки вспыхнула перебранка. Масклин посмотрел на них, потом опустил глаза. Они шли по какой-то низкой сухой траве. Ангало сказал, что это называется «ковер». Еще одна вещь, украденная у людей.

Масклину хотелось сказать: это же недепо. Почему, как только не надо думать о питье и пище, номы начинают ссориться друг с другом? Затем разве родились они на свет?

И еще хотелось ему сказать: если люди так глупы, как же они построили этот Магазин и все эти грузовики? Если мы так умны, тогда они должны красть у нас, а не наоборот. Может, они слишком большие, слишком медлительные, но они достаточно сообразительны, этого у них не отнимешь.

И еще одно прибавил бы он: я бы не удивился, будь они столь же сообразительны, как крысы.

Но он ничего не сказал — пока раздумывал и искал слова, взгляд его упал на Талисман, который нес папаша Торрит.

Вот о чем стоило подумать.

Масклин выбросил из головы прочие мысли и стал терпеливо ждать. Ему показалось:

еще немножко — и все станет понятно, и тут Гrimma спросила Ангало:

— А как живут номы, которые не принадлежат к отделам?

— О, у них очень печальная участь. Перебиваются, как могут. — Вид у Ангало был совсем жалкий. — Я вам верю, — пробормотал он. — Отец говорил, незачем мне засматриваться на грузовики. Мол, не доведут они меня до добра. А я... я месяцами только тем и занимался, что наблюдал за ними. И видел, как иногда они возвращаются мокрые, все в грязи. Снаружи что-то есть, это не пустые рассказни. Что-то там происходит. Послушай, может, вы не будете далеко уходить, а? Я уверен, он еще передумает!

Магазин был большим. Раньше Масклин думал, что грузовики большие. Но Магазин был куда больше. Он тянулся бесконечно: запутанный лабиринт этажей, стен, длинных изматывающих лестниц. Номы шли и шли по новым и новым переходам — то прибавляли шагу, то едва плелись. Слово «большой» было слишком маленьким, чтобы вместить в себя все это. Тут было нужно совсем новое слово.

Странным образом Магазин был даже больше, чем мир Снаружи. Снаружи — оно такое огромное, что ты даже не задумываешься об

этом. Ему нет ни конца ни края, оно кажется беспредельным. А Магазин... До его конца, до последнего его предела, надо так далеко идти, что создавалось впечатление, будто он *очень большой*.

Пока они шли следом за Ангало, Масклин привел в порядок мысли и перво-наперво решил переговорить с Гrimмой.

— Я хочу вернуться, — объявил он.

— Но ведь мы только-только приехали, — возразила она. — Так чего же ради...

— Не знаю. Здесь все как-то не так. Не могу отделаться от этого чувства. И, понимаешь, если я здесь останусь, хотя бы ненадолго, то совсем перестану верить, что есть какой-то мир снаружи, что именно там я и родился. Вот устрою вас — и уйду. Хочешь, пошли со мной... Но это уж тебе решать, — прибавил он.

— Но... здесь так тепло, так много еды!..

— Я же сказал: я не умею объяснять такие вещи. Только чувствую, за нами следят...

Гrimма инстинктивно глянула вверх, но вверху был только потолок, что навис в нескольких дюймах над их головами. Дома, если за номами кто-то следил, это значило, что кто-то голоден и не прочь подкрепиться. А здесь... Гrimма нервно рассмеялась.

— Глупости все это! — отмахнулась она.

— Просто я не могу чувствовать себя здесь в безопасности, — пробормотал Масклин.

— Скажи лучше, не хочешь, так оно будет вернее, — тихо произнесла Гrimма.

— То есть?

— А что, разве не так? Ты так привык во всем себе отказывать, жил, можно сказать, ради других и страшно этим гордился. А теперь что? — Она резко отвернулась и пошла прочь.

Масклин осталбенел. Пальцы его непроизвольно теребили шнурок, которым был привязан наконечник копья.

«Странно, никогда бы не подумал, что такое придет кому-то в голову». Смутные воспоминания о прошлом всплывали в его сознании. Гrimма... Нора... Гrimма все время стирала; готовила жалкий ужин из принесенного им съестного, убирала за стариками. Странно. Разве можно жалеть о той жизни?

Вдруг он понял, что остальные тоже почему-то остановились. Впереди простирался длинный коридор, тускло освещенный слабенькими лампочками, развешанными по стенам.

— Слесарные Инструменты и Электротовары берут за свет слишком большую плату, — объяснил Ангало. — И никому не дают проникнуть в тайну управления электричеством. Электричество — это один из главных источников их власти. Здесь кончается территория Галантерейи, — сказал он. — Дальше уже владения Дамских Головных Уборов. В настоя-

щий момент у нас с ними несколько напряженные отношения. А вам... вам обязательно нужно найти какой-нибудь отдел, где вас примут... — Он взглянул на Гримму и нерешительно произнес: — Э-э...

— Мы не собираемся разделяться, — вмешалась матушка Морки. Она пристально посмотрела на Масклина. Потом обернулась к Ангало и царственным жестом отослала его прочь. — Все, можешь проваливать, юноша. Масклин, становясь во главе. Ну... Вперед!

— Кто ты такая, чтобы командовать, а? «Вперед»! — рассердился Торрит. — Я предводитель, вот оно как. Я. Это моя работа — отдавать приказы!

— Да? — ехидно осведомилась матушка Морки. — Ну тогда приказывай! Что же ты?

Торрит зашамкал ртом.

— Правильно, — наконец выдал он из себя. — Вперед!

У Масклина от удивления отвисла челюсть.

— Куда? — только и спросил он.

Старуха подтолкнула его в спину.

— Туда. — И она показала в темноту. — Что мы, не найдем себе пристанища? Я пережила Великую Зиму тысяча девятьсот восемьдесят шестого! — В голосе ее звучала гордость. — Нет, а этот нахал герцог... Вы только подумайте! Я едва сдержалась. Вот уж кто недолго бы протянул в Великую Зиму, скажу я вам!

— Никакое зло не коснется нас, если мы будем повиноваться Талисману, — объявил Торрит, трепетно поглаживая черный ящичек.

Масклин резко остановился.

«Хватит, — решил он. — Хватит, сыт по горло, все».

— И что же говорит Талисман? — резко спросил он. — Что именно он нам советует, а? Ну, мы ждем. Что нам теперь делать?

Торрит не мог скрыть своего замешательства.

— Э-э... — прошамкал он. — Э-э... Если мы будем все вместе и... э-э... вести праведную жизнь...

— Ты просто заговариваешь нам зубы. Ты только этим и занимаешься!

— Да как ты смеешь такое говорить?! — накинулась на него Гrimma.

Масклин швырнул копье на землю.

— Все, я сыт по горло! — рявкнул он. — Талисман говорит то, Талисман говорит се... Вечно он что-нибудь говорит, и хоть бы одно дельное слово!

— Номы передавали его из поколения в поколение. Сотни лет, — рассердилась Гrimma. — Талисман — это очень важная вещь.

— Ну?

Гrimma взглянула на Торрита. Старик облизнул губы.

— Он повелевает нам... — начал он, побледнев.

— Поднесите меня ближе к проводам электросети...

— Послушать вас, так без Талисмана... Эй, на что это вы там уставились? — осекся Масклин.

— ...ближе к электросети.

Торрит остолбенело уставился на Талисман. Руки его тряслись.

На гладкой черной поверхности кубика мерцали разноцветные огоньки. Сотни огоньков. «Может быть, даже тысячи...» — подумал Масклин, ощущив некоторую гордость, что знает это слово.

— Кто это там говорит? — удивился он.

Торрит разжал руки. Талисман упал на пол. Светящиеся точки на его поверхности плясали, словно огни тысячи фар на ночном шоссе. Номов охватил ужас.

— Так Талисман и вправду разговаривает с тобой... — пробормотал Масклин. — Ничего себе!

Торрит в отчаянии заломил руки.

— Нет! Нет! Он... Он совсем не так говорит! Не так! Не вслух! Он так никогда раньше не делал!

— ...ближе к электросети!

— Он просит электричества, — произнес Масклин.

— Нет-нет! Не хочу к нему прикасаться! —
взвизгнул Торрит.

Масклина передернуло, но он взял себя в
руки и древком копья подтолкнул Талисман к
стене, по которой тянулись провода.

— А... а как он говорит? У него же нет
рта! — недоумевала Гримма.

Кубик загудел. Цветные узоры на его по-
верхности сменяли друг друга с такой быстро-
той, что Масклин просто не мог за ними усле-
дить. В основном в этих узорах преобладал
красный цвет.

Торрит вдруг упал на колени.

— Талисман гневается, — простонал он. —
Не надо было нам есть крыс, не надо было
сюда приходить...

Масклин тоже опустился на колени, протя-
нул руку и опасливо дотронулся до мерцаю-
щего кубика. На ощупь Талисман был такой
же холодный, как всегда.

И опять его охватило странное чувство: ка-
залось, в его голове ворочаются мысли, для
которых нет правильных слов.

— Когда Талисман говорил с тобой рань-
ше, — медленно начал он, — ты знал, как мы
должны жить, и что такое праведность, и...

Лицо Торрита исказилось мукой.

— Нет. Не было этого ничего.

— Но ведь ты говорил...

— Так было когда-то, давным-давно. Очень давно. Когда старый Вузел передал мне Талисман, он сказал, что тот перестал разговаривать сотни лет назад...

— Что?! — воскликнула матушка Морки. — И все эти годы ты утверждал, будто Талисман сказал то, Талисман сказал се... Чего он только не говорил!

Торрит был похож на загнанную в угол и трясущуюся от страха мышь.

— Ну? — не отставала от него матушка. В голосе ее отчетливо слышалась угроза.

— Хм... — прошамкал папаша Торрит. — Э-э... старый Вузел объяснил: надо подумать, что бы такое сказал Талисман, а потом произнести это самому, вот. Главное — не давать номам сбиться с пути истинного, направлять их... Помочь им попасть на Небеса. Это очень важно, чтобы все попали на Небеса. И тут не обойтись без помощи Талисмана. «Талисман — самое главное, что для этого нужно», — сказал Вузел.

— Для чего — для этого? — не унималась Морки.

— Он мне больше ничего не сказал, — захныкал Торрит. — Но я ведь все делал правильно...,

Масклайн не обращал на эту перебранку никакого внимания. Как зачарованный следил он за загадочным мерцанием цветовых узоров

на поверхности кубика. В нем все больше и больше крепла уверенность, что они что-то значат.

Иногда в погожие дни, теперь навсегда оставшиеся в прошлом, Масклин, если не надо было охотиться, шел на насыпь и просиживал там часами, глядя на стоянку грузовиков внизу.

Там еще высились такая большая синяя доска с изображением каких-то фигурок. Или взять те же коробки и мятые бумажки, что попадались в мусорных контейнерах. Обычно на них были какие-то рисунки. Масклин вспомнил давний спор из-за коробок с цыплятами. На них был нарисован старый человек с огромными усами*, и номы утверждали, будто это и есть цыпленок. Однако Масклин твердо знал, что у людей не принято есть своих стариков. Зачем, когда у них и так много еды?! Может, у них старики делают цыплят?

Талисман заговорил вновь.

— Прошло пятнадцать тысяч лет, — объявил он.

Масклин поднял глаза и глянул на остальных.

* Этого человека звали полковник Сандерс. Он изобрел специальный способ приготовления цыплят и открыл сеть ресторанчиков, которые назвал «Кентукки файерплэйс чикен». На вывесках этих ресторанов всегда изображается его портрет.

— Говори с ним, — приказала Торриту мачтушка Морки.

Однако старик лишь боязливо попятился назад.

— Нет-нет, только не я! И вообще я не знаю, что говорить. — Голос его дрожал от страха.

— А кто? Не я же! Кроме того, это обязанность предводителя говорить с...

— Пятнадцать тысяч лет, — повторил Талисман.

Масклин пожал плечами. Видно, ему придется взять это на себя.

— Прошло — куда?

Казалось, кубик напряженно думал. Наконец он сказал:

— Вы все еще понимаете смысл слов «космонавигация» и «регистрирующий компьютер»?

— Нет, — честно признался Масклин.

Огоньки вздрогнули, и возник новый узор.

— Вы что-нибудь знаете о межзвездных полетах?

— Нет.

Насколько Масклин мог судить по мерцающим огонькам, Талисман был явно разочарован его ответом.

— Вы знаете, что прибыли сюда издалека?

— Да. Конечно знаем.

— Место, откуда вы прибыли, гораздо дальше, чем Луна.

— Э-э... — Масклин заколебался. Хотя... Путешествие длилось так долго... За это время они вполне могли проехать мимо Луны. Он часто видел желтый диск, висящий над горизонтом, и грузовик точно двигался быстрее, чем эта штука. — Да, — кивнул он. — Очень может быть.

— Язык сильно изменился за прошедшие годы, — задумчиво произнес Талисман.

— Правда? — вежливо спросил Масклин.

— Как вы называете эту планету?

— А что такое «планета»? — не понял Масклин.

— Небесное тело.

Масклин озадаченно моргнул.

— Как называется это место? — спросил Талисман.

— Э-э... Магазин...

— Эмагазин.

Узор изменился, словно кубик размышлял над услышанным.

— Юноша, я не собираюсь стоять тут весь день и слушать эту глупую болтовню, — объявила матушка Морки. — По-моему, мы так и не решили, куда же нам идти и вообще как мы будем жить дальше.

— Ладно, ладно. Все в порядке, — вмешался Торрит. С его стороны это была неслыханная дерзость.

— Вам известно, что вы — жертвы кораблекрушения? — спросил Талисман.

— Э-э... Мы — номы. Я вот — Масклин. А никаких Жертвов Кораблекрушениеев я не знаю.

Цветовой узор опять изменился. Потом, когда Масклин лучше узнал Талисман, он заподозрил, что данный конкретный рисунок огоньков заменяет тяжелый вздох.

— Мое предназначение — служить вам и помочь в выборе пути, — сказал он.

— Слышите! — воскликнул папаша Торрит, гордо расправляя плечи. — Значит, мы были правы насчет Талисмана!

Масклин потрогал кубик пальцем.

— Раньше ты молчал. Почему?

Черный ящичек зажужжал:

— Было необходимо беречь внутренние ресурсы. Теперь я могу подпитываться от окружающих электрополей.

— Как все красиво звучит! — пробормотала Гrimma.

— Ты хочешь сказать: ты пьешь электричество из этих фонариков? — удивился Масклин.

— На данный момент это может служить вполне приемлемым объяснением.

— Тогда почему ты не заговорил сразу, как только мы здесь очутились?! — с обидой воскликнул Масклин.

— Моей задачей было слушать.

— О...

— Теперь я жду вводных данных.

— Водных — чего? — не поняла Гrimма.

— Похоже, он хочет, чтобы мы сказали, что ему теперь делать, — пожал плечами Масклин.

Он присел на корточки и внимательно посмотрел на огоньки.

— А что ты можешь? — спросил он наконец.

— Я могу переводить, производить вычисления, тригонометрическую съемку, а также корреляцию, экстраполяцию и ассилиацию...

— Думаю, нам бы сейчас пригодилось что-нибудь совсем другое, — пробормотал Масклин. — Ну, хотим мы что-нибудь такое? — спросил он остальных.

Матушка Морки на мгновение задумалась.

— Нет. Это все не то. Вот если бы он делал бананы...

— Н-да... Видишь ли, мы хотим попасть домой и чтобы нам ничего не грозило. Вот и все, что нам нужно.

- Попасть домой, — повторил Талисман.
- Ну да.
- И чтобы вам ничего не грозило.
- Да.

Потом эти восемь слов стали самой знаменитой фразой в истории номов. Ее заучивали наизусть в школе. Ее писали на памятниках. Но, как это ни грустно, в тот момент, когда Масклин произнес эти слова, никто не задумался о том, что он сказал, и не придал им ни малейшего значения.

Однако Талисман произнес:

- Приступаю к решению.

И погас. Остался только один маленький зеленый огонек, который равномерно мигал.

— Слава богу, — проворчала Гrimма. — Ну и голосок у него! Так что же мы будем теперь делать?

— Если верить этому Ангало, то влечить жалкое существование, — вздохнула матушка Морки.

Глава 3

I. И сами не желая того, принесли они с собой Талисман, что пробудился в присутствии Электричества, и лишь ему одному было ведомо, кто они и откуда.

II. Ибо память номов — из плоти и крови, а память Талисмана — из Кремния Твердокаменного и не ведает тления, тогда как память номов будет развеяна по ветру, подобно праху.

III. И вложили они в нее Вводные Данные, но не ведали о том.

IV. Это, говорили они, кубик с забавным голо-
сом.

V. Но Талисман приступил к решению Задачи: как уберечь номов от всякой опасности.

VI. А также приступил Талисман к решению Задачи: как вернуть всех номов домой.

VII. И был их путь Путем Домой.

Книга Номов, Янтаресоми, ст. I-VII

• • • • • • • • • •

Заблудиться под полом, в этом лабиринте стен, проводов и труб, было проще простого. Номы шли по бесконечно ветвящимся тропинкам, по обеим сторонам которых возвышались сугробы пыли. Путники даже не столько заблудились, сколько запутали, как выразился папаша Торрит. Множество дорожек и тропок, проложенных между балками, стенами, арматурой, несомненно, куда-то вели, но куда? Номам не встретилось ни одного дорожного указателя. Порой навстречу попадался одинокий, спешащий по своим делам ном, но каждый раз он пробегал мимо, не обращая на них никакого внимания.

На ночлег они устроились в какой-то нише между двумя огромными деревянными балками и мигом заснули. Проснувшись, номы обнаружили, что все вокруг залито тем же тусклым светом. Казалось, в Магазине нет ни дня ни ночи. Но кое-какие изменения, пока они спали, произошли. Откуда-то издалека доносился низкий, несмолкающий гул.

Изменился и Талисман. На его поверхности выросла маленькая странная чашечка и загорелась еще несколько огоньков. Чашечка медленно поворачивалась.

— А не поискать ли нам дорогу в зал с едой? — спросил папаша Торрит с надеждой в голосе.

— Думаю, туда пускают только тех, кто принадлежит к отделам, — покачал головой Масклин. — Но здесь обязательно должна быть еда.

— Когда мы сюда пришли, тут не было так шумно! — объявила матушка Морки. — Что за гвалт!

Масклин огляделся по сторонам. Между деревянными балками оставался небольшой зазор, и оттуда бил яркий свет. Масклин подошел поближе и прильнул глазом к щели.

— Ого! — пробормотал он себе под нос.

— Что там, что там такое? — заинтересовалась Гримма.

— Люди. Ты в жизни их столько не видела.

Щель была в том самом месте, где перекрытие соединялось со стеной какого-то огромного зала. Размерами он почти не уступал гнездовью грузовиков и был битком набит людьми. Магазин открылся.

Номы всегда знали, что люди живут очень медленно. Во время охоты Масклину пару раз случалось наткнуться на людей, и он не сомневался, что успеет отскочить в сторону и спрятаться за какой-нибудь выступ, прежде чем они его заметят: слишком уж медленно двигались глаза на огромных глупых физиономиях этих существ.

Пространство внизу буквально кишило людьми. Масклина поразило, какая тяжелая, не-

улюющая у них походка. И они все время что-то кричали друг другу глухими, низкими голосами. Номы как зачарованные уставились на эту картину.

— Что это у них в руках? — спросила Гrimма. — Похоже на Талисман.

— Кто знает? — пожал плечами Масклайн.

— Смотри, они выбирают эти штучки, потом дают что-то другому человеку, кладут их в сумки и уходят. Можно даже подумать, будто они знают, что делают.

— Да нет. Они ничем не отличаются от муравьев. Те ведь тоже кажутся разумными. А присмотришься поближе... Вот и с людьми так же, — вмешался папаша Торрит.

— Но... они строят дома... — с сомнением произнес Масклайн.

— Ну, сынок, так ведь и птицы тоже строят гнезда, — возразил Торрит.

— Да, но...

— Я всегда говорил, люди — как сороки. Любят все блестящее...

— Хм... — Масклайн решил не спорить со стариком.

Все равно это бесполезно. Если ты не мачтушка Морки, лучше в таких случаях помолчать. Идеи, помешавшиеся в голове у папаши Торрита, можно было пересчитать по пальцам.

Но уж если какая мысль пустила корни в его сознании, не стоило даже пытаться вырвать ее оттуда. И все же Масклину очень хотелось сказать: если люди настолько глупы, почему мы прячемся от них, а не наоборот?

И тут его озарила идея. Он поднял с пола черный кубик.

— Талисман! — позвал Масклин.

Тишина.

Потом послышался тоненький голосок:

— Действия по решению основной задачи приостановлены. Каковы будут дальнейшие указания?

— Ты знаешь, кто такие люди? — спросил Масклин.

— Да. Возвращаюсь к решению основной задачи.

Растерянно моргая, Масклин взглянул на остальных.

— Талисман! — снова окликнул он.

— Действия по решению основной задачи приостановлены. Каковы будут дальнейшие указания? — повторил кубик.

— Я просил рассказать мне о людях, — напомнил Масклин.

— Задача была сформулирована иначе. Ты сказал: «Ты знаешь, кто такие люди?» Мой ответ был абсолютно точен.

- Ну так скажи мне, кто же они!
- Люди — это туземные обитатели мира, который вы называете теперь Эмагазин. Возвращаюсь к решению основной задачи.
- Вот-вот! — воскликнул Торрит, глубоко мысленно кивая. — А я вам что говорил? Они — туземные. Разумные — да, но, в общем-то, туземные. Даже слишком туземные. — Он поколебался. — То есть тусамные, хотел я сказать.
- А мы — туземные? — спросил Масклайн.
- Действия по решению основной задачи приостановлены. Нет. Возвращаюсь к решению основной задачи.
- Конечно нет! — сказал Торрит, презрительно передернув плечами. — Нам есть чем гордиться.

Масклайн уже открыл рот, чтобы спросить, что такое «туземные». Он знал, что не знает этого, и был абсолютно уверен, что Торрит тоже лишь делает вид, будто все понял. На языке вертелось множество вопросов, но сперва следовало подумать о словах, которыми он пользуется.

«Я знаю слишком мало слов, — понял Масклайн. — А есть вещи, о которых нельзя думать, пока у тебя нет нужных слов».

Но он так и не успел со всем этим разобраться, потому что сзади послышался незнакомый голос:

— Потрясающе! В последнее время их становится все больше и больше. Хотел бы я знать, откуда только они берутся?

Голос принадлежал пожилому, но еще весьма крепкому ному, одетому довольно неряшливо — а ведь местные номы очень внимательно следили за своей одеждой. Костюм незнакомца состоял главным образом из необъятных размеров фартука, карманы которого загадочно оттопыривались.

— Ты что, шпионил за нами, а? — возмутилась матушка Морки.

Незнакомец рассеянно пожал плечами.

— Обычно я прихожу сюда наблюдать за людьми. Тут такое удобное место, никто не мешает. А вы из какого отдела?

— У нас пока что нет отдела, — ответил Масклин.

— Мы сами по себе, — вмешалась матушка Морки.

— Мы не какие-нибудь туземные, мы сами по себе! — подтвердил Торрит.

Губы незнакомца растянулись в добродушной усмешке. В следующий момент он скользнул с деревянной балки, на которой сидел.

— Подумать только! — воскликнул он. — Вы ведь те новенькие, о которых я столько слышал? Из Снаружного мира, да? — И он радостно протянул Масклину руку.

Масклин ответил ему недоверчивым взглядом.

— Простите? — вежливо произнес он.

Незнакомец вздохнул.

— Пожмем друг другу руки, — объяснил он.

— Зачем?

— Ну, такая традиция. Мое имя — Доркас Дель Икатес. — Незнакомец хитро улыбнулся. — А вы свое имя знаете?

Масклин пропустил его вопрос мимо ушей.

— Вы говорите, что наблюдаете за людьми?

— О да. Наблюдаю за ними. Изучаю их.

Это моя специальность. Наблюдая за людьми, можно, знаете ли, многое узнать о будущем.

— Это как с наблюдением за погодой, да?

— Погодой? Ах, ну да. Конечно, конечно!

Ном ухмыльнулся во весь рот. — Потрясающая штука, эта самая погода! Вы, должно быть, все про нее знаете...

— А вы что-то слышали о погоде? — удивился Масклин.

— Только старинные легенды. Хм... Однако! — И Доркас окинул Масклина изучающим взглядом. — Я-то считал, что существа Снаружи должны иметь... э-э... несколько иное...

э-э... телосложение. Другая форма жизни, понимаете ли. А вы точь-в-точь схожи с нами... Удивительно! Потом покажу вам, что я имел в виду...

Масклин в отчаянии огляделся по сторонам. Повсюду пыль. Одна пыль. Здесь все пропахло затхлостью. Хватит, он уже сыт этим по горло. Здесь слишком тепло, слишком сухо, и каждый считает его за дурака. А теперь еще выясняется, что у него телосложение какое-то не такое.

— Ну, знаете ли... — начал он.

И тут Талисман, который Масклин все еще сжимал в руке, произнес:

— Этот ном нам нужен!

— Ух ты! — воскликнул Доркас. — Первый раз вижу такой маленький радиоприемник! Эти игрушки становятся все меньше и меньше. Просто потрясающие!

Доркас привел их к какой-то дыре в полу. Большой квадратной черной дыре. В глубь этого бездонного провала уходило несколько кабелей. Самый тонкий из них был немного толще хорошо упитанного нома.

— Как, неужели вы там живете? — испуганно спросила Гrimма.

Вместо ответа Доркас пошарил рукой в черной пасти дыры. Раздался щелчок. Потом на-

верху что-то заскрежетало. Послышалось отдаленное гудение.

— Там? Нет-нет. Ни в коем случае, — пробормотал Доркас. — Я потратил многие годы, занимаясь исследованием этого феномена. Оказалось, что мы имеем дело с полом, подвешенным на веревке. Он может подниматься и опускаться. Вместе с людьми. Тут мне пришла в голову мысль. Я ведь не молодею, а все эти лестницы, они уже не для моих старых ног. Ну я и стал присматриваться, как эта штука работает. Оказалось — очень просто. Да иначе и быть не могло. В противном случае люди ни за что бы не догадались, как ею пользоваться. Пожалуйста, посторонитесь немножко...

Из шахты вынырнуло что-то огромное и черное и замерло в нескольких дюймах над их головами. Оно было наполнено лязгом, топотом людских шагов и гулом голосов.

Внизу под этой штукой болталась подвешенная на струне корзинка, сплетенная из тонких проводков.

— И ты хочешь, чтобы я, как куропатка на яйцах, сидела в этом проволочном гнезде?.. Ну уж нет, поищи-ка другого кого-нибудь, — возмутилась матушка Морки.

— А это... безопасно? — осторожно поинтересовался Масклайн.

— Более или менее, более или менее, — нараспив произнес Доркас, занятый тем, что пытался найти очередной выключатель. — Не задерживайтесь... Пожалуйста, сюда, мадам...

— Э-э... Постойте, постойте... Это насколько же более, чем менее? — напрягся Масклин, видя, что матушка Морки, польщенная обращением «мадам», шагнула вперед.

— За сделанное мной я как-нибудь отвечаю, тут с безопасностью все в порядке. Но что касается этой штуки наверху... Она собрана людьми, и, сами понимаете, про нее с уверенностью ничего нельзя сказать... Потесней, потесней, пожалуйста. Поехали!

Наверху послышался лязг, корзина дрогнула и начала подниматься.

— Согласитесь, очень удобно, — рассказывал Доркас. — У меня ушло несколько лет, чтобы провести все эти выключатели... И думаете, люди что-нибудь заметили? Представьте: они нажимают кнопку вниз, но я хочу вверх — и мы едем вверх. Вначале я страшно боялся, что они переполошатся, с чего бы это лифт ездит вверх-вниз сам по себе, но они страшно глупы. Ну вот мы и приехали!

Лифт с лязгом остановился. Корзина номов оказалась на одном уровне с щелью, ведущей под плиты пола.

— Электроприборы и Бытовая Техника, — заявил Доркас. — Я мог бы назвать это место своими владениями. Тут я сам себе хозяин, никто меня не беспокоит. Даже аббат. Все побаиваются электричества. Ну, а я давно разобрался что к чему — этим и пользуюсь.

Вокруг были сплошные провода. Они тянулись во всех направлениях, сплетались в разноцветные пучки и снова разбегались. Несколько молодых номов деятельно разбирали на части какой-то непонятный предмет.

— Радио, — объяснил Доркас. — Очень забавная вещица. Мы вот пытаемся выяснить, как эта штука говорит.

Порывшись в куче бумаги, наваленной в углу, Доркас вытащил какой-то рисунок и, смущенно улыбаясь, протянул его Масклину.

На рисунке был изображен маленький розовый конус, увенчанный реденьким пучком волос.

Номы никогда не видели моллюска-блюдечника. Иначе они знали бы, на кого похоже странное существо на этом наброске. Разве что у моллюска нет волос.

— Очень мило, — неуверенно пробормотал Масклин. — А что это такое?

— М-м... Понимаете ли, это мое представление о том, как должны выглядеть Снаружные жители, — признался Доркас.

— Что?! Почему это у них остроконечные головы?

— А дождь? В старинных легендах о времени создания Магазина говорится о дожде. Там сказано, что с неба все время льется вода. Эта вода должна как-то стекать. И еще — ветер. Он дует все время, поэтому у живых существ не должно быть резких углов. Я ведь не знал ничего, кроме старинных легенд...

— Но почему у них даже глаз нет?

— Глаза есть. Маленькие щелочки, вот здесь, под волосами, — показал Доркас. — Они спрятаны, чтобы их не слепило солнце... Ну, этот большой яркий прожектор в небе, — пояснил он.

— Уж солнце-то мы видели, — проворчал Масклин.

— Что он там говорит? — поинтересовался Торрит.

— Он говорит, что ты должен выглядеть вот так, — ядовито заметила матушка Морки. — Что ты розовый и голова у тебя остроконечная!

— Ну уж, знаете ли! Голова у меня все-таки тупая!

— Что верно, то верно, — съязвила матушка.

— Знаете, мне кажется, вы допустили несколько ошибок, — осторожно начал Масклин. — На самом деле все по-другому. Неуже-

ли никто из вас даже краешком глаза не выглядел наружу?

— Я видел однажды, как открылась большая дверь в гараже. Но за ней был только белый слепящий свет, и больше я ничего не смог различить...

— Н-да... Наверное, если все время сидеть в такой темноте, то это неудивительно, — пробормотал Масклин.

Доркас выкатил откуда-то катушку из-под ниток.

— Вы должны мне все рассказать. Все, что вы можете вспомнить о Снаружном мире.

На поверхности Талисмана, лежавшего в ногах у Торрита, вспыхнул еще один зеленый огонек.

Немного погодя какой-то молодой ном привнес им еду. И они ели, и говорили, и спорили, перебивая друг друга, а Доркас слушал и задавал вопросы.

По его словам, он был исследователем. Особенно интересовало его все, связанное с электричеством. В давние времена, когда номы только-только начали пользоваться электричеством, наугад подключаясь к проводам, в Магазине было много смертельных случаев. Теперь-то уже научились делать это без риска для жизни, но само электричество все равно

оставалось загадкой, и большинство предполагало держаться подальше от приборов и проводов. Вот почему вся местная аристократия и даже сам аббат Канцелярских Принадлежностей предоставили Доркасу полную свободу действий. Исследователь был страшно рад, что когда-то ему пришла в голову мысль заняться тем, чего другие боялись и избегали. Теперь он мог позволить себе любые причуды, мог даже рассуждать о жизни Снаружи. Единственное, что от него требовали, чтобы он не рассуждал об этом слишком громко.

— Я что-то забыл, — сказал Доркас, — как называется у вас второй прожектор, который горит после Закрытия?

Масклин не сразу понял, что имеет в виду его собеседник.

— А, ну конечно... Когда наступают сумерки, да... Тогда на небе появляется луна, — сообразил он наконец.

— Луна... — мечтательно повторил Доркас, будто пробуя слово на вкус. — Но ведь луна не такая яркая, как солнце? Очень, очень странно. Зачем яркий свет днем, когда и так все видно? Ночью он был бы куда нужнее. Вы, наверное, никогда не задумывались, почему все так происходит?

— Просто так было всегда, — пожал плечами Масклин.

— Знаете, нельзя сказать, что я ничего не предпринимал, чтобы увидеть все это своими глазами. В юности я часто ходил смотреть на грузовики, но у меня не хватило смелости забраться в кузов и уехать... — И Доркас слегка сскутился. — Я верю, — продолжал он после паузы, — что Арнольд Лимитед (осн. 1905) дал нам Универсальный Магазин, чтобы мы познали все, что есть в нем. Изучили его. Для того мы и созданы разумными. Как по-вашему?

Масклин был весьма польщен этим вопросом. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но его перебила Гrimма:

— Тут у вас только и слышишь разговоры об Арнольде Лимитеде. Но ни одна живая душа не говорит, кто же он такой.

Доркас уселся поудобнее.

— О, он сотворил Магазин. В 1905 году, сами понимаете. Цокольный Этаж, Бухгалтерию и все между ними. И я вовсе не отрицаю его существования. Ведь должна быть перво причина, не само же все возникло? Но я всегда говорил и повторяю...

Зеленый огонек на поверхности Талисмана погас. Вращающаяся чаша исчезла. Раздался дребезжащий звук — будто машина прочищала горло.

— Я проанализировал телефонные переговоры, — объявил Талисман.

Номы переглянулись.

— Как красиво! — прошептала Гримма. — Правда, Масклин, наш Талисман очень красиво говорит?

— Я располагаю срочной информацией, которую необходимо довести до лидеров этого сообщества. Вы абсолютно уверены, что живете в искусственно созданной среде с ограниченными возможностями для существования жизни?

— Потрясающе! — прошептал Доркас. — Все эти слова... Кажется, можно даже разобрать, о чем оно говорит. Там, — он показал пальцем на потолок, — тоже есть такие штуковины. «Радио» называются. И другие, которые показывают картинки. Очень забавные игрушки.

— Жизненно важно. Я располагаю информацией первостепенной важности. Данная информация должна быть немедленно доведена до сведения лидеров вашего сообщества. Информация касается предстоящего разрушения данного артефакта, — бубнил Талисман.

— Прошу прощения, — осторожно произнес Масклин. — Можно повторить еще раз?

— Вы не поняли суть сказанного?

— Я знаю, что такое «суть».

— Очевидно, язык изменился совершенно непостижимым для меня образом.

Масклин попытался скрыть свою растерянность.

— Я попытаюсь сделать свое сообщение более ясным, — объявил Талисман. Вспыхнуло еще несколько огоньков. — Все, хана. Лавочка закрывается. Хрясь — и зданию крышка, — с надеждой произнес Талисман.

Номы недоуменно переглянулись. Они ничего не поняли из этой тарабарщины.

Талисман неуверенно кашлянул.

— Вы знаете значение слова «разрушать»?

— Да, конечно, — кивнул Доркас.

— Именно это скоро произойдет с Магазином. Через двадцать один день он будет разрушен.

ГЛАВА 4

I. Горе вам, Слесарные Изделия и Галантерея;
горе вам, Дамские Головные Уборы и Дель Икате-
сы; горе вам, Молодежная Мода, и вам, Корсетни-
ки, что грабежом промышляют. И даже вам, Кан-
целярские Принадлежности.

II. Ибо Магазин — лишь место, что внутри Сна-
ружки.

III. Горе вам, ибо Арнольд Лимитед (осн. 1905)
открыл Последнюю Распродажу: «ПУСТЬ ВСЕ
УХОДИТ ПО БРОСОВЫМ ЦЕНАМ».

IV. Но они насмехались над ним и говорили:
Ты ведь Снаружи, ты даже не существуешь.

Книга Йолков, Товарный Склад, стр. I-IV

• • • • • • • •

Сверху доносились тяжелые шаги. Там тек-
ла медленная, непостижимая жизнь людей.
А внизу, где гул этой жизни, просачиваясь че-

рез ковры и половицы, становился лишь отдаленным шумом, по пыльным переходам спешили номы.

— Может, мы чего-то не поняли? — ворчала на ходу матушка Морки. — Слишком уж это все большое. Нельзя его так вот взять и раз... рушить... Просто в голове не укладывается...

— Говорил я вам! — Папаша Торрит аж подпрыгивал от возбуждения. Известия о надвигающихся ужасах и опустошениях всегда приводили его в восторг. — Сказано же было: Талисман все ведает! И не вздумайте теперь затыкать мне рот, слышите!

— А куда мы так бежим? — поинтересовался Масклин. — Двадцать один день — срок, кажется, не маленький!

— Да, когда дело не касается политики, — мрачно вздохнул Доркас.

— По-моему, оно касается Магазина, — пожал плечами Масклин.

Доркас так резко остановился, что матушка Морки с разбегу налетела на него.

— Да поймите же, — стал он объяснять с нетерпеливой настойчивостью. — Что, по-вашему, будут делать номы, если Магазин разрушат?

— Уйдут наружу... — начал Масклин.

— Большинство из них даже не верит, что это самое Снаружи существует! Я — и то по-

рой сомневаюсь. И это с моим-то пытливым умом, с моими-то знаниями! Некуда уходить! Вы понимаете?

— Да ведь там, снаружи, можно идти куда угодно!

— Только если вы в это верите...

— Но там действительно можно идти куда угодно!

— Боюсь, не все так просто, когда дело касается того, чтобы убедить в этом других... Но, как бы то ни было, нам надо увидеть аббата. Отвратительный старый деспот, скажу я вам, но в сообразительности ему не откажешь. Может, я и зря осторожничаю... — И Доркас выразительно посмотрел на спутников. — Но нам лучше не привлекать к себе внимания, — закончил он. — Меня лично предпочитают не трогать, но вообще-то я бы никому не советовал без нужды покидать границы своего отдела... А вы вдобавок не принадлежите ни к одному отделу... — Доркас красноречиво пожал плечами, намекая на все неприятности, которые могут подстерегать странников, не принадлежащих ни к одному отделу...

Снова пришлось воспользоваться лифтом. Он привез их куда-то наверх, и, выйдя из корзинки, они очутились в пыльных переходах, тускло освещенных слабым светом лампочек. Вокруг не было ни одной живой души. После

суеты и сутолоки, царившей в других отделах, здешняя тишина немного раздражала. «Здесь даже тише, чем в бескрайних полях», — подумал Масклин. Но в полях и должно быть тихо, а вот в Магазине под полом...

Все чувствовали то же самое и жались друг к другу.

— Какие милые огоньки, — сказала Гrimма, чтобы нарушить гнетущую тишину. — Ой, посмотрите, да они же размером с нома. И разноцветные. А еще мигают.

— Мы каждый год воруем их целыми коробками. Во время Рождественской Ярмарки, — проворчал Доркас, глядя под ноги. — Люди их вешают на деревья.

— Зачем?!

— Я и себя об этом спрашиваю. Наверно, чтобы лучшие видеть. Людей вообще не поймешь...

— Вы знаете, что такое деревья? Я не думал, что они растут в Магазине! — удивился Масклин.

— Конечно знаем, — ответил Доркас. — Такие большие зеленые штуки с пластиковыми иголками. А есть еще другие, так те сделаны из чего-то блестящего. Кажется, называется это «мишурой». Ну да на Рождественских Ярмарках никогда не разберешь, что к чему...

— Э-э... Что-то тут не так. Деревья снаружи — они огромные. И у них листья. Каждый год они опадают, — нерешительно возразил Масклин.

Доркас посмотрел на него как-то странно.

— Кто, ты говоришь, опадает?

— Листья сперва вянут, а потом скручиваются и опадают, — ответил Масклин.

Другие номы согласно кивнули. За последнее время они столкнулись с массой непонятных и неведомых им вещей, но уж то, что происходит с листьями каждый год, они знали совершенно точно.

— И это случается каждый год? — спросил Доркас.

— Ну да.

— В самом деле? Потрясающе! А кто приклеивает их потом на место?

— Никто. Они сами распускаются со временем.

— Все — сами?!

Номы кивнули. Хоть в чем-то они были уверены, и тут уж их нельзя было сбить с толку.

— По крайней мере, выглядит это именно так, — подтвердил Масклин. — Мы, правда, не смогли выяснить, почему это происходит. Просто происходит, и все.

Доркас поскреб в затылке.

— Н-да. Не знаю, что и сказать. Может, тут скрыта какая-нибудь хитрая уловка администрации... Вы уверены, что...

И вдруг они увидели, что окружены. Минуту назад вокруг были кучи пыли, а сейчас на их месте стояли какие-то странные номы. Особенно выделялся один — бородатый, с повязкой на глазу. В зубах он зажал нож, и оттого казалось, что лицо его ослабилось в какой-то жуткой ухмылке.

- Ну вот, — насупился Доркас.
- Кто это? — шепотом спросил Масклин.
- Разбойники. Вечная проблема в Корсетных Изделиях, — пробормотал он, поднимая вверх руки.
- Что такое «разбойники»? — недоуменно спросил Масклин.
- Что такое «Корсетные Изделия»? — спросила Гrimma.

Доркас показал пальцем на половицы вверху.

— Это там, — объяснил он. — Отдел. Никто им не интересуется, потому что с него абсолютно ничего взять. Там все в основном розовое... — прибавил Доркас. — Или эластичное...

- Кхофелекх ыы фызн! — злобно прошипел разбойник.
- Простите? — переспросила Гrimma.
- Йа хажал, кхофелекх ыы фызн!

— Думаю, все дело в ноже, — пожал плечами Масклин. — Мне кажется, мы лучше поймем, что вы говорите, если вы вытащите его изо рта.

Разбойник свирепо поглядел на него своим единственным здоровым глазом, но нож вынул.

— Я сказал: кошелек или жизнь! — зарычал он.

Масклин кинул на Доркаса вопросительный взгляд. Старый ном лишь развел руками.

— Он хочет, чтобы вы отдали ему все, что у вас есть, — объяснил он. — Конечно, он не хочет вас убивать, но порой они ведут себя крайне грубо...

Странники сбились в кучу. Происходящее было выше их понимания. Идея грабежа являлась для них совершенно новой. Там, дома, их никто не грабил. Да и что можно было у них отнять, коли на то пошло?

— Они что, номского языка не понимают? — топнул ногой разбойник.

Доркас ответил ему глуповатой ухмылкой.

— Вы должны простить их, — начал он, — они здесь новички...

— Мы решили... — обернулся Масклин к грабителю. — Если вам все равно, мы предпочли бы то, что у нас есть, оставить у себя. Извините. — И он улыбнулся Доркасу и разбойнику ослепительной улыбкой.

Лицо разбойника тоже расплылось в улыбке. Во всяком случае, он широко открыл рот и обнажил зубы.

— Э-э... — начал Доркас. — Вы не можете так говорить, понимаете... Видите ли, нельзя сказать: «Мы не хотим быть ограбленными». — Он посмотрел на Масклина в абсолютном замешательстве. — Ограбленными, понимаете! — повторил он. — Это означает, что ваши вещи у вас отнимают. И тут не скажешь, вы, мол, не хотите этого...

— Почему? — удивилась Гrimма.

— Потому что... — Старый ном запнулся. — Потому что... не знаю. — Он пожал плечами. — Наверное, такова традиция.

Главарь разбойников перебросил нож в другую руку.

— Сказать, что я сейчас сделаю? — зарычал он. — Я вас еще подновлю! Разукрашу так, что себя не узнаете! А ну, взять их!

Двое разбойников бросились на матушку Морки.

Это было ошибкой с их стороны. Костлявая рука старухи взметнулась в воздух, и раздались две звонкие пощечины.

— Что вы себе позволяете, наглецы! — Морки завизжала так, что нападавшие отшатнулись и, затыкая уши, в ужасе бросились назад.

Грабитель, схвативший папашу Торрита, получил удар локтем в живот. Главарь замахнулся на Гrimму ножом, но тут же был пойман за запястье, нож выпал, а разбойник грузно повалился на колени, издавая при этом какие-то душераздирающие, булькающие звуки.

Масклин нагнулся, сгреб его за ворот рубашки и резко подтянул к себе.

— Не уверен, что я до конца понял этот обычай, — начал он, — но, по-моему, номы не должны делать зло другим номам, как думаешь?

— Ага-ага, — закивал главарь.

— Тогда вам бы лучше убраться отсюда, и как можно быстрее. Понятно?

Масклин ослабил хватку. Разбойник нашарил на полу нож, заискивающе улыбнулся и бросился наутек. Остальные поспешили за ним, прихрамывая и потирая ушибленные места.

Масклин обернулся к Доркасу, корчившемуся от смеха.

— Что все это означало?

Тот привалился к стене, чтобы не упасть.

— Вы и впрямь не знаете? — Смех душил старика.

— Нет, — покачал головой Масклин, терпеливо дожидаясь ответа. — Зачем бы тогда я спрашивал?

— Корсетники промышляют разбоем. Обирают странников. То есть отнимают вещи, которые им не принадлежат. Здесь они нашли себе убежище: очистить весь отдел от разбойников слишком хлопотно, а беспокойства они причиняют не так уж много, — объяснил Доркас. — Ну, припугнут кого. Досадно, конечно, но не так уж опасно.

— А зачем один из них держал во рту нож? — спросила Гrimма.

— Может, думал, что так он больше похож на громилу, с которым лучше не связываться.

— По мне, так он был похож на идиота с ножом в зубах, — решительно объявила Гrimма.

— Если он еще раз сунется, я ему все лицо расцарапаю, — пригрозила матушка Морки.

— Не думаю, что они вернутся. По-моему, их слегка шокировало, что кто-то дал им отпор, — усмехнулся Доркас. — Знаете, мне не терпится увидеть, какое впечатление вы произведете на аббата. Право слово, ни с чем подобным мы еще не сталкивались. Вы для нас... как, говорите, называется эта штука, которой заполнено все Снаружи?

— Свежий воздух?

— Вот-вот. Вы для нас — как Свежий Воздух.

И тут они наконец добрались до Канцелярских Принадлежностей.

«Идите к Канцелярским Принадлежностям или Наружу», — сказал герцог, давая понять, что он не видит особой разницы между тем и другим.

Несомненно, так смотрели на Канцелярские Принадлежности все аристократы, чувствуя в них неясную, но грозную опасность. Ведь жители этого отдела умели читать и писать и вообще были *со странностями*.

Они могли объяснить, что говорит какой-то лист бумаги, и понимали послания, начертанные Арнольдом Лимитедом (осн. 1905) на небе.

Но все равно очень трудно иметь дело с теми, кто не верит, что ты существуешь.

Масклин всегда думал, что Торрит — глубокий старик, но аббат оказался столь стар, что, кажется, само время машинуло на него рукой. Передвигался он с помощью двух палок, а за ним на почтительном расстоянии следовали двое юных номов, всегда готовых броситься на помощь и подставить плечо для опоры. Лицо его было подобно сморщенному кожаному мешку с двумя черными дырами, в которых блестели глаза.

Масклин заметил, что все его соплеменники сбились в кучку у него за спиной. Теперь это происходило каждый раз, когда они чувствовали себя не в своей тарелке.

Приемный зал аббата был отгорожен листом картона от шахты лифта. Каждый раз, ког-

да тот проезжал мимо, в воздух поднималась целая туча пыли.

Аббат, поддерживаемый юными помощниками, осторожно опустился в кресло. Суeta стихла. Аббат подался вперед:

— О, Дель Икатес, ты ли это? Изобрел что-нибудь новенькое?

— Пожалуй, нет, милорд, — поклонился тот. — Имею честь представить вам, милорд...

— Я никого не вижу, — вкрадчиво произнес аббат.

— Ослеп, должно быть, — фыркнула матушка Морки.

— И к тому же никого не слышу, — добавил аббат.

— Тише, — зашипел Доркас. — Кто-то ему о вас рассказал! Он просто не желает замечать вас! Милорд, — громко произнес он, обращаясь к креслу, — я принес странные новости. Магазин скоро рухнет!

Эффект этих слов оказался совсем иным, чем тот, которого ожидал Масклин.

Выстроившиеся за креслом аббата священнослужители Канцелярских Принадлежностей прыснули со смеху, а благодстная улыбка на лице аббата стала еще шире.

— О! И когда же примерно произойдет это ужасное событие, сын мой? — спросил он.

— Через двадцать один день, милорд.

— Вот как? — ласково произнес аббат. — В таком случае поспеши, как бы тебе не опоздать. А потом приходи к нам, расскажешь, на что это было похоже.

На этот раз священники лишь ухмыльнулись.

— Милорд, это не...

Аббат протестующе поднял скрюченную руку.

— Я не сомневаюсь, что тебе многое известно об электричестве, Доркас, но также тебе следовало бы знать, что каждый раз, когда открывается Большая Бросовая Распродажа, люди возбужденно говорят: «Конец Магазина близок». Но, как ни странно, несмотря на это, жизнь продолжается.

Масклин поймал на себе взгляд аббата. Пожалуй, для невидимки он, Масклин, привлекал к себе многовато внимания.

— Милорд, все гораздо серьезнее... — пробормотал Доркас подавленно.

— О, это *электричество* тебе так сказали? — насмешливо поинтересовался аббат.

Доркас слегка ткнул Масклина под ребра.

— Давай, — кивнул он.

— Сейчас, — шепнул Масклин и, сделав шаг вперед, положил Талисман на пол у ног аббата.

— Нахожусь ли я в присутствии лидеров этого сообщества? — раздалось из кубика.

— Настолько, насколько это возможно, — отозвался Доркас.

Аббат удивленно уставился на говорящий ящичек.

— Я буду пользоваться простыми словами, — объявил Талисман. — Я являюсь регистрирующим и навигационным компьютером. Компьютер — это думающая машина. Она думает, вычисляет, снова думает. И понимает, как думает компьютер. Я использую электричество. Иногда электричество может нести сообщения. Я могу слышать эти сообщения. Я могу эти сообщения понимать. Иногда эти сообщения идут по проводам, называемым телефонными. Иногда такие провода есть в других компьютерах. В Магазине есть компьютер. Он платит людям зарплату. Я могу слышать, как он думает. Он думает: «Скоро не станет Магазина, не станет платежных ведомостей, не станет счетов». Телефонные провода говорят: «Это “Сплинберийская Строительная Компания”? Мы можем обсудить окончательно срок сноса Магазина? Все товары и инвентарь будут вывезены в течение трех недель».

— Весьма мило, — буркнул аббат. — И как же вам удалось это сделать?

— Я ничего не делал, милорд, — пробормотал Доркас. — Эту коробочку принесли сюда они...

— Кто — они? — резко перебил аббат, в упор глядя на Масклина и... не замечая его.

— Интересно, что будет, если я ущипну этого старикашку за нос? — спросила матушка Морки хриплым, свистящим шепотом.

— Будет очень больно, — предостерег ее Доркас.

— Вот и хорошо.

— Я хотел сказать: вам будет больно. Потом.

Аббат с трудом приподнялся в кресле.

— Хватит! Я достаточно терпелив, но всему есть свои пределы! Пожалуйста, размышляйте о том, что там, Снаружи, по ту сторону Магазина, — я не возражаю. В конце концов, это хорошая гимнастика для ума! Мы не были бы номами, если бы поддерживали свой разум в хорошей форме. Но настаивать, что по ту сторону Магазина есть нечто... Это ересь! И не пытайтесь одурячить меня какими-то игрушками... — Аббат грузно шагнул вперед и со всего размаху опустил свою тяжелую палку на Талисман. Раздалось тихое жужжение. — Я не потерплю этого! Слышите вы меня?! — закричал он. — У Магазина есть стены, а по ту сторону стен нет ничего. Никакого Снаружи! Никаких Потусторонних Жителей! Ни-че-го! Это надо же такое придумать — жизнь в других Магазинах! Вон отсюда! Аудиенция окончена!

— Я выдерживаю усилие в две тысячи пятьсот тонн, — обиженно прожужжал Талисман.

Никто не обратил на его слова никакого внимания.

— Прочь, прочь отсюда! — неистовствовал аббат.

Масклайн заметил, что старика бьет дрожь. С Магазином была связана одна странность. Еще несколько дней назад Масклину для жизни вполне хватало весьма немногих знаний, большая часть которых касалась больших голодных тварей и того, как избежать встречи с ними. Торрит называл такие знания «умение выживать в полевых условиях». Но сейчас у Масклина появились подозрения, что бывают и знания иного рода. Они касаются того, как выжить среди номов. Тут необходимо помнить, что следует быть очень осторожным, когда говоришь другим то, чего они слышать не желают, и что мысль о том, будто они не правы, приводит их в ярость...

Младшие служки поспешили избавиться от докучливых посетителей: взяв их в кольцо, стали теснить к двери. Все было проделано весьма ловко. При этом все избегали касаться пришельцев хотя бы кончиком пальца и старательно отворачивались, чтобы не встречаться с ними взглядами. Стоило Торриту нагнуться, чтобы поднять с пола Талисман, как вокруг

него тут же образовалось пустое пространство, ибо служки бросились врассыпную.

И тут наконец матушка Морки нашла на кого выплеснуть все свое раздражение. Схватив первого подвернувшегося под руку монаха за черную рясу, она резко притянула его к себе. Бедняга оказался нос к носу со старухой.

Он так старался не увидеть ее, что чуть не заработал жуткое косоглазие. Тогда матушка Морки изо всех сил ткнула его пальцем в грудь.

— Чувствуешь что-нибудь? Чувствуешь, а? — бушевала она. — Нет меня, говоришь?

— Туземные, одно слово! — презрительно бросил Торрит.

Несчастный монашек в конце концов нашел выход: слабо всхлипнув, он обмяк и упал в обморок.

— Давайте-ка побыстрее отсюда выбираться, — обеспокоенно покачал головой Доркас. — А то я начинаю бояться, как бы наши хозяева, которые нас не видят, не сделали следующий шаг, тогда нас действительно не станет.

— Не понимаю, как нас можно не видеть? — пробормотала Гrimма.

— Все дело в том, что для них мы — *Потусторонние*, — объяснил Масклайн.

— Но ведь другие-то номы нас видят! — возмутилась Гrimma.

Голос ее сорвался на крик.

Масклайн ее хорошо понимал. Он и сам уже ни в чем не был уверен.

— Может, они просто не знают, откуда мы пришли. Или не верят нашим словам, считают, что мы их просто обманываем, — задумчиво пробормотал он. — А здесь о нас заранее было известно, что мы — Посторонние или Потусторонние, я уже окончательно запутался с этими их названиями!

— Никакой я не Посторонний! — взвизгнул Торрит. — Это они все смотрят в сторону!

— Но ведь тогда получается, что аббат на самом деле думает, что мы явились Снаружи! — сказала Гrimma. — Значит, он верит, что мы здесь, и он нас не видит! Какой же в этом смысл?

— Такова уж природа нома, — вздохнул Dorcas.

— Не забивайте вы себе этим голову, — отрезала матушка Морки. — Пройдет три недели, и они окажутся Снаружи. Тогда он чему-нибудь научится. Им придется бродить вокруг развалин Магазина, и пусть-ка они тогда попробуют не смотреть друг на друга! Представляете, как все это будет выглядеть? — И она загнула голову, подражая аббату: — «Простите ме-

ня, господин аббат. Что? Я наступила вам на ногу? Но, простите, я вас даже не вижу...»

— Я почти уверен, они бы все поняли, если бы только слушали, — горестно вздохнул Масклин.

— Вряд ли они на это способны, — отозвался Доркас, в сердцах пнув кучу пыли. — С моей стороны было глупостью на что-то надеяться. Канцелярские Принадлежности всегда чурались новых идей как огня.

— Простите, — произнес кто-то у них за спиной.

Они обернулись и увидели одного из священников, присутствовавших на аудиенции. Это был пухленький молодой ном с вы ющимися волосами и неуверенным выражением лица. Он нервно теребил полу своей черной рясы.

— Я вам зачем-то понадобился? — приподнял брови Доркас.

— Э-э... я бы... я хотел бы поговорить... э... с этими Посторонними... которые явились Снаружи, — выдавил из себя священник и неуклюже поклонился в сторону Торрита и мatushki Morki.

— Видимо, у тебя не так плохо со зрением, как у остальных, — усмехнулся Масклин.

— Э-э... да... — смешался монах и опасливо оглянулся через плечо. Коридор был пуст. — Я бы хотел с вами поговорить. Где-нибудь наедине.

Они обогнули угол какой-то балки.

— Ну? — обернулся Масклин к священнику.

— Эта штука, которая говорит... — начал тот. — Вы ей верите?

— Я думаю, она просто не умеет лгать, — ответил Масклин.

— Что это такое? Что-то вроде радио?

Масклин вопросительно посмотрел на Доркаса.

— Радио — это такая коробка, чтобы делать шум, — пояснил стариk, гордясь своими познаниями.

— Вот как? — переспросил Масклин. — Тогда не знаю, — пожал он плечами. — Дело в том, что Талисман принадлежит нам с незапамятных времен. Говорят, номы принесли его с собой откуда-то издалека. Это было очень, очень давно. И теперь он переходит от поколения к поколению. Так, Торрит?

Старый ном неохотно кивнул.

— До меня им владел мой отец. А перед ним — его отец. А перед ним — дед, а перед ним — брат деда, а еще раньше — их дядя, а до того...

Монашек поскреб в затылке.

— Мы крайне обеспокоены тем, что происходит в Магазине, — сказал он. — Люди ведут себя как-то странно. Безвозвратно исчезают

многие вещи. На стенах появились какие-то неведомые знамения. Такого раньше никогда не случалось. Даже аббат обеспокоен всем этим, он не может понять, что требует от нас Арнольд Лимитед (осн. 1905). Вот... э... — Он нервно скомкал полу своей сутаны и, помолчав, продолжил: — Я — помощник аббата. Меня зовут Гердер. Я должен заниматься теми делами, которыми он заниматься просто не может... И поэтому... Вот...

— Ну так что — вот? — потерял терпение Масклин.

— Не могли бы вы пойти со мной? Пожалуйста.

— А там есть еда? — спросила матушка Морки. Она всегда лихо тыкала пальцем в больные места.

— Я непременно об этом позабочусь, — сказал Гердер и торопливо засеменил по извилистым переходам между балками и проводами. — Пожалуйста, идите за мной. Прошу вас.

Глава 5

I. И были те, которые говорили: Видели мы в Магазине новые знамения, ниспосланные Арнольдом Лимитедом (осн. 1905), и смутились духом, и не могли понять значения их.

II. Ибо было то время года, когда должна начаться Рождественская Ярмарка, но знамения ниспосланные не были знамениями о Рождественской Ярмарке.

III. Как не были то и знамения Январской Распродажи или знамения, говорящие «Снова в Школу», и «Весенняя Мода», и Летняя Распродажа, и прочие, которые предвещали наступление всякого времени года.

IV. Ибо знамение, ниспосланное нам, говорило, что грядет Последняя Распродажа. И восскорбели мы в сердце своем.

Книга Жалоб. Иски и Жалобы, стр. I-IV

• • • • • • • • • •

Кланяясь и приседая на ходу, Гердер вел их в глубь территории Канцелярских Принадлежностей. Здесь все пропахло плесенью. Всюду лежали какие-то стопки. Масклину было сказано, что это книги. Он так и не понял до конца, зачем они нужны, но по тому, как Доркас говорил о них, догадался, что тот считает их чрезвычайно важными предметами.

— В них заключено потрясающее количество сведений, которые были бы нам полезны, и Канцелярские Принадлежности хранят их как... как...

— Как что-то очень хорошо охраняемое? — спросил Масклин.

— Именно. Именно так. Они не спускают с них глаз. Называется это чтением. Но чтецы ничего не понимают.

Талисман, который нес Торрит, зажужжал, и на его поверхности вспыхнуло несколько огоньков.

— Книги являются хранилищем знаний?

— Говорят, что они такими и напичканы, — подтвердил Доркас.

— Крайне необходимо, чтобы вы имели доступ к книгам.

— Канцелярские Принадлежности держат их у себя, никого к ним не подпускают, — усмехнулся Доркас. — Они утверждают, что, если не

знать, как правильно читать книги, прочитанное может ударить в голову.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Гердер, отодвигая картонный барьер.

Ном, чопорно сидящий на груде подушек спиной к входу, явно их ждал.

— А, Гердер, — пробормотал он. — Входи, входи. Очень хорошо...

Это был аббат. Стариk так и не обернулся к вошедшем.

Масклин потянул Гердера за рукав.

— Мы ведь были здесь совсем недавно, и ничего хорошего из этого не вышло. Зачем же начинать все сначала?

Гердер ответил ему взглядом, в котором явственно читалось: «Доверьтесь мне, у нас нет другого выхода».

— Ты уже распорядился насчет трапезы, Гердер?

— Нет, милорд, я как раз собирался...

— Так поди и займись этим!

— Хорошо, милорд.

Гердер бросил на Масклина еще один взгляд, на сей раз — тоскливо-отчаянный, и вышел прочь.

Номы напряженно замерли. На их лицах появилось выражение глуповатой растерянности. Они судорожно пытались сообразить, что же произойдет дальше.

Аббат заговорил:

— Мне уже почти пятнадцать. — В голосе его звучала усталость. — Я старше, чем иные отделы в Магазине. И я немало повидал на своем веку. Перед моим взором прошло множество странных вещей, не укладывающихся в сознании, но скоро я предстану перед Арнольдом Лимитедом. Тогда мне останется лишь надеяться, что я все же был праведным номом и по мере сил следовал своему долгу. Я так стар, что для многих номов во мне как бы воплотился сам Магазин. И они боятся — боятся, что, когда меня не станет, Магазину придет конец. А теперь приходите вы и говорите, что так оно и будет. Кто у вас главный?

Масклин посмотрел на Торрита. Однако все остальные с надеждой смотрели на него, Масклина.

— Кажется... э-э... — пробормотал он, — кажется, я. Так как-то оно получилось, что...

— Да-да, — произнес Торрит. — Как-то оно так получилось, что, пожалуй, я возлагаю пока свои полномочия на тебя. Временно. Я ведь предводитель...

Аббат кивнул.

— Очень мудрое решение, — сказал он.

Торрит с достоинством поклонился.

— Останься здесь с говорящим ящичком, — велел аббат Масклину. — Остальных прошу

удалиться. Вам принесут поесть. Выходите и ждите за дверью.

— Э-э... — нервно произнес Масклин. — Нет, не надо.

Возникла секундная пауза.

Потом аббат мягко спросил:

— Почему нет?

— Потому что... потому что мы все вместе, понимаете? — объяснил Масклин. — Мы никогда не расставались...

— Какая трогательная сплоченность, она достойна уважения. Вам еще предстоит понять, что в жизни от нее мало проку. А теперь — пусть остальные выйдут. Или ты боишься остаться со мной наедине? — И аббат посмотрел на Масклина.

— Поговори с ним, Масклин. — Гrimma похлопала его по руке. — Мы будем рядом. Нам совершенно все равно, где ждать.

Масклин неохотно кивнул. Когда все вышли, аббат повернулся к нему лицом. Вблизи он выглядел еще старше, чем показалось Масклину сначала. Лицо аббата не просто тонуло в морщинах — оно состояло из морщин, сплетающихся воедино. «Он был уже далеко не молод, когда родился Торрит, — подумал Масклин. — Он... он матушке Морки в дедушки годится!»

Аббат улыбнулся. Улыбка получилась довольно странная. Казалось, он хотел извиниться, но не знал, как это делается.

— Тебя, как я догадываюсь, зовут Масклин, — произнес он.

Масклин не стал отнекиваться.

— Я одного не понимаю, — пожал он плечами. — Вы ведь меня видите! А десять минут назад вы утверждали, что меня просто не существует! И вдруг вы со мной говорите!

— Ничего удивительного, — ответил на это аббат. — Десять минут назад я принимал вас официально. Небо тому свидетель, не мог же я допустить, чтобы окружающие поверили, будто я всю жизнь ошибался. Из поколения в поколение аббаты учили, что никакого Снаружи не существует. И вдруг я должен сказать, что все это было заблуждением? Да меня же просто сочтут сумасшедшим!

— Неужели такое возможно?

— О да. Ты понимаешь, что такое политика? Аббату нельзя резко менять свой образ мыслей. Ты еще сам с этим столкнешься. Для лидера важно вовсе не то, прав он или нет. Важно, уверен ли он. Без этого номы не будут знать, что им думать по тому или иному поводу. Конечно, когда ты на самом деле прав, все гораздо легче, — признался аббат, устало откидываясь на подушки. — Некогда Магазин был

раздираем войнами, — продолжал он. — Кровопролития. Ужасные времена. Ном против нома. Все это кончилось десятилетия назад. Но тогда казалось, что всегда есть ном, который считает, что именно его род должен править Магазином. Битва за Грузовой Лифт. Сражение при Товарном Складе. Опустоительные войны за Антресоли... Теперь все это в прошлом. И знаешь почему?

— Нет, — признался Масклин.

— Мы положили этому конец. Мы — Канцелярские Принадлежности. Благодаря хитроумию, здравому смыслу и дипломатии. Мы заставили их поверить в то, что Арнольд Лимитед создал номов, дабы они жили в мире друг с другом. А теперь только на мгновение представь, что было бы, если б я тогда поверил тебе... Все решили бы, что я выжил из ума и впал в старческий маразм. — Аббат тоненько хихикнул. — А потом бы они задумались: а не было ли вообще все, чему учили Канцелярские Принадлежности, одной большой ошибкой? А потом была бы паника... Нет, лучше без этого. Мы должны следить за тем, чтобы номы держались вместе. Ты ведь и сам знаешь: чуть что — и между ними тут же вспыхивают ссоры.

— Это правда... — кивнул Масклин. — И они ругают вас за все, что бы ни случилось, и учат, что вы должны делать?

— Ты это уже замечал, верно? — с усмешкой спросил аббат. — Кажется, ты вполне годишься для того, чтобы быть предводителем.

— Не думаю.

— Зато я так думаю. Этого нельзя хотеть или не хотеть. Я не хотел быть аббатом. — Он побарабанил пальцами по своей трости, потом жестко посмотрел на Масклина. — Те, с кем мы сталкиваемся в нашей жизни, гораздо сложнее, чем нам кажется на первый взгляд, — произнес он. — И очень важно помнить об этом.

— Хорошо, я запомню, — сказал Масклин, не зная, что еще сказать.

— Ты не веришь в Арнольда Лимитеда (осн. 1905), да? — спросил аббат. Это больше походило на утверждение, чем на вопрос.

— Ну...

— Знаешь ли, я его видел. Когда был еще мальчишкой. Я забрался наверх — туда, где Служебные Помещения, — и там спрятался. Я видел его: он сидел за столом и писал.

— О?

— У него была борода.

— О!

Аббат барабанил пальцами по трости. Казалось, он что-то решал про себя. Наконец он спросил:

— Хм... Так где же был ваш дом?

И Масклин начал свой рассказ. Забавно, что теперь, когда Масклин оглядывался назад,

все выглядело гораздо привлекательнее. Там было много лета и совсем мало зимы, много орехов и почти не было крыс. Там, правда, не было бананов, электричества и ковров, но зато было много свежего воздуха. И в воспоминаниях там было совсем не так мокро и холодно. Аббат вежливо слушал.

— Все шло довольно хорошо, пока нас было много, — закончил Масклин. Он глянул себе под ноги. — Вы могли бы пойти с нами и остаться. Когда Магазин раз... рушат.

Аббат рассмеялся.

— Вряд ли я еще гожусь для такой жизни, — произнес он. — Не знаю, так ли мне хочется поверить в это ваше Снаружи. Судя по рассказу, там холодно и слишком много опасностей. Как бы то ни было, меня ждет совсем другое путешествие, в неизвестность иного рода. А теперь, прошу прощения, мне нужен отдых. — Он постучал тростью по полу. И тут же, как по волшебству, в комнате появился Гердер. — Возьми Масклина и немножко подучи его, — сказал аббат. — А потом оба возвращайтесь сюда. Только оставьте мне эту черную коробочку. Я хочу познакомиться с ней поближе. Положи ее на пол, — кивнул он Масклину. Аббат ткнул кубик своей тростью. — Что ты такое, черный ящичек? Зачем ты нужен?

— Я — регистрирующий и навигационный компьютер звездолета «Лебедь». В мои обязанности входит множество функций. Основная моя функция — помогать номам сориентироваться в ситуации и давать им советы. Их разведывательный корабль потерпел крушение и разбился пятнадцать тысяч лет назад.

— Он повторяет это все время, — произнес Масклин извиняющимся тоном.

— Кто эти номы, о которых ты говоришь? — спросил аббат, обращаясь к кубику.

— Все номы.

— Это твоя единственная задача?

— Мне также дано задание обеспечить безопасность номов и вернуть их домой.

— Весьма похвально, — кивнул аббат и взглянул на двух свидетелей этой беседы. — Идите, идите, — приказал он. — Гердер, покажи ему мир немного... А потом у меня есть задание для вас обоих.

«Немного подучи его», — сказал аббат.

Это значило, что им следует начать с «Книги номов». Та состояла из склеенных вместе листочеков бумаги, испещренных какими-то значками.

— Люди используют эти бумажки для сигарет, — сказал Гердер и прочел первые две-надцать стихов.

Все слушали в благоговейном молчании. Потом матушка Морки спросила:

- Так этот самый Арнольд Лимитед...
- ... (осн. 1905), — наставительно произнес Гердер.

- Не важно, — отмахнулась матушка Морки. — Так он что, построил Магазин специально для номов?
- Э-э... д-да... — пробормотал Гердер неуверенно.
- А что же было здесь до этого? — удивилась Морки.
- Пустошь, — ответил Гердер и оглянулся в поисках поддержки. — Вы же знаете. Аббат ведь говорил вам, что снаружи Магазина нет ничего. Вот...
- Но ведь мы пришли...
- Он же говорил, все рассказы о Снаружи — вымысел.
- Как? Значит, когда я рассказывал ему, как мы жили раньше, он просто смеялся надо мной? — возмутился Масклин.
- Порой очень трудно понять, во что именно на самом деле верит аббат, — признался Гердер. — Думаю, больше всего он верит в аббатов.
- Но ты-то нам веришь? — спросила Гrimма.

Гердер, слегка поколебавшись, кивнул.

— Я часто задавался вопросом: куда уезжают все эти грузовики? И откуда приходят люди? — ответил он. — Аббат очень гневается, когда при нем об этом упоминают. А еще — смена времен года. Должно же это что-то значить. Некоторые из нас наблюдали за людьми, было замечено, что, когда одно время года сменяется другим, с людьми творится что-то необычное.

— Но как же могут быть у вас времена года, если вы даже не знаете о погоде? — удивился Масклин.

— При чем тут погода! Ладно, пусть кто-нибудь покажет старикам дорогу в зал с едой, а вы двое еще немного задержитесь. Все это так странно... Но... — И лицо Гердера исказилось невыразимым страданием. — Арнольд Лимитед (осн. 1905) ведь не разрушит Магазин, да?

Глава 6

III. И сказал Арнольд Лимитед (осн. 1905): Вот Скрижали Завета моего, да будет ведомо каждому, как должно поступать в Магазине.

IV. И около Движущихся Лестниц было начертано: Собак держать на руках. Коляски на ступени не ставить.

V. Но люди не держали собак на руках и ставили коляски на ступени — и преисполнился Арнольд Лимитед (осн. 1905) гнева на людей.

VI. На Лифте же было начертано: Норма — десять человек.

VII. Но не исполняли люди заповедь сию, а ездили в Лифте по двое и по трое, и рос гнев Арнольда Лимитеда (осн. 1905) на них.

VIII. И сказал Арнольд Лимитед (осн. 1905): Воистину, неразумны чада сии, ибо ясным языком говоришь им и не внемлют они.

Книга Йомов. Нормативные Акты
и Предписания, ст. III-VIII

• • • • • • • • •

То была долгая прогулка по всем ярусам мира, скрытого под полами Магазина.

Оказалось, что Канцелярские Принадлежности пользуются абсолютной свободой передвижения. Другие отделы их не боялись — ведь Канцелярские Принадлежности не были отделом в истинном смысле слова. Достаточно сказать, что у них не было детей и женщин.

— Откуда же вы тогда беретесь? — спросил Масклин.

— Э-э... дело в том, что мы — избранные. — Гердер даже чуть-чуть обиделся. — Каждый год к нам посылают самых способных мальчиков из других отделов, чтобы мы их воспитывали. Они навсегда должны забыть о родном Отделе и служить Магазину в целом...

— Так почему же вы не берете для этого женщин? — возмутилась Гrimma.

— Всем хорошо известен факт, что женщины совершенно не могут читать, — пожал плечами Гердер. — От чтения у них закипает мозг. Видимо, не выдерживает умственного напряжения. Не их в том вина, но...

— Забавно, однако, — заметила Гrimma.

Масклин настороженно на нее покосился. Он хорошо знал, что бывает, когда Гrimma начинает говорить таким вот вкрадчивым, невинным тоном, — в самом скором времени жди беды.

Но несмотря на все тревоги, было одно удовольствие наблюдать, какой эффект производит Гердер на окружающих. Когда священник проходил, ему уступали дорогу и низко кланялись, иные же номы, прогуливающиеся с детьми, поднимали своих чад на руки и показывали им на Гердера пальцем. Даже стражники на пограничных заставах — и те почтительно снимали перед ним шлемы.

Вокруг царила обычная магазинная суeta, характерная для этого времени суток. «Здесь тысячи номов, — думал Масклин. — А ведь совсем недавно я даже не знал, что бывают такие огромные числа. Оказывается, мир просто битком набит».

Он вспомнил, как охотился в одиночку, как бежал по глубоким черным бороздам огромного поля рядом с шоссе. И, куда ни глянь, вокруг была лишь земля да камни — до самого горизонта. И небо — как огромная перевернутая чаша, которой кто-то взял и накрыл его, Масклина...

А в Магазине было страшно резко повернуться, а то еще заденешь кого-нибудь плечом или локтем. Масклин попытался представить себе, каково это: жить здесь и никогда не знать иной жизни. Никогда не мерзнуть, не мокнуть под дождем, не ведать, что такое страх.

Тут поневоле начнешь думать, что жизнь возможна лишь в Магазине.

Задумавшись, Масклин не сразу заметил, что они поднялись по какому-то склону, миновали очередную узкую щель и оказались на открытом месте. Он огляделся. Вокруг простирались бескрайние просторы Магазина. Была ночь — Время Закрытия, но в небе горело множество ярких огней. Правда, он уже начал привыкать называть здешнее небо «потолком».

— Это Галантерейный Отдел, — сказал Гердер. — Видите ли вы Знамение там, в вышине?

Масклин, прищурившись, посмотрел в указанном направлении и кивнул. На огромном белом полотнище под потолком пламенели кроваво-красные знаки. Они были похожи на буквы.

— Сейчас время Рождественской Ярмарки, — мрачно сказал священник. — Знамение должно гласить, что началась Рождественская Ярмарка. Ибо время года, когда в Магазин приходит «Лето для Отдыха», уже миновало, а для «Весенней Моды» еще слишком рано. Но Знамение говорит иное... — Гердер прищурил глаза и беззвучно зашевелил губами. — «Снижено до предела!» — прочел наконец он. — Мы ломаем себе голову, как истолковать его смысл...

— Ну, толковать-то его можно по-разному. — Голос Гrimмы дрожал от сарказма. — Вот только стоит ли тратить на это время? Я, конечно, не великий мудрец, но, может быть, «Снижено до предела» означает лишь то, что все стало очень низким?

— Нет-нет, это было бы слишком просто! Знамения никогда нельзя понимать буквально, — запротестовал Гердер. — Они обязатель но нуждаются в истолковании! Однажды мы видели надпись «Горящая распродажа». Вы думаете, на этой распродаже что-нибудь горело? Ничего подобного!

— Н-да... А замечали ли вы еще какие-нибудь неблагоприятные приметы? — спросил Масклин.

Он явственно представил себе, как потолок становится все ниже и ниже, вот уже голову нельзя поднять, а неумолимая тяжесть давит и давит... При одной мысли об этом у него мороз пробежал по коже.

— Как сказать... Вот там, наверху, написано: «Пусть все уходит!» — горько сказал Гердер. — Но эта надпись появляется каждый год. Так Арнольд Лимитед (осн. 1905) напоминает нам, что номы должны вести праведную жизнь, ибо все мы смертны. И видишь, чуть левее, еще одно белое полотнище? На нем только одно слово. — Гердер вдруг стал очень

серьезным и перешел на шепот. — «Уценка». Все это сказки для запугивания маленьких детей. Теперь им никто больше не верит. Уценка — это такое страшное чудовище, которое якобы бродит по Магазину после Закрытия и похищает плохих номов... Глупое суеверие, только и всего... — И Гердер почему-то вздрогнул. — Есть еще одна странная вещь, — продолжал он после паузы. — Видишь эти штуки вдоль стен? Они называются полками. Иногда люди берут с них предметы, а иногда, наоборот, кладут туда что-нибудь или ставят. Но в последнее время... они только берут и уносят все прочь.

Некоторые полки были абсолютно пусты.

Масклин только пожал плечами. Тонкости человеческого поведения — это не по его части. Люди есть люди, как коровы есть коровы. Наверное, все, что делают и те и другие, они делают не просто так. Однако разве тут можно сказать что-нибудь наверняка?

— «Пусть все уходит»... — повторил Масклин задумчиво.

— Именно. Вопрос, следует ли понимать эти слова буквально. Что значит «все уходит»? Конечно, жизнь преходяща, но ведь если уйдет все, то останется пустота? А я уверен, что Арнольд Лимитед (осн. 1905) этого не допустит. Ведь нет?

— Не знаю, право, — пробормотал Масклин. — Пока мы не приехали сюда, мы вообще не слышали ни о каком Арнольде Лимитеде...

— Ах да... — смиренно кивнул Гердер. — Снаружи, вы говорите... Постойте, постойте... Хм! А ведь это звучит... весьма интересно. И отрадно...

Гrimma поймала Масклина за руку и крепко ее сжала.

— Здесь у вас тоже интересно и... мило, — пробормотала она.

Масклин ответил ей удивленным взглядом.

— Да-да! — повторила она вызывающе. — И все остальные, кроме тебя, думают так же. Здесь тепло и такая чудесная еда... Правда, у местных весьма странный взгляд на женщин... Ну и что? — И она вновь обернулась к Гердеру: — А почему бы вам не спросить обо всем самого Арнольда Лимитеда (осн. 1905)?

— Но ведь это невозможно! — испуганно отшатнулся Гердер.

— Почему? По-моему, стоит попытаться, если он тут самый главный, — поддержал Гrimmu Масклин. — Вы ведь даже когда-то видели этого Арнольда Лимитеда (осн. 1905).

— Да, один раз. Аббат. Когда был совсем молодым. Он поднялся наверх, туда, где Бухгалтерия, и... Однако он очень не любит говорить о встрече...

Всю обратную дорогу Масклин напряженно думал. «Снаружи, дома, не было никакой политики, никакой религии. Мир был слишком огромен, чтобы забивать себе эту голову. И еще — не так-то легко поверить в Арнольда Лимитеда (осн. 1905). В конце концов, если он построил Магазин для номов, почему же он не сделал его соответствующих размеров? Но сейчас не время для подобных вопросов», — размышлял Масклин.

Он всегда считал, что разобраться можно в чем угодно, главное — как следует пораскинуть мозгами. Взять, например, ветер. Масклин долго ломал голову — откуда он берется? А потом понял, что все просто: ветер нагоняет раскачивающиеся деревья.

Остальные ждали их в приемной аббата. Чтобы это ожидание не казалось столь долгим, старикам принесли ужин, и сейчас матушка Морки как раз объясняла озадаченным канцеляристам, что здешние ананасы и в подметки не годятся тем, что она ела дома. Торрит выглядывал из-за огромного ломтя хлеба.

— Вас тут давно разыскивали, — проворчал он. — Аббат, понимаете ли, хочет вас видеть. Вот. Хлеб мне у них понравился. Мягкий, не то что наш. И плевать на него не надо, прежде чем укусить. А то, бывало, найдешь на...

— Думай, что говоришь! — накинулась на него матушка Морки, преисполнившись вдруг пламенного патриотизма.

— А что я такого сказал? Это же правда! — зашамкал Торрит. — У нас дома отродясь такого не было. И всех этих колбас да мясных рулетов. Ни убивать никого не надо, ни по помойкам...

И тут он заметил, что все с интересом на него смотрят. Смутившись, он резко осекся и перешел на какое-то нечленораздельное бормотание.

— Заткнись, ты, старый дурень! — прошипела матушка.

— Да-да. Но ведь здесь нет никаких лис, правда? — промямлил Торрит. — Бедняжка миссис Куум! А старина Мерт, он ведь был моим другом! Они так никогда...

Гневный взгляд Морки наконец-то сработал. Торрит изменился в лице и побледнел.

— Это все солнце... — прошептал он, тряся головой. — То есть я хотел сказать: тут совсем нет солнца, и вот...

— Что он хотел сказать? — спросил Гердер, ослепительно улыбаясь.

— Ничего, — отрезала Морки.

— О! — Гердер обернулся к Масклину: — Ты знаешь, я умею читать. Довольно неплохо. Так вот, я читал одну человеческую книгу.

Она... Она называлась... — Гердер задумался. — «Наши пушистые друзья». Вот! Именно! И там сказано: «Рыжий лис — красивый зверь и проворный охотник. Питается падалью, опавшими плодами деревьев и мелкими грызунами...» Э-э... Простите, я что-то напутал?

Торрит отчаянно кашлял, подавившись куском хлеба, остальные хлопали его по спине. Масклин нервно взял молодого монаха под руку и поспешно отвел в сторону.

— Я что-то не то сказал? — недоумевал Гердер.

— Не важно, — пробормотал Масклин. — И к тому же нас ждет аббат.

Старый ном сидел абсолютно неподвижно, устремив взгляд в пустоту. На коленях у него лежал Талисман.

Когда вошли посетители, он не обратил на них ни малейшего внимания. Пальцы аббата безотчетно барабанили по гладкой поверхности черного кубика.

— Сэр? — нерешительно произнес Гердер.

— Хм?..

— Сэр, вы хотели нас видеть?

— А-а... — рассеянно протянул аббат. — Юный Гердер пришел... Это хорошо.

Последовало молчание. Гердер тактично кашлянул.

— Вы хотели нас видеть, сэр? — снова спросил он.

— Э-э... — Аббат слегка кивнул. — Ах да. Тебя. И этого молодого человека с копьем.

— Меня? — удивился Масклин.

— Да. Ты говорил с этим... с этим ящичком?

— С Талисманом? Да, вроде того. Хотя он так чудно разговаривает...

— Этот ящичек говорил со мной. И сказал, что его сделали номы в незапамятные времена. Он ест электричество. И еще он рассказал, что может слышать всякие электрические штуки. Он сказал, — аббат перевел взгляд на черный ящичек у него на коленях, — он сказал, что слышал, будто Арнольд Лимитед (осн. 1905) планирует разрушить Магазин до основания. И еще — это уже какое-то безумие! — этот кубик говорил о звездах. Он утверждает, что мы явились с какой-то звезды... Прилетели... Все это... все это странно. Я не знаю, что и подумать. То ли это посланник Администрации, призванный вразумить нас и предупредить о грядущей беде? То ли это ловушка, расставленная демоном Уценкой? Не знаю! — И в отчаянии он хлопнул морщинистой рукой по книге, лежавшей на подлокотнике его крес-

ла. — Мы должны спросить самого Арнольда Лимитеда (осн. 1905). Лишь от него узнаем мы истину.

— Но, сэр, — на лице Гердера выступили красные пятна, — вы же слишком стары, чтобы... чтобы... Я хотел сказать, что путь на Самый Верх слишком тяжел... Вам... Вам бы не следовало отправляться в такое опасное путешествие, сэр!

— Все верно, мой мальчик. Значит, это придется сделать тебе. Ты можешь читать на языке людей, и твой неистовый друг, не расстающийся с копьем, он мог бы отправиться с тобой...

Гердер упал на колени.

— Сэр? На Самый Верх? Но я недостоин... — Голос его прервался.

Аббат кивнул.

— Этого не достоин никто. На всех лежит грязь этого Магазина. Сказано же: «Пусть все уходит!» Все преходяще, все мы смертны... А теперь идите. И да пребудет с вами Благоприятная Конъюнктура!

— Кто это — Благоприятная Конъюнктура? — спросил Масклайн, едва они очутились за дверью.

— Благая покровительница Магазина, — ответил Гердер, все еще не в силах унять бившую его дрожь. — Она помогает нам выстоять против ужасного врага нашего, Уценки, что рыщет ночами по коридорам с мерцающим

светочем в руке и алчет заполучить себе души несчастных номов!

— Н-да... Хорошо хоть, что вы не верите в этого Уценку всерьез! — пробормотал Масклин.

— Конечно! Кто же верит теперь в такие предрассудки! — согласился Гердер.

— Да, но что-то у тебя при одном упоминании о нем зубы начинают стучать...

— Это потому, что мои зубы в него верят. И колени. И живот. Разум же мой отказывается потакать этим суеверным трусам, но... они не слушаются его, — беспомощно закончил Гердер. — Прости, мне нужно отойти на минутку, чтобы привести себя в порядок. Это крайне важно. Нам нужно немедленно трогаться в путь.

— Почему? — не понял Масклин.

— Потому что если мы еще чуть-чуть замешкаемся, я уже с места не сдвинусь от страха.

Аббат откинулся на спинку кресла.

— Расскажи мне еще раз, как мы сюда попали. Ты говорил, это связано с какой-то катавасией.

— Катапультированием, — ответил кубик.

— Ах да, катапультированием. Из какого-то летающего предмета.

— Из галактического исследовательского корабля, — уточнил кубик.

— Но этот самый корабль, как ты говоришь, сломался.

— Неполадка в одном из всепространственных двигателей. Поэтому мы не смогли вернуться на корабль-базу. Неужели наш народ забыл это? Первоначально мы пытались вступить в контакт с людьми, но этому препятствовали различие в метаболических процессах и иное чувство времени. На первых порах еще оставалась надежда, что можно передать им часть наших знаний и они помогут нам построить новый корабль. Однако все оказалось тщетным. Люди слишком медлительны. В конечном итоге мы принялись обучать их добывать руду, плавить железо и тому подобным вещам. Мы надеялись, что развитие технологии приведет к прекращению войн между людьми на достаточно длительный срок, и тогда они заинтересуются космическими путешествиями.

— Плавить железо... — задумчиво повторил аббат. — Плавить, плавать, плыть... — пробовал он на вкус незнакомое слово. Однако разве железо может плавать? Впрочем, слово «железо» для него всегда было связано с человеком, так что какой-то смысл в словах черного ящичка проглядывал.

Он кивнул.

— Хорошо. Но ты упомянул еще о какой-то вещи, которой номы научили людей. Что-то такое, связанное с неделей, кажется...

Кубик заколебался с ответом, но он уже привык к этому странному языку, на котором теперь изъяснялись номы.

— Земледелие?

— Ага. Семьнеделие, — подтвердил аббат. — Это что-то важное, не так ли?

— Это основа всей человеческой цивилизации.

— А что это значит?

— Это значит — «да».

Аббат опять откинулся на спинку кресла. А кубик все продолжал говорить. На аббата низвергался поток странных слов: «планеты», «электроника» и прочее в том же роде. Трудно было сказать, что они значат, но звучали они *правильно*. Людей всему научили номы. Номы пришли издалека. Очевидно, с какой-то далекой звезды.

Почему бы и нет? Аббат вполне мог такое допустить. Хотя в последнее время ему не приходилось с ними сталкиваться, он повидал множество звезд в юные годы. Раньше они появлялись над каждым отделом во время Рождественской Ярмарки. Из года в год. Такие большие блестящие штуковины с множеством острых концов, а внутри что-то светится. Яр-

ко-ярко. Для людей они были слишком хороши, так что можно не сомневаться: когда-то звезды принадлежали номам. И было совершенно ясно, что если звезды на время появляются в Магазине, а потом куда-то исчезают, то где-то есть огромный склад, куда их убирают на хранение.

Черный ящичек вполне с этим согласился. Он долго не мог понять, что такое склад, но, когда аббат объяснил, что это большое темное пространство, кубик подтвердил, что все правильно. Склад, где хранятся звезды, называется Галактикой, и расположен он чуть выше, чем Бухгалтерия.

Еще кубик говорил о каких-то «световых годах». Аббат прожил на свете почти пятьдесят лет и знал, что, по мере того как один год сменяет другой, жизнь становится все хуже и хуже. С каждым годом она выглядит все мрачнее. Нет, годы, наполненные светом — как иначе прикажете понять сказанное кубиком? — были куда привлекательнее.

И аббат улыбался, кивал и слушал, слушал... пока не заснул, а черный ящичек все говорил и говорил...

Глава 7

ХХI. Но Арнольд Лимитед (осн. 1905) сказал:
Вот Заповедь, что даю я вам.

ХХII. Если не видите вы того, что вам требуемо,
спросите, да не пожалеете о том.

Книга Йомов, Йориативные Акты
и Преписания, стр. ХХI-ХХII

• • • • • • • •

- Ей нельзя идти с нами, — отрезал Гердер.
- Почему? — не понял Масклин.
- Слишком опасно.
- Ну и что? — Масклин перевел удивленный взгляд на Гримму.

У той на лице было ясно написано, что она так просто не отступится.

— Отправляясь в опасное место, не следует брать с собой девушек, — наставительно произнес Гердер.

И вновь Масклина охватило странное чувство, не раз возникавшее у него с момента приезда в Магазин. Окружающие что-то беспрерывно говорили, рты их открывались и закрывались, и каждое слово само по себе было абсолютно понятно, но все вместе они теряли всякий смысл. Самое лучшее, что Масклайн мог сделать, — это не обращать на их слова никакого внимания.

«Там, в Снаружном мире, — подумал он, — если бы нам вздумалось не пускать женщин в опасные места, они бы шагу не могли ступить из норы».

— Короче говоря, я иду с вами, — объявила Гrimма. — Да и какие там могут быть опасности! Этот, как его, Уценка? Или...

— Или сам Арнольд Лимитед (осн. 1905), — нервно перебил ее Гердер.

— Ладно, как бы то ни было, я отправляюсь в путь. Здесь я никому не нужна, и я уже устала слоняться без дела, — заявила Гrimма. — Да и что может случиться в дороге? Разве что я ненароком прочитаю пару слов и у меня мозг вскипит и голова лопнет, — съехидничала она.

— Но я же не... — слабо защищался Гердер.

— Да? Я ведь договорилась со священниками, что они больше не будут сами стирать свои одежки и штопать носки. А взамен я упросила их...

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Гердер, сдаваясь. — Но ты не должна отставать от нас или забегать вперед, ладно? — И он бросил на Масклина взгляд, полный отчаяния. — Скажи ей, чтобы она не забегала вперед!

— Я-то? — усмехнулся Масклин. — Да она в жизни меня не слушала!

Путешествие оказалось куда прозаичнее, чем ожидал Масклин. Старый аббат рассказывал о движущихся лестницах, пожарах, притаившихся в ведрах, длинных пустых коридорах, где негде спрятаться от опасности.

Однако с тех пор как Доркас заставил лифты служить номам, все стало гораздо проще. До Детской Одежды и Игрушек путники добрались без всяких приключений. Одежанцы оказались славным, гостеприимным народом. Эти простые, мужественные номы, привыкшие жить в суровых условиях верхнего этажа, как дети радовались появлению странников, принесших им новости из далекого Нижнего мира.

— Они даже никогда не спускаются в зал с едой, — рассказывал Гердер. — Все, что им

нужно для жизни, они добывают в Комнате Отдыха Персонала. В основном они питаются чаем и печеньем. И еще йогуртом.

— Чудные какие! — воскликнула Гrimма.

— Они очень привязчивы, — рассказывал Гердер. — Очень сообразительны. Очень спокойны. И немного... э-э... мистичные, знаете ли. Наверное, все это из-за йогурта и чая.

— Я так и не понял, что аббат рассказывал про пожары, притаившиеся в ведрах, — задумчиво произнес Масклин.

— Э-э... — начал Гердер. — Иногда нам кажется... э-э... как бы это сказать... что аббат, быть может... ведь он очень стар, и память... э-э...

— Можешь дальше не объяснять, — перебила Гrimма. — С папашей Торритом это тоже бывает.

— Просто его разум несколько притупился с годами, — пожал плечами Гердер.

Масклин ничего не сказал на это. Но про себя подумал, что если сейчас разум аббата притупился, то раньше, должно быть, мог решать даже ветер.

Одежанцы дали путешественникам проводника, чтобы он провел их через пустынные области в перекрытиях. Там совсем не было никакого жилья и царило полнейшее запустение,

ибо большинство номов стремились селиться поближе к лифтам, а еще лучше — на нижних этажах, где жизнь гораздо приятней.

Пустошь чем-то напомнила Масклину мир Снаружи. Легкий ветерок, проносясь над ее поверхностью, сдувал пыль в сероватые холмики, похожие на барханы, скопой свет, просачивающийся через редкие щели в полу, не мог разогнать все тени, и в иных местах приходилось идти при свете факелов, сделанных из спичек. Проводник оказался худым малорослым номом с застенчивой детской улыбкой. За всю дорогу он не проронил ни слова, сколько Гrimма ни пыталась его разговорить.

— Куда мы все-таки направляемся? — спросил Масклин, оглядываясь на тоненькую цепочку следов за спиной.

— К движущимся лестницам, — ответил Гердер.

— Что? К движущимся лестницам? Ты хочешь сказать, что они переходят с места на место, странствуя по всему Магазину?!

Гердер лишь покровительственно усмехнулся.

— Для тебя все это, конечно, в новинку. Со временем ты поймешь сам, что к чему, а пока выбрось это из головы.

— Так движутся они или нет? — настаивала Гrimма.

— Увидите. Учтите, нам нужна только одна из них. Правда, тут есть доля риска... Важно удержаться на ногах. В общем, это не то что с лифтом...

Проводник остановился, махнул рукой куда-то вперед, поклонился и заспешил прочь.

Через узкую щель в старой половице Гердер вывел их наверх, в ярко освещенную пустоту коридора, и там... там они увидели... движущуюся лестницу.

Как загипнотизированный, смотрел Масклайн на ступеньки, вырастающие из пола и с каким-то ужасным скрежетом ползущие вверх.

— Ничего себе... — только и мог сказать он. Конечно, не самое мудрое изречение, но ничего другого в голову не приходило.

— Одежанцы не рисуют сюда заходить. Они верят, что это проклятое место, где живут демоны.

— Я их хорошо понимаю, — пробормотала Гrimма, зябко передернувшись.

— О, это все глупые предрассудки, — махнул рукой Гердер. Лицо его стало при этом белее мела, а голос предательски дрогнул. — Нам абсолютно нечего бояться, — выдавил он.

Масклайн пристально посмотрел на монаха.

— Ты когда-нибудь бывал здесь раньше? — спросил он.

— О да, миллион раз. Часто, — отзывался Гердер, нервно комкая в кулаке край своей рясы.

— И что же мы теперь должны делать?

Гердер пытался говорить спокойно, но голос ему не повиновался, монах все больше и больше сбивался на судорожную скороговорку:

— Вы знаете, одежанцы говорят, что Арнольд Лимитед (осн. 1905) ждет нас там, на верху, и когда номы умирают...

Гrimma задумчиво посмотрела на поднимающиеся из земли и уносящиеся вверх ступени и снова передернулась. А потом вдруг сорвалась с места и побежала.

— Что ты делаешь? — закричал Масклин.

— Проверяю эти рассказни! — крикнула она на бегу. — Иначе мы весь день здесь проторчим!

Масклин кинулся за ней вдогонку. Гердер нервно сглотнул, обернулся зачем-то через плечо и припустил следом.

На глазах у Масклина Гrimma подбежала к краю медленно растущей над полом ступени — и пол под ней пошел вверх, превращаясь в новую ступеньку, и она стала подниматься вместе с ним все выше и выше, балансируя, чтобы не потерять равновесие. Пол под ногами Масклина дрогнул, и мгновение спустя ока-

залось, что Масклин едет вслед за Гrimмой, только ступенькой ниже.

— Прыгай! Ну же! Прыгай вниз! — заорал он. — Нельзя доверять полу, который уходит из-под ног.

Он увидел бледное лицо Гrimмы над краем ступеньки.

— А что толку прыгать? — спросила она.

— Тогда мы сможем отойти в сторонку и спокойно все обсудить!

Она рассмеялась.

— Отойти? И как, интересно? Ты смотрел вниз?

Масклин оглянулся.

Он уже уехал на несколько ступенек. Внизу была видна маленькая фигурка Гердера. Лицо как капля... Вот монах собрал всю свою храбрость и тоже прыгнул на ступеньку...

Наверху не оказалось никакого Арнольда Лимитеда (осн. 1905), ждущего номов. Там был лишь длинный коридор с множеством дверей, и на них виднелись какие-то таблички.

И еще Гrimма. Она-то как раз ждала. Шатаясь, Масклин соскочил со ступеньки, которая тут же непостижимым образом исчезла в полу, и устремился к Гrimме, на ходу грозя ей пальцем.

— Никогда, никогда больше не смей такого делать! — закричал он.

— Если бы не я, мы бы до сих пор стояли внизу! — огрызнулась Гrimма. — Ты же видел: Гердер едва не помешался от страха!

— Да, но... Но кто мог знать, что ждет тебя наверху?! Здесь же могли таиться сотни опасностей!

— И каких же, интересно? — высокомерно спросила Гrimма.

— Здесь, здесь... — Масклин заколебался. — Ладно, дело не в этом, сейчас не время...

И в эту секунду ступенька, на которой ехал Гердер, доставила монаха прямо к их ногам. Оставалось только подхватить его и поставить на пол.

— Ну вот, — просияла Гrimма. — Мы снова вместе, так что все распрекрасно!

Гердер оглянулся по сторонам. Потом откашлялся и одернул рясу.

— Я немного потерял равновесие, — объяснил он. — Уж больно ненадежны эти движущиеся лестницы. Хотя со временем привыкаешь и к ним... — Последовал новый приступ кашля. Наконец Гердер пришел в себя. Внимательно осмотрев коридор, он объявил: — Ну что ж, лучше нам не стоять на месте.

Стараясь не шуметь, номы на цыпочках двинулись вперед. Они миновали одну дверь, другую...

— И что, за одной из них скрывается Уценка? — спросила Гrimма и тут же об этом пожалела.

Здесь, наверху, это странное имя почему-то звучало жутко.

— М-м... нет, — мотнул головой Гердер. — Его обиталище внизу, в подвале, среди горящих огней, пламени... — И он покосился на ближайшую дверь. — На этой вот написано: «Расчет заработной платы».

— Это хорошо или плохо? — спросила Гrimма, разглядывая слова на лакированной деревянной табличке.

— Не знаю.

Масклин шел последним, постоянно оглядываясь. Ему было неуютно — в этом коридоре номы были как на ладони. Здесь не было никакого укрытия, никакой щели, куда в случае нужды можно было бы спрятаться.

Вдруг он остановился и показал пальцем на ряд странных огромных красных штуковин, висящих на дальней стёне. Гердер прошептал в ответ, что это всего лишь ведра.

— Я видел их на картинке в одной книге. Она называлась «Колин и Сьюзан едут на море», — сообщил священник.

— А что это на них написано?

Гердер прищурился.

— «По-жар-ное вед-ро», — прочитал наконец он. — Эге-ге... — помрачнел священник. — Аббат-то был прав! Ведра с пожаром!

— Что? В этих ведрах... пожар? — не понял Масклин. — Ведра с пожаром? — Он покосился на Гердера. — Но я не вижу никакого огня!

— Наверно, он спрятан внутри. Накрыт крышкой... Но он там, точно. Ведь если в молочных пакетах молоко, а в пивных бутылках пиво, то чему же быть в пожарных ведрах, как не пожару! — Гердер переборщил. — Пойдемте-ка поскорей отсюда.

Гrimma еще раз взглянула на грозную надпись. Губы ее беззвучно шевелились. Потом она тряхнула головой и поспешила вдогонку за остальными.

Но вот они достигли конца коридора. Перед ними была огромная застекленная дверь.

Гердер в растерянности остановился. Он явно представления не имел, что же им делать дальше.

— Там что-то написано, — сказала Гrimma. — Прочти-ка. А то мне лучше не смотреть на буквы, как бы у меня чего с головой не случилось, — прибавила она елейным голоском.

Гердер слегка дернулся.

— Там сказано: «Арнольд Лимитед (осн. 1905). Д. Х. К. Льстивли, Главный Управляющий». Э-э...

— Он там? — спросила Гrimма.

— Ну, если в молочных пакетах молоко, а в пожарных ведрах пожар, то здесь, я думаю... — с надеждой в голосе произнес Масклин. — Смотрите-ка, — прервал он вдруг свои пояснения, — дверь не заперта! Хотите, я загляну туда?

Гердер обреченно кивнул. Масклин подошел к двери и что было сил налег на нее плечом. Дверь чуть-чуть приоткрылась.

Внутри было темно, разве что из коридора сюда проникали слабые отблески света. Но скоро глаза Масклина привыкли к этой полутьме, и он обнаружил, что стоит в каком-то большом помещении. На полу лежал толстый, очень плотный ковер. Идти по нему было все равно что пробираться через густые заросли травы. Впереди, в нескольких метрах, возвышался большой прямоугольный предмет, сделанный из дерева. Масклин осторожно обошел его вокруг и обнаружил, что рядом стоит кресло. Возможно, это был трон Арнольда Лимитеда (осн. 1905).

— Где ты, Арнольд Лимитед (осн. 1905)? — прошептал Масклин.

Через несколько минут оставшиеся за дверью Гrimма и Гердер услышали тихий оклик. Они опасливо заглянули в комнату.

— Масклин, где ты? — окликнула Гrimма.

— Здесь, наверху, — раздался голос. — На этой большой деревянной штуковине. У нее сбоку есть выступы, по ним можно забраться. Чего тут только нет! Но осторожнее идите по ковру: в нем могут водиться дикие звери! Если вы подождете минуту, я вам помогу.

Они миновали заросли ковровой щетины и остановились у подножия деревянного утеса.

— Да это же письменный стол! — высокомерно произнес Гердер. — В отделе Офисной Мебели таких множество. «Непревзойденное качество стопроцентного дубового шпона».

— Что он там делает? — забеспокоилась Гrimма. — Я слышу какие-то щелчки.

— «Необходим в каждом доме, — продолжал Гердер, словно произнесение этой тара-барщины действовало на него успокаивающе. — Широкий выбор моделей на любой кошелек».

— О чём ты говоришь?

— Прошу прощения. Это просто начертано на скрижнях, что дал нам Арнольд Лимитед (осн. 1905). Когда я повторяю эти слова, мне становится как-то уютнее.

— А что это за штуковина рядом?

Гердер глянул в указанном направлении.

— Вон та? Кресло. «Наши вращающиеся кресла откроют вам новые горизонты на вашем рабочем месте».

— Что-то оно выглядит слишком большим, это кресло, словно для людей сделано... — задумчиво пробормотала Гrimma.

— Может, люди сидят в нем, когда Arnольд Лимитед (осн. 1905) вызывает их выслушивать его повеления.

— Хм... — произнесла Гrimma в ответ.

Гердер взглянул наверх и увидел, что оттуда к ним спускается сверкающая цепь.

— Извините за задержку, — сказал Масклин. — Быстрее их соединить никак не получалось.

— Скрепки! — восторженно воскликнул монах. — Надо же, мне бы такое и в голову не пришло.

Вскарабкавшись на вершину деревянного утеса, они увидели Масклина, бесстрашно расхаживающего по скользкой блестящей поверхности стола и недоуменно тыкающего копьем в предметы, попадающиеся ему на пути.

— Это бумаги и такие специальные штуки, чтобы делать на них пометки, — растолковал Гердер.

— Судя по всему, Arnольда Лимитеда (осн. 1905) здесь нет, — сказал Масклин. — Может, он отправился спать или вышел куда по делам...

— Но аббат уверял, что видел его здесь именно ночью, — возразил Гердер. — Он сидел

за столом и смотрел, как идут дела в Магазине.

— Что? Сидел в этом вот самом кресле? — заинтересовалась Гrimма.

— Наверное, да.

— Значит, он большой? С человека ростом, да? — безжалостно наседала она.

— Что-то вроде того, — неохотно согласился Гердер.

— Н-да...

Масклин обнаружил какой-то провод, тянувшийся через весь стол. Провод был толщиной с руку взрослого нома.

— Но если он похож на человека и с человека ростом, — продолжала Гrimма, — то, может быть, он...

— Давайте-ка посмотрим, можем ли мы здесь что-нибудь найти, а? — поспешно пробормотал Гердер.

Он вскарабкался на кучу бумаги и принял ся читать самую верхнюю страницу. Слабого света, падавшего из коридора, едва хватало, чтобы различить буквы. Читал Гердер медленно, но громко.

— «Группа компаний "Арнко", — объявил он, — включающая в себя фонд развития "Арнко" (Соединенное Королевство), "Объединенную Телекомпанию", акционерное общество "Арнко-Шульц" (Гамбург), Авиакомпанию "Арн-

ко”, фирму звукозаписи “Арнко”, общество с ограниченной ответственностью “Арнко” (кинопрокат), “Арнко Петролеум”, издательство “Арнко” и торговые предприятия “Арнко” (Соединенное Королевство)...»

— Тарабарщина какая-то, — уныло протянула Гrimma.

— Это еще не конец, — восторженно отозвался священник, — там дальше что-то написано буквами помельче, наверно, специально для нас. Слушайте! «Торговые предприятия “Арнко” (Соединенное Королевство), а именно: торговое объединение “Складирование Лимитед”, компанию “Сплинберилакикраски”, “Уборочные машины Быстрочист, Лимитед” и... и...»

— Что-нибудь не так? — спросила Гrimma.

— «Универсальный магазин братьев Арнольд Лимитед» (осн. 1905). — Гердер растерянно огляделся вокруг. — Как это все понимать? Да хранит нас Благоприятная Конъюнктура!

И тут вспыхнул свет. Откуда-то сверху обрушился поток белого света, безжалостно приводивший номов к поверхности стола, на которой расплылись черные лужицы теней.

Гердер в ужасе смотрел на возникший из ничего сияющий шар над головой.

— Простите, кажется, это я что-то такое на-делал, — послышался издалека голос Маск-лина. — Просто я нашел один рычаг, а когда на него надавил, раздался щелчок, и вот... Простите...

— А-ха-ха! — выдавил из себя Гердер без всякого энтузиазма. — Электрический свет. Ну конечно. Ха-ха-ха! Как раз то, что мне нужно. Я уж было и сам собирался его включить, да ты меня опередил.

Масклин появился в круге света.

— Я слышал, ты читал, — сказал он, заглядывая в бумагу. — Обнаружил что-нибудь интересное?

Гердер вновь углубился в изучение написанного.

— «К сведению персонала, — прочел он. — Не сомневаюсь, что ни для кого из нас не являются тайной растущие финансовые трудно-сти, которые переживает магазин в последние годы. Старое здание, с его беспорядочной пла-нировкой, вполне отвечало требованиям, предъ-являемым к торговым помещениям в 1905 году. Но те медлительные, неторопливые времена остались в прошлом. И в стремительно меня-ющемся мире девяностых оно является ана-хронизмом. Появление в городе новых больших магазинов привело к тому, что мы потеряли

свою клиентуру и рынок сбыта. Однако я смею надеяться, что ваша скорбь по поводу закрытия “Универсального магазина братьев Арнольд Лимитед”, который, как известно, был фундаментом всего последующего преуспеяния “Арнко”, смягчится сообщением о том, что в ближайшее время группа компаний планирует ввести в эксплуатацию “Экономцентр Арнко” в торговом пассаже Нила Армстронга. В силу этого в конце текущего месяца “Универсальный магазин братьев Арнольд Лимитед” будет закрыт. После сноса здания на его месте возникнет Центр досуга “Арнко”...»

Гердер смолк и закрыл лицо руками.

— Опять те же слова, — медленно произнес Масклин. — «Закрытие». «Снос».

— А что такое «досуг»? — спросила Гrimма. Монах не обратил на нее внимания.

Масклин мягко взял Гrimму за руку и отвел в сторону.

— Оставь его, думаю, сейчас ему хочется побывать одному.

Кончиком копья он провел черту на листе бумаги, согнул его пополам, потом еще и еще пополам, пока тот не стал достаточно мал, чтобы унести его с собой.

— Предполагаю, что аббат захочет увидеть все своими глазами, — сказал Масклин. — Он не поверит нам до тех пор, пока...

Масклин замер. Напряженный взгляд Гrimмы был устремлен куда-то поверх его плеча. Он резко обернулся. Стеклянная дверь, за ней коридор... По коридору скользила черная тень! Большая черная тень размером с человека. Она приближалась.

— Что это? — слабо пискнула Гrimма.

Масклин крепче сжал копье.

— Боюсь, что ничего хорошего. Может, это и есть Уценка.

Они развернулись и подбежали к Гердеру.

— Сюда кто-то идет, — выпалил Масклин свистящим шепотом. — Все на пол, быстро!

— «Снос»! — причитал Гердер, закрыв руками лицо и раскачиваясь из стороны в сторону. — «Пусть все уходит!», «Снижено до предела!» Мы обречены!

— Несомненно. Но может быть, ты все-таки спустишься вниз и будешь переживать свою обреченность там? — жестко сказал Масклин.

— Ты же видишь, он не в себе, — усмехнулась Гrimма. — Идем, идем! — воскликнула она преувеличенно веселым голосом. — Ну же. Опля-ля! — И, приподняв Гердера, она развернула его по направлению к импровизированной лестнице из скрепок...

Масклин шел, вернее, пятился вслед за ними, боясь хоть на секунду выпустить дверь из поля зрения.

«Он пришел на свет, — думал Масклин. — Здесь не должно быть света, здесь должно быть темно. Он увидел: что-то не так — и пришел. И я не успею теперь спуститься. Хотя не все ли равно, где прятаться. Я не верил ни в какого демона по имени Уценка, и вот он пришел. Какой же странный, непонятный мир».

Масклин скользнул в тень, отбрасываемую стопкой бумаг, и затаился.

Снизу до него доносились слабые протесты Гердера. Потом все смолкло: видимо, Гримма чем-то ударила монаха по голове. В трудную минуту она всегда умела найти безошибочно верное решение.

Дверь отворилась — очень медленно. В проеме возникла какая-то фигура. Похожа она была на человека в синем костюме. Масклин не слишком хорошо разбирался в оттенках человеческих эмоций, но ему показалось, что мужчина в синем выглядит как-то нерадостно. В руке он сжимал металлическую трубочку, из которой был пучок света. «Его ужасный светоч», — мелькнуло в голове у Масклина.

Вошедший приблизился. Передвигался он той замедленной, сонной походкой, которая свойственна людям. Масклин хотел было пойти назад, спрятаться за стопку бумаги, но любопытство было сильнее страха. Как зача-

рованный, он разглядывал круглое красное лицо. Он чувствовал дыхание человека, видел форменную фуражку у него на голове.

Масклин знал, что люди в Магазине носят специальные значки, на которых написаны их имена. Его уверяли, будто люди настолько глупы, что без этого просто забыли бы, как их зовут. Имя вошедшего было написано у него на фуражке. Прищурившись, Масклин смог разобрать очертания букв: С... Л... У... Ж... Б... А... Б... Е... З... О... П... А... С... Н... О... С... Т... И... В центре фуражки белела кокарда.

Человек выпрямился. Обошел комнату.

«Они вовсе не так глупы, — сказал самому себе Масклин. — Этот человек — у него хватило ума сообразить, что свет в комнате гореть не должен, и он пришел выяснить, в чем дело. И он будет обшаривать все углы и неизбежно увидит Гrimmu и Гердера! Их просто нельзя не заметить! — Масклин крепче сжал копье. — Глаза, — думал он. — Я должен попасть ему в глаз».

Охранник кружил по комнате — медленно, сонно, лениво заглядывая в шкафы, косился на темные углы и наконец направился обратно к двери.

Масклин перевел дух, и в этот момент откуда-то снизу раздался истеричный вопль Гердера:

— Это — демон Уценка! О Благоприятная Конъюнктура, спаси нас! Помил... мы... ммпфф... ммпфф.

Охранник замер и обернулся. По лицу его медленно, как патока, разлилось выражение крайнего удивления.

Масклин резко юркнул в тень. Еще немногого, еще. «Сейчас! — мелькнуло в сознании. — Только бы хватило сил на бросок...»

И тут из-за двери донесся какой-то рыкающий вой, похожий на рычание грузовика. Однако на человека шум не произвел никакого впечатления. Совершенно спокойно он открыл дверь и выглянул наружу.

Посреди коридора стояла женщина. Выглядела она довольно старой, по крайней мере насколько Масклин разбирался в людском возрасте. На ней был розовый передник в цветочек, на ногах тряпичные тапочки. В одной руке женщина держала швабру, а в другой...

Казалось, она тянула за собой что-то вроде рычащего чемодана на колесиках. Чемодан все время норовил укатиться вбок, но рука женщины крепко держала его за поводок с палкой, и каждый раз чемодан с недовольным рычанием возвращался на место.

Но вот женщина пнула его ногой — чёмодан замер и успокоился. Охранник подошел поближе. Что-то сказал. Женщина принялась ему что-то объяснять. Для Масклина их голоса звучали, словно две пароходные сирены, затеявшие перебранку в густом тумане.

Масклин бегом кинулся к краю стола и на половину слез, наполовину скатился кубарем по лесенке из скрепок. Гrimма и Гердер ждали его, укрывшись в тени стола. Глаза Гердера неистово вращались: на всякий случай Гrimма зажала ему рот рукой.

— Давайте-ка выбираться отсюда, пока он нас не заметил! — выпалил Масклин.

— Как? — остановила его Гrimма. — Тут всего один выход.

— Мммффр, — прохрипел Гердер.

— Н-да... Но тогда нам надо хотя бы перебраться в другое место.

В поисках укрытия Масклин огляделся по сторонам.

— Там есть какой-то шкаф, — сообщил он.

— Ммффп!

— А что с ним делать?

— Слушай! — наклонился Масклин к побелевшему от ужаса Гердеру. — Надеюсь, ты больше не собираешься орать во всю глотку, что кто-то там обречен, а? Иначе мне придется вставить кляп тебе в пасть. Прости уж, но...

- Ммпф.
- Обещаешь?
- Мфп.
- Ладно, можешь его отпустить, — кивнул он Гrimme.
- То была сама Благоприятная Конъюнктура! — восторженно прошептал Гердер.
- Гrimма озабоченно глянула на Масклина.
- Может, мне опять заткнуть ему рот?
- Пусть его говорит что хочет! Лишь бы тихо, — махнул рукой Мас clin. — Может, ему от этого легче. Он ведь пережил настоящее потрясение.
- О Благоприятная Конъюнктура, явившая нам свою мудрость! О ты, приходящая в завываниях бури и очищающая души... — И тут брови Гердера озадаченно поползли вверх. — Ведь это выл пылесос, а? — медленно пробормотал он. — Я думал, очищение души — нечто мистическое и волшебное, а для этого достаточно обычного пылесоса?! Их же продают в Отделе Бытовых Приборов. «Сверхмощные пылесосы нового поколения — ваши надежные домашние помощники!»
- Замечательно. Просто замечательно. А теперь как бы нам отсюда выбраться?

После долгих поисков в районе ящиков с картотекой в полу обнаружилась щель, дос-

таточно большая, чтобы в нее с трудом можно было притиснуться.

Возвращение заняло целых полдня. Гердер периодически отказывался идти дальше, падал на колени в придорожную пыль и принимался безутешно рыдать. К тому же спускаться пришлось внутри стены. Конечно, там были провода и какие-то кусочки дерева, но в основном — пустота, и постоянно приходилось за что-то цепляться. Это страшно изматывало. Наконец они добрались до Отдела Детской Одежды. Там Гердер пришел в себя, и к нему вернулась вся его властность и самоуверенность — он тут же потребовал у одежанцев еды и почетный эскорт.

И вот они вернулись в Отдел Канцелярских При надлежностей.

Как раз вовремя.

Матушка Морки подняла глаза и сурово посмотрела на вошедших. Она сидела у постели аббата, руки ее были сложены на коленях.

— Не шумите. Он очень болен. Говорят, что умирает. Я ему верю. Кому и знать, как не ему?

— Умирает? Но от чего? — вырвалось у Масклина.

— От того, что прожил долго, — покачала головой Морки.

Аббат дремал, со всех сторон обложенный подушками. Сейчас он выглядел еще более маленьким и сморщенным, чем запомнился Масклину со времени их последней встречи. В исхудавших, похожих на птичьи лапки руках старик сжимал Талисман.

Аббат открыл глаза, посмотрел на Масклина и слабо шевельнул рукой, подзываая его поближе. Даже это движение стоило ему величайших усилий.

— Тебе придется наклониться, — приказала Морки. — Бедняга не может громко говорить.

Аббат мягко притянул Масклина к себе и прошептал в ухо:

— Не женщина, а чистое золото. Просто кладезь всяких добродетелей. Но, пожалуйста, отошли ее прочь, прежде чем она опять начнет пичкать меня лекарствами.

Масклин кивнул. Снадобья, которые Морки приготавляла из самых простых, проверенных веками, а главное — растущих поблизости целебных травок и корешков, оказывали на больных просто потрясающее действие. После одного-единственного приема отвара от живота они, больные, приходили к непоколебимому убеждению, что отныне никогда в жизни не будут жаловаться на расстройство желудка.

ка. В своем роде это было очень действенным лечением.

— Отослать ее я не могу, но попросить выйти — пожалуйста, — сказал Масклин.

Морки вышла, на ходу отдавая указания, как нужно заваривать очередное питье.

Гердер опустился на колени рядом с постелью.

— Вы ведь не умрете, сэр, правда? — умоляюще пробормотал он.

— Конечно умру. Как все. Никого эта участь не минует, — прошептал в ответ аббат. — Вы видели Арнольда Лимитеда (осн. 1905)?

— Да... э-э... — Гердер помедлил. — Мы нашли некоторые записи, сэр. Это правда: в них говорится, что Магазин будет разрушен. Это означает конец всего. Сэр, что же нам теперь делать?

— Уходить отсюда, — жестко сказал аббат.

Гердер испуганно отшатнулся.

— Но... вы ведь всегда говорили, что за пределами Магазина нет ничего. Снаружи — это лишь морок, иллюзия!

— А ты никогда мне не верил, мой мальчик. И возможно, я ошибался. Этот юноша с копьем — он все еще здесь? Я стал совсем плохо видеть.

Масклин подошел ближе.

— О, вот ты где, — слабо улыбнулся старый ном. — Этот твой ящичек...

— Да?

— Он многое мне рассказал. Показал мне картинки. Магазин гораздо больше, чем я думал. Это помещение, в котором хранятся звезды — не те блестки, которые вешаются под потолком во время Рождественской Ярмарки, а другие — огромные. Их сотни и сотни. Все вместе называется Вселенная. Мы жили там, почти вся она была нашим домом. Мы не ютились под чужим полом! И я думаю, Арнольд Лимитед (осн. 1905) повелевает нам вернуться обратно в свой родной дом.

Он чуть приподнялся на подушках, и его холодные бледные пальцы с силой, удивительной для умирающего, стиснули запястье Масклина.

— Я не скажу, что ты одарен умом, — прокряхтел старик. — Скорей, ты из числа тех глупцов, кто до конца верен долгу и готов вести за собой других, когда в том нет ни почета, ни славы. Тебе дано видеть сквозь вещи, видеть невидимое другими. Забери их домой. Всех их... отведи их домой.

Аббат тяжело откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Но, сэр, покинуть Магазин?! — воскликнул Гердер. — Ведь нас тысячи, и в путь отправляются женщины и дети. Куда мы пойдем?

Там лисы и ветер, говорит Масклин, там на нас будут охотиться, а с неба падает вода... Сэр! Сэр! Сэр!

Гримма склонилась над стариком и припала ухом к его груди.

- Он меня слышит? — спросил ее Гердер.
- Может быть, может быть. Но ответить он не в силах, потому что мертв.
- Но... но он не может умереть! Он был всегда! — воскликнул Гердер в отчаянии. — Ты ошибаешься. Сэр! Сэр!

Масклин взял из разжавшихся рук аббата кубик. В комнату уже вбегали священники, привлеченные криком Гердера.

— Талисман! — тихо прошептал Масклин, отойдя в сторонку от толпы, сгрудившейся у постели.

- Я слушаю.
- Он мертв?
- Я не обнаруживаю никаких жизненных функций.
- Что это значит?
- Это значит «да».
- О, — пробормотал Масклин, обдумывая услышанное. — А я думал, что для этого тебя сперва должны съесть. Или раздавить. Я не думал, что смерть — это просто когда перестаешь двигаться. Просто остановка...

Талисман на это ничего не сказал.

— И что же мне теперь делать, а? — удрученно спросил Масклин. — Гердер прав. Они вовсе не собираются просто так расстаться с теплом и едой... Может, кто из молодых и готов бы рискнуть забавы ради. Но если мы хотим выжить там, Снаружи, нас должно быть очень много. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. И что же я им должен сказать: «Простите, но с этим всем надо расстаться?»

— Нет, — ответил Талисман.

Масклин никогда не видел похорон. Собственно говоря, он никогда не видел и нома, который бы умер оттого, что слишком долго жил. Номы могли съесть, он мог уйти и не вернуться, но умереть в своей постели — такого на память Масклина еще не бывало.

— Где вы хороните своих мертвцев? — спросил Гердер.

— Чаще всего — в барсуках и лисах, — пожал плечами Масклин. И прибавил, не удержавшись: — Ты же знаешь: лисы — красивые звери и проворные охотники...

Номы прощались с покойным следующим образом.

С соблюдением всех подобающих церемоний старого аббата облачили в зеленый костюм, на голову ему надели красный остроконеч-

ный колпак, длинную седую бороду аккуратно расчесали. Он лежал на кровати, и от всей его фигуры веяло теперь умиротворенностью. Отходную молитву читал Гердер.

— «Молим тебя, Арнольд Лимитед (осн. 1905), яви милость свою и возьми усопшего брата нашего в пресветлый отдел Садоводства твой, что по ту сторону Бухгалтерии. Да узрит он Идеальные Газонные Бордюры и Изумительную Выставку Цветов, да войдет он в обитель вечной жизни из Легко Натягиваемого Полиэтилена и ступит нога его на воистину Потрясающие Плитки Для Мощения Дорожек. И положим мы к ногам его последние дары наши, да будет ему дано все, что потребноному в странствии этом».

Граф де Слесар сделал шаг вперед.

— Я даю ему, — произнес он, кладя рядом с усопшим какой-то предмет — Лопату Честного Труженика.

— А я, — произнес герцог де Галантерейя, — возлагаю к ногам его Рыболовную Удочку Надежды.

Следом прочие владельцы номов принесли аббату свои дары: Одноколесную Тачку Превосходства и Покупательскую Корзину Жизни.

«Как же сложно здесь, в Магазине, умирают», — поморщился Масклин.

Гrimma всхлипнула, когда Гердер закончил службу и состоялся торжественный вынос тела.

Позже они узнали, что тело отнесли в подвал и опустили в печь для сжигания мусора. Там, внизу, в царстве демона Уценка, он же Службабезопасности, где извечный враг номов ночи напролет пьет свой ужасный чай, оно будет предано огню.

— По мне, так это малость гадко — сжигать своих умерших, — пробормотала матушка Морки, когда они стояли, сбившись в кучку, не зная, что же теперь делать. — В дни моей юности, если кто умирал, его хоронили в земле.

— В земле? — не понял Гердер.

— Это что-то вроде пола, — объяснила матушка Морки.

— А что происходит потом? — заинтересовался монах.

Матушка Морки недоуменно посмотрела на него.

— Потом?

— Ну да. Куда умерший отправлялся после этого? — терпеливо продолжал свои распросы Гердер.

— Отправлялся? Не думаю, чтобы он куда-то «отправлялся». Мертвцы не очень-то умеют ходить.

— В Магазине, — медленно начал Гердер, словно говорил с умственно отсталым ребен-

ком, — умершие праведники удостаиваются особой милости Арнольда Лимитеда (осн. 1905). Он посыпает их обратно к нам, прежде чем забрать в Лучшее Место.

— Да как может... — начала было матушка Морки.

— Я имею в виду их внутреннюю сущность, — перебил Гердер. — То, что есть внутри каждого и является его истинным «я».

Номы из Наружного мира смотрели на него с вежливым удивлением, ожидая каких-либо пояснений.

Гердер вздохнул.

— Ладно, — пробормотал он. — Я поишу кого-нибудь, кто бы вам это показал...

Их привели в отдел Садоводства. «Очень странное место, — думал Масклин. — Похоже на Снаружный мир, только из него изгнано все, что мешает жить беззаботно». Единственным источником света было тут искусственное солнце, горевшее всю ночь напролет. И не было ни дождя, ни ветра — сама мысль о них казалась здесь нелепой. Пол вроде бы порос травой, но то была лишь выкрашенная в зеленый цвет мешковина.

Над полом возвышалось что-то вроде скал или утесов, сложенных из пакетиков с семена-

ми. На каждом из них был рисунок, который, с точки зрения Масклина, не имел ни малейшего отношения к реальности. Он в жизни не видел таких цветов, как на этих рисунках.

— Правда, что Снаружи все так же, как здесь? — спросил молодой священник, взявшийся познакомить их с Отделом Садоводства. — Говорят... э-э... говорят, да, говорят, вы там были. Говорят, вы видели, какое оно. — Видно было, что он страшно боится разочароваться в своих надеждах.

— Там гораздо больше зеленого и коричневого, — уныло ответил Масклин.

— А цветы... цветы есть?

— Какие-то есть, — согласился Масклин, — но не такие, другие.

— А я как-то видел такие цветы, — объявил Торрит и тут же умолк, что было для него совсем необычно.

Они обогнули корпус гигантской газонокосилки и увидели перед собой... номов. Высоких круглолицых гномов. Краснощеких нарисованных гномов. Они сжимали в руках рыболовные удочки или лопатки. Или толкали перед собой нарисованные тачки. И все как один улыбались.

Номы замерли в потрясенном молчании.

Потом Гrimma не выдержала.

- Жуть какая! — пробормотала она.
 - О нет, что вы! — воскликнул шокированный ее словами священник. — Это же просто чудесно! Арнольд Лимитед (осн. 1905) посыпает их обратно — обновленными, с иголочки, а потом они покидают Магазин и уходят туда, где гораздо лучше, чем здесь!
 - Хоть женщин среди них нет, — проворчала Морки. — Какое-никакое, а милосердие...
 - О да, — смешался сбитый с толку священник. — Это всегда вызывало споры... Мы не можем с уверенностью сказать, в чем тут дело, но... но, думается...
 - И выглядят они все на одно лицо... — неодобрительно заметила Морки.
 - Да... Понимаете ли...
 - Нет уж, избавьте меня от вашего возвращения, — рассердилась старуха. — Не хочу я никуда уходить, если потом суждено этакое!
- Священник едва не расплакался от отчаяния:
- Да, но...
 - Я как-то видел одного такого, — опять подал голос папаша Торрит. Лицо старика заметно посерело, руки дрожали.
 - Заткнись-ка ты лучше, вот что. Ничего-то ты не видел, — осадила его матушка Морки.
 - Видел! — уперся Торрит. — Еще когда почти ребенком был. Дедушка Димпо взял нас

с собой и повел через поле, через лес, а за лесом были большие каменные дома, где жили люди. И перед каждым домом — небольшое поле и цветы, как в Магазине. А еще там были лужи с оранжевыми рыбками. И около одной лужи рос каменный мухомор, а на его шляпке сидел такой ном.

— Не было ничего подобного! — по привычке возразила Морки.

— Было, было! — равнодушно отмахнулся Торрит. — Я еще помню, как дедушка сказал: «Он сидит там в любую погоду, и птицы какают ему на голову, а собаки на него мочатся». И он поведал нам его историю. Это был ном-великан, который превратился в камень из-за того, что очень долго просидел около лужи, но так и не поймал ни одной рыбки. А потом дедушка прибавил: «Нет уж, парни, такой конец не для меня, лучше уж как-нибудь внезапно умереть — и все». И тут на него вдруг бросился кот. Дошумился старик.

— А что случилось дальше? — спросил Масклин.

— О, коту пришлось познакомиться с нашими копьями, мы дали ему отпор, подхватили дедушку и бросились прочь. Как же мы тогда бежали!.. — Увидев суровое выражение на лице Морки, Торрит поперхнулся и замолчал.

— Нет-нет! — горько воскликнул священник. — Это все не так, не так, слышите! — И он захлебнулся рыданиями.

Матушка Морки колебалась лишь мгновение, потом подошла к священнику и ласково похлопала его по спине.

— Ну, не надо, не надо, — приговаривала она. — Не стоит из-за этого огорчаться. Старый слабоумный дурень сам не знает, что говорит...

— Я не... — начал было Торрит и осекся, поймав свирепый взгляд матушки Морки.

Обратно все шли медленно и понуро, стараясь не думать об ужасной участи каменного нома. Торрит плелся в самом хвосте процесии. Он был мрачнее тучи и сердито ворчал себе под нос:

— Говорю ж вам, я это видел своими глазами! Огромный ухмыляющийся ном сидит на загаженном птицами мухоморе. Больше я туда, конечно, не возвращался. От греха подальше. Но я это видел!

Всем казалось само собой разумеющимся, что новым аббатом должен стать Гердер. Такова была воля покойного, ясно выраженная им в завещании, и тут не о чем было спорить.

Единственный, кто восстал против этого, был сам Гердер.

— Почему, почему я? — повторял он. — Да я в жизни не хотел кого-то там за собой вести! И потом... знаете... — Гердер понизил голос. — Порой меня посещают сомнения. Ведь старый аббат это знал, знал, я уверен. У меня просто в голове не укладывается, почему он решил, что я гожусь для этого!

Масклин же молчал. Хотя ему все чаще казалось, что, может, аббат преследовал вполне определенную цель, назначая своим преемником молодого монаха. Может, настало время для сомнений. Может, пора было иначе взглянуть на само существование Арнольда Лимитеда (осн. 1905).

Масклин и Гердер стояли у стены огромного зала, который служители Канцелярских Принадлежностей использовали для проведения важных переговоров. За исключением зала с едой, это было единственное место в Магазине, где действовал строжайший запрет на любые драки и столкновения. Сейчас здесь собрался весь цвет аристократии: главы правящих домов, властители отделов и подотделов. При первой же возможности они перерезали бы друг другу глотки, но, входя сюда, оружие полагалось оставлять у входа.

Было совершенно немыслимо заставить их объединиться ради общего дела, но недаром в

Магазине существовал отдел Канцелярских Принадлежностей. Хотя священники-канцеляристы и не имели никакой реальной власти, все правящие дома в них нуждались. Их никто не боялся — только благодаря этому они и могли выжить, и вдруг оказалось, что в этом скрыт источник силы. Ибо то, что де Галантерейя отказывались выслушать из уст представителя де Слесаров — пусть это было трижды разумно, но дело-то шло о принципах, — они готовы были принять от священников-канцеляристов. Всем в Магазине было известно, что Канцелярские Принадлежности не принадлежат ни к какому лагерю, а потому — абсолютно беспристрастны.

Масклин обернулся к Гердеру.

— Нам надо поговорить с кем-то из Слесарных Инструментов и Электротоваров. Они ведь контролируют все электричество? И гнездовые грузовиков...

— Что ж, вон стоит граф де Слесар, — сказал Гердер, указывая рукой в направлении Его Светлости. — Видишь: высокий, тощий, с кокардой... Не так чтобы очень религиозен... И весьма посредственно разбирается в электричестве.

— Но, мне казалось, ты говорил...

— О да, Электротовары действительно в этом соображают. Всякие мелкие чиновники,

слуги и прочая и прочая. Но что касается таких, как граф... Да упаси меня Арнольд Лимитед (осн. 1905), — Гердер улыбнулся, — ведь не думаешь же ты, что герцог де Галантейя хоть раз в жизни держал в руках ножницы, а баронесса Дель Икатес сама ходит в отдел за едой?

Он посмотрел мимо Масклина.

— У тебя уже есть какой-нибудь план?

— Так, что-то вроде.

— И что ты собираешься им сказать?

Масклин рассеянно уставился на кончик копья.

— Правду. Я собираюсь сказать им, что можно оставить Магазин, но унести с собой все остальное. Думаю, это вполне осуществимо.

Гердер поскреб подбородок.

— Хм... — пробормотал он. — Я полагаю, это осуществимо. Если каждый возьмет столько еды и вещей, сколько сможет унести. Но ведь запасы скоро кончатся... А электричество? Его унести не удастся. Ты же знаешь, электричество живет в проводах.

— Сколько священников могут читать на человеческом языке? — спросил Масклин, думая о своем.

— В общем-то, все немножко этому учились. Но на самом деле по-настоящему преуспели в чтении лишь четверо из нас.

— Н-да... Четверо — это слишком мало, — поморщился Масклин.

— Что делать. Тут есть своя хитрость, и не каждому удается ею овладеть. Но что ты задумал?

— Я думаю, как всех вывести отсюда наружу. Всех. И при этом забрать все, что когда-нибудь может нам понадобиться, — ответил Масклин.

— Они же надорвутся под такой тяжестью!

— Не думаю. Большая часть того, что им придется нести, вообще ничего не весит.

Гердер с беспокойством заглянул Масклину в лицо.

— Это, часом, не какие-нибудь безумные схемы Доркаса?

— Нет.

Масклин почувствовал, что еще немного — и он сорвется. В голове его теснилось сейчас множество вещей, о которых рассказал ему Талисман, и все это требовало хоть какого-нибудь выхода.

А он был совершенно один. Аббат кое-что знал и, умирая, грезил о звездах, но даже он не понял всего до конца. Галактика! Старик думал, что это лишь огромная комната снаружи Магазина, всего лишь очень большой отдел. Возможно, и Гердер не сможет этого постигнуть. Ведь он всю жизнь прожил под кры-

шней. И у него нет ни малейшего представления, о каких расстояниях идет сейчас речь. Масклин даже почувствовал легкий прилив гордости. Номы из Магазина просто-напросто не могут понять, что им говорит Талисман, для этого нужен соответствующий опыт. А откуда ему взяться, если путь от одной стены Магазина до другой — самое большое из всех мыслимых для них расстояний. Их сознание просто откажется принять тот факт, что до звезд много, много дальше. Даже если бежать все время не останавливаясь, на то, чтобы достигнуть звезд, потребуются *недели*.

Он должен приучить их к этой мысли постепенно, шаг за шагом. Звезды! В давние, давние времена номы путешествовали от одной звезды к другой, используя для этого специальные штуковины — «космические корабли». По сравнению ними грузовики выглядели просто букашками. А ведь эти «корабли» построили номы. Один такой «корабль», совершая исследовательский облет маленькой звездочки, находящейся на самой границе Нигде, послал «модуль» к планете, которая принадлежала людям.

Но произошла ошибка. Масклин не все тут понял, он лишь догадался, что всему виной какая-то очень-очень сильная вещь, которая приводила корабль в движение. Несколько сотен

номов выжили. Один из них, осматривая место катастрофы, нашел Талисман. Без электричества, которым он питался, от Талисмана было мало толку, но номы все же его сохранили, потому что в нем была машина, управлявшая кораблем.

Одно поколение сменялось другим, и номы забыли все, кроме того, что Талисман очень важен.

«Этого более чем достаточно, чтобы голова пошла кругом», — думал Масклин. Но это было не самое важное, не от этого у него закипала кровь и начиналось пощипывание в кончиках пальцев.

Важно было вот что. Большой корабль — из тех, что могут летать от звезды к звезде, — все еще где-то там, наверху. Им управляют машины, похожие на Талисман, и они терпеливо ждут возвращения номов. Время для них ничего не значит. Машины метут длинные коридоры, готовят еду, и наблюдают за звездами, и терпеливо отсчитывают часы и минуты в бесконечно длинных, погруженных во тьму пустых переходах корабля.

Они будут ждать вечно. Им неведомо, что такое время, они лишь следят, как оно убывает с каждой секундой, но сами при этом ему не подвластны. Умрет Луна и остынет Солнце, а

машины все так же будут чинить корабль и ждать возвращения номов.

Чтобы отвезти их Домой.

«И покуда они ждали, — подумал Масклин, — мы забыли про них все, забыли все про себя самих и стали жить в норах».

Он знал, что ему нужно сделать. Конечно же, сделать это было невозможно. Но и этому он тоже уже привык. Ведь невозможно в одиночку дотащить крысу из леса домой. Но можно перетащить ее на несколько шагов и отдохнуть, а потом перетащить еще на несколько шагов...

Чтобы справиться с до невозможного трудной задачей, нужно разбить ее на несколько просто очень трудных задач, а потом каждую из них на ряд ужасно тяжелых задач, а каждую из них на много мудреных задачек, и каждую из них...

Но сейчас труднее всего было заставить номов осознать, кем они когда-то были и кем они могут стать вновь.

У него был план. Конечно, первоначально этот план предложил Талисман, но Масклин так много над ним думал, так долго прокручивал его в голове, что ему стало казаться, будто весь план принадлежит ему. Наверное, это был план, который невозможно выполнить. Но

Масклин никогда не мог сказать, возможно что-то или невозможно, пока не принимался за дело.

Гердер все еще ждал от него ответа.

— Э-э... — начал Масклин. — Этот план...

— Да? — переспросил Гердер.

— Аббат говорил мне, что Канцелярские Принадлежности всегда пытались сделать так, чтобы номы работали сообща и перестали ссориться.

— Да, мы всегда к этому стремились.

— Этот план означает, что они просто будут вынуждены работать сообща.

— Хорошо.

— Только я не думаю, что этот план тебе очень понравится, — пожал плечами Масклин.

— Чушь какая-то! Откуда ты это взял?

— Я думаю, ты будешь над ним смеяться, — упорствовал Масклин.

— Единственный способ это выяснить — все мне рассказать, — слегка обиделся Гердер.

Масклин так и сделал.

Когда Гердер оправился от шока, он разразился диким хохотом. А потом взглянул на Масклину в лицо и остановился.

— Надеюсь, ты пошутил? — полюбопытствовал он.

— Считай, как хочешь. Но у тебя есть какой-нибудь лучший план? Ты поддержишь меня?

— Но как ты собираешься... Как номы смогут... даже если такое возможно, как... — начал Гердер.

— Что-нибудь придумаем, — вздохнул Масклин. — С помощью Арнольда Лимитеда (осн. 1905), конечно, — дипломатично прибавил он.

— О, конечно, — произнес Гердер с сомнением. Но ему удалось взять себя в руки. — Что ж. Во всяком случае, если я стану аббатом, я должен буду выступить с речью, — сказал он. — Все этого ждут. Общие слова о добной воле и всем таком прочем. Это мы можем обсудить позднее. Поразмыслим на досуге в спокойной обстановке и...

Масклин отрицательно покачал головой. Гердер нахмурился.

— Ты хочешь сказать, сейчас? — вздрогнул он.

— Да. Сейчас. Мы скажем им сейчас.

Глава 8

I. И собрались старейшины номов на совет; и воззвал аббат Гердер к ним, и сказал: Внемлите словам Пришедшего Снаружи!

II. Но ожесточились они в сердце своем и ответствовали: Что нам в словах чужака, зачем нам внимать им?

III. И сказал тогда аббат Гердер: Такова была воля старого аббата, и я желаю от вас того же.

IV. Но они не скрывали своего недовольства, однако смирились и умолкли.

V. И Пришедший Снаружи сказал: Всем нам ведомо о грядущем разрушении, но есть у меня План.

VI. Разве подобны мы мокрицам, что бегут солнечного света, стоит лишь перевернуть камень, под которым они скрывались? Должно нам покинуть

место сие, но уйдем отсюда, как подобает уходить свободным и смелым, для которых настал час выбора.

VII. И прервали они его, и спросили: Что есть мокрицы? И ответил им Пришедший Снаружи: Хорошо, не мокрицы, а крысы.

VIII. Должно нам взять с собой все, что потребно для начала жизни новой, жизни Снаружи. Не в ином Магазине будем жить мы, но под открытым небом. Так возьмем же всех номов, и всех детей и отроков наших, и всякую пищу и добро, и всякие знания, что понадобятся нам Снаружи, и уйдем.

IX. И спросили они: Все ли нам брать с собой? И ответил он: Все. И возопили они: Не можем мы того сделать...

Книга №6иов. Четвертый Этаж, стр. I-IX

• • • • •

— Может, — резко сказал Масклин. — Может, если украдем грузовик.

Ответом было гробовое молчание.

Граф де Слесар удивленно поднял бровь.

— Одну из этих больших вонючих штуковин с колесами по углам? — спросил он.

— Да, — ответил Масклин.

Взоры всех присутствующих были устремлены сейчас только на него. Масклин почувствовал, что краснеет.

— Что слушать сумасшедшего! — Голос герцога де Галантерейя дрожал от презрения. — Даже если Магазин в опасности, хотя мне не понятно — повторяю, непонятно! — почему мы должны этому верить, все равно идея с грузовиком нелепа!

— Поймите, — пробормотал Масклин, заливаясь краской, — в грузовике очень много места, туда войдет все, мы сможем украсть книги, а они расскажут нам, как делать разные вещи...

— Языком молоть горазд, да только все тарабарщину несет, — скривился герцог.

Вокруг послышались нервные смешки. Краешком глаза Масклин заметил Ангало, стоящего рядом с отцом. Лицо юноши сияло.

— Да простит меня аббат, — нерешительно начал один из мелких вассалов герцога, — но я слышал, что есть другие Магазины за пределами нашего мира. То есть я хочу сказать, жили же мы где-то до... до... Магазина... — Он судорожно сглотнул. — А то ведь что получается? Магазин вроде построен в 1905 году. Где же мы тогда были в 1904-м? Я это не в обиду говорю, право слово...

— Я не призываю вас отправиться в другой Магазин, — покачал головой Масклин. — Я призываю вас к жизни на свободе.

— Ну все, хватит с меня этой чепухи. Я всегда относился с уважением к старику аббату,

но, видимо, к концу жизни он малость повредился рассудком, — фыркнул герцог.

Резко развернувшись, он демонстративно направился к выходу. Большинство дворян последовало его примеру. Однако, заметил Масклин, некоторым из них вовсе не хотелось уходить. Они топтались на месте, делая вид, что просто ждут, пока толпа немного рассеется, вот тогда они тоже покинут зал.

Среди этих колеблющихся были граф, низенькая полная дама — кажется, Гердер назвал ее баронессой Дель Икатес — и дюжина дворян помельче — правители подотделов.

Граф с деланным интересом огляделся по сторонам.

— О, — произнес он, — жить на свободе, дышать полной грудью... Продолжайте, продолжайте, молодой человек!

— Ну, в общем, что-то вроде этого, — согласился Масклин. — Мне пока трудно говорить о каких-то конкретных планах — слишком многое нуждается в уточнении. Например, можете ли вы сами делать всякие электрические штуковины? Не красть в Магазине, а делать их своими руками?

Граф поскреб подбородок.

— Неужели вы требуете от меня, чтобы я раскрыл сведения, которые являются государственной тайной?

— Ваше сиятельство, — жестко сказал Гердер, — если мы решились на столь отчаянный шаг, то для нашего выживания необходимо отбросить взаимное недоверие и поделиться друг с другом своими знаниями.

— Верно, — сказал Масклин.

— Именно так, — сурово подтвердил Гердер. — Мы должны все вместе трудиться на благо всех номов.

— Хорошо сказано, — согласился Масклин. — А Канцелярские Принадлежности научат всех номов читать. Всех желающих.

Последовала пауза. Нарушил ее сдавленный хрип, вырвавшийся из уст Гердера.

— Читать... — начал аббат.

Масклин запнулся. Пожалуй, он зашел слишком далеко. И теперь оставалось лишь одно — идти до конца. Он поймал на себе взгляд Гrimмы.

— Женщин тоже, — сказал он.

Тут уж у графа глаза полезли на лоб. Баронесса, наоборот, расплылась в улыбке. Гердер ловил ртом воздух и издавал какие-то мяукающие звуки.

— В отделе Канцелярских Принадлежностей на полках стоит множество книг на самые разные темы, — продолжал Масклин свое наступление. — Что бы мы ни захотели сделать,

там найдется книга, которая расскажет, как к этому подступиться! Конечно, чтобы все их прощать, потребуется масса чтецов, но зато так мы узнаем все, что нам нужно.

— Мне кажется, нашему другу-канцеляристу не повредил бы сейчас глоток воды, а то он слишком близко к сердцу принял этот новый дух сотрудничества и взаимопомощи, — дипломатично заметил граф.

— Молодой человек, — подала голос баронесса, — все, что вы говорите, может быть, и правильно, но разве эти ваши книги, какими бы умными они ни были, скажут нам, как управлять грузовиком?

Масклин кивнул. Он был готов к этому вопросу. Сделав шаг в сторону, он пропустил вперед Гримму, которая вытащила на всеобщее обозрение какую-то книгу размером с нее самое. Масклин помог ей поставить книгу на пол так, чтобы всем было видно, что это такое.

— Смотрите, здесь есть слова, я их выучил, — гордясь собой, начал Масклин. — Так вот, они говорят... — И, показывая кончиком копья на буквы, он произнес: — «Пра... ви... ла... до... рож... но... го... дви... же... ния...» «Правила дорожного движения». Здесь много картинок. Если вы выучили «Правила дорожного движения», вы можете садиться за руль. Так здесь

сказано. «Правила дорожного движения», — еще раз неуверенно повторил Масклин.

— Я уже выяснила, что значат некоторые из этих слов, — сказала Гримма.

— И сама прочла эти слова, — добавил Масклин.

Он не мог не заметить, что этот факт чрезвычайно заинтересовал баронессу.

— И это все, что нужно, чтобы управлять грузовиком? — удивился граф.

— Э-э... эге, — ответил Масклин. Он не был до конца в этом уверен. В глубине души он подозревал, что все гораздо сложнее, но сейчас было не до обсуждения деталей, с которыми можно разобраться и позже. Как там говорил аббат? Для лидера важно не то, прав он или нет, а уверен ли он. Хотя, конечно, правота здорово помогает.

— Сегодня утром я спустился вниз и глянул на гнездо грузовиков. Я имею в виду гараж, — сказал Масклин. — Мне удалось вскарабкаться в один из них и посмотреть, что у них внутри. Там какие-то рычаги, колеса и прочее, но, я думаю, мы сможем разобраться, для чего они предназначены. — Он глубоко вздохнул. — Полагаю, что это не так сложно, иначе люди не могли бы ими управлять.

Номы были вынуждены согласиться с его словами.

— Ну-да... Звучит весьма интригующе, — кивнул граф. — А могу я спросить, что же вам нужно от нас?

— Рабочие руки, — просто ответил Масклин. — Нам нужны помощники. Нужно, чтобы вы прислали нам всех, без кого можете обойтись. И особенно тех, без кого обойтись не можете. И еще... вам придется их кормить.

Баронесса взглянула на графа. Тот кивнул, тогда она тоже кивнула.

— Я бы хотела спросить эту девушку еще об одной вещи, — произнесла баронесса. — Интересно, как она себя чувствует? Я имею в виду, как она себя чувствует после чтения?

— Я пока разобрала всего несколько слов, — поспешило ответила Гrimma. — Такие как «налево», «направо» и «велосипед».

— Вы при этом не испытывали каких-нибудь неприятных ощущений в голове? — осторожно поинтересовалась баронесса.

— Вовсе нет, мадам.

— Хм... Потрясающе интересно, — пробормотала баронесса, пристально глядя на Гердера.

Новоизбранный аббат смущенно потупился.

— Я... я... — начал он.

Масклин окончательно расстроился. Он-то думал, что нет ничего труднее, чем научиться управлять грузовиком, узнать, как он работает,

выучиться читать. Но оказалось, что все это — лишь *отдельные* задачи, которые ему предстоит решить. Приступая к их решению, можно предусмотреть все трудности, с которыми предстоит столкнуться, и, если долго над ними биться, успех будет на твоей стороне. Самое сложное — иметь дело с себе подобными.

Теперь их стало двадцать девять.

- Слишком мало, — сказала Гrimма.
- Это только начало, — пояснил Масклин. — Потом будет больше. И всех надо научить читать. Хотя бы по слогам. А потом пятерку лучших надо научить тому, как учить этому других.
- Откуда ты все это знаешь? — удивилась Гrimма.
- Мне рассказал Талисман, — важно ответил Масклин. — Это называется «анализ критического пути». Критический — значит трудный. Главное тут — разобраться, что делать в первую очередь, и действовать по порядку. Например, если ты хочешь построить здание, ты должен знать, как обжигать кирпичи, а для этого надо знать, какая глина тебе подходит. И так далее.
- Что такое глина?
- Не знаю.
- А что такое кирпичи?

- Не имею понятия.
- Ну хорошо, а что такое «здание»? — настаивала Гrimма.
- Я пока не до конца со всем разобрался, — честно ответил Масклин. — Но как бы там ни было, это очень важно. Критический путь. И еще Талисман говорил про критический подход к проблеме.
- Про что, про что?
- Я думаю, что это такое умение кричать на людей. Ну вроде: «Почему вы до сих пор ничего не сделали!» — Масклин на мгновение потупился. — Наверное, лучше всего это вышло бы у матушки Морки, — задумчиво произнес он. — Подозреваю, она не очень-то захочет учиться читать, а вот кричать она умеет.
- А для меня ты что придумал?
- Мне бы хотелось, чтобы ты продолжала учиться чтению.
- Зачем?
- Ну, нам нужно учиться думать, — прорыдал Масклин.
- Думать я умею и так!
- Да нет, — поморщился Масклин. — Я другое имел в виду. Думать ты, конечно, умеешь, но есть вещи, о которых нельзя думать, пока не знаешь правильных слов. Это как с номами из Магазина. Они ведь даже не знают, что такое ветер, дождь, снег!

— Я знаю, я пыталась рассказать баронессе о снеге...

Масклин кивнул.

— Ну, вот видишь. Они не знают — и они даже *не знают*, что чего-то не знают. А что не знаем мы? Мы должны читать, читать и читать. Все, что можно. Гердеру это не очень нравится. Читать, мол, должны одни священники. Но беда в том, что те не хотят утруждать себя пониманием прочитанного.

Услышав такое, Гердер пришел в страшную ярость.

— Чтение! — воскликнул он. — Любой турица может теперь явиться сюда, взять книги, унести их с собой, а потом сидеть и пялиться на них! Почему бы тогда и прочие таинства не сделать достоянием непосвященных? Как насчет этого? Может, нам еще и научить их писать?

— Этим мы можем заняться позже, — мягко сказал Масклин.

— Что?!

— Сейчас это не самое важное.

Гердер в бешенстве пнул ногой стену.

— Во имя Арнольда Лимитеда (осн. 1905), почему ты хотя бы не спросил сперва моего разрешения?

— А ты бы дал его?

— Нет!

— Ну, вот видишь, — пожал плечами Масклин.

— Когда я говорил, что готов тебе помочь, я не ожидал такого поворота событий! — закричал Гердер.

— Я тоже, — усмехнулся Масклин.

Новоявленный аббат так и замер с открытым ртом.

— Что ты имеешь в виду? — выдавил он наконец.

— Я думал, ты нам поможешь, — просто сказал Масклин.

Гердер понуро опустил голову.

— Ладно, хорошо, — пробормотал он. — Ты же знаешь, теперь я уже не в силах тебе помешать. Делай все, что сочтешь нужным. Бери себе в помощь кого хочешь — полная свобода действий.

— Хорошо, — кивнул Масклин. — Когда ты можешь начать?

— Я? Начать?.. Что начать?

— Ты ведь говорил, что ты искусней всех в чтении...

— Ну да. Конечно, но ведь...

— Вот и хорошо, — кивнул Масклин.

Потом к этой его фразе привыкли. Масклин научился произносить ее так, что она подводила итог всему обсуждению. Больше говорить было не о чем. Гердеру оставалось только развести руками.

— И чего же ты от меня хочешь? — спросил он.

— Сколько у вас книг?

— Сотни! Тысячи!

— Ты знаешь, о чем они?

Гердер недоуменно уставился на него.

— Ты хоть понимаешь, на что замахнулся?

— Нет, но хочу узнать.

— Но ведь в них чего только нет! Ты не поверишь: там множество слов, которых даже я не понимаю!

— Ты можешь найти книгу, которая скажет, как понимать слова, которые ты не понимаешь? — спросил Масклин.

«Вот так и работает анализ трудного пути, — мелькнуло у него в голове. — Надо же, я выдал это, даже не задумываясь!»

Гердер колебался.

— Весьма интригующая мысль... — пробормотал он.

— Я хочу выяснить все о грузовиках, электричестве и... о еде, — продолжал Масклин. — И еще я хочу, чтобы ты нашел книгу о... о...

— Да?

Масклин в растерянности оглянулся.

— Есть ли у вас книга, в которой сказано, как номы могут управлять грузовиком, построенным людьми?

— А ты разве не знаешь?

— Нет... не совсем. Просто я надеялся, вдруг...

— Но ведь ты говорил, что достаточно выучить «Правила дорожного движения», и все!

— Д-да... — неуверенно произнес Масклин. — Там было сказано, что нужно знать «Правила дорожного движения», прежде чем садиться в машину. Но меня не покидает смутное ощущение, что все тут не так просто.

— Да поможет нам Благоприятная Конъюнктура!

— Надеюсь, — задумчиво сказал Масклин. — Очень на это надеюсь.

И вот настало время проверить все на деле. В гнездовье грузовиков было холодно и во-няло солянкой. А стоит упасть с балки — и будешь долго кувыркаться в воздухе, прежде чем разобьешься о землю. Масклин старался не смотреть вниз.

Внизу были грузовики. Здесь, в гараже, они казались куда больше, чем снаружи. Огромные, красные и ужасные в темноте.

— Стоп. Достаточно, — сказал Масклин. — Мы как раз над тем выступом, где находится сиденье водителя.

— Это называется «кабина», — уточнил Ангало.

— Правильно. Кабина.

Ангало появился неожиданно. Он прибежал в Отдел Канцелярских Принадлежностей, тяжело дыша, с раскрасневшимся лицом и потребовал, чтобы его научили читать.

Потому что тогда он сможет узнать все о грузовиках.

Он просто бредил ими.

— Но твой отец против всего этого! — возразил Масклин.

— Ну и что? — отмахнулся Ангало. — Ты ведь веришь в Снаруженый мир! Ты был там! Я хочу все это увидеть, я хочу выйти Наружу, я хочу узнать, какое оно на самом деле!

С чтением у Ангало не очень получалось, но священники нашли несколько книг с грузовиками на обложке, и он сидел над ними, пока у него не начинала раскалываться голова. «Пожалуй, Ангало знает теперь о грузовиках больше, чем любой из номов. Вопрос только, много ли это», — грустно подумал Масклин.

Он слышал бормотание Ангало, распутывавшего веревки.

— Трансмиссия, — бубнил юноша. — Сцепление. Руль. Дворники. Коробка передач. Бадди. Старый лихач. Курево. Яичница с беконом, картошкой и фасолью. «Виски-бар». Дальновидящие. — Ангало поднял голову и криво улыбнулся. — Готово, — объявил он.

— Теперь запомни, — еще раз проинструктировал его Масклин. — Окна могут быть закрыты. Если увидишь, что внутрь не попасть, дерни за веревку один раз, мы втащим тебя наверх. Все понял?

— Под завязку.

— Что?

— У водителей это значит «да», — объяснил Ангало.

— А-а... Замечательно. Теперь дальше. Если попадешь внутрь, спрячься где-нибудь так, чтобы видеть водителя.

— Угу. Ты уже все это говорил, — нетерпеливо произнес Ангало.

— Да. Хорошо. Сандвичи взял?

Ангало похлопал рукой по свертку, висевшему у него на поясе.

— И дневник тоже. Я готов. Дави на газ.

— Что?

— У водителей это означает «поехали».

Масклин озадаченно почесал в затылке.

— И чтобы управлять грузовиком, надо все это знать?

— Однозначно, — гордо заявил Ангало.

— О? Ладно, лишь бы ты сам понимал, что говоришь, остальное не важно.

Доркас еще раз придирчиво осмотрел все ремешки, крепления и пропустил веревку под мышками у Ангало.

— Ты абсолютно уверен, что тебе не понадобится костюм для выхода в открытое Снаружи? — спросил Доркас с надеждой в голосе.

То было странное сооружение конической формы: плотное сукно натянуто на каркас из спиц, каркас складывается, как зонтик, спереди проделано специальное смотровое отверстие. Доркас настаивал на том, что костюм совершенно необходим для защиты снаруженавта от неблагоприятных воздействий среды. «Ведь в конце концов, — говорил он Масклину, — вы могли приспособиться к дождю и ветру, потому-то вашим головам все напочем. А для новичка... Так что лучше перестраховаться...»

— Спасибо, наверное, все-таки я не буду брать его, — вежливо ответил Ангало. — Очень уж он тяжелый, к тому же я не собираюсь покидать грузовик.

— Вот и хорошо, — кивнул Масклин. — Что ж, пора, а то что-то мы заболтались. Хотя тебе, Ангало, как раз и предстоит немножко поболтаться в воздухе. Ха-ха. Все готовы? Пшел, Ангало, — сказал он и на всякий случай — а вдруг это и впрямь помогает? — прибавил: — И да пребудет с тобой Арнольд Лимитед (осн. 1905).

Ангало опустил руки, и вот он уже был только маленькой раскаивающейся тенью где-то

внизу, а номы на балке все травили и травили веревку. Масклайн молился, чтобы этой веревки хватило — ведь они взяли ее, не замеряя, на это у них просто не было времени.

Вдруг веревка резко дернулась. Масклайн перегнулся через край балки и глянул вниз. Ангало был лишь темным пятном, зависшим в воздухе где-то в метре под балкой.

— Если со мной что-нибудь случится, пожалуйста, ни в коем случае не ешьте Бобо! — крикнул он.

— Не беспокойся, — ответил Масклайн, — все будет в порядке.

— Я знаю. Но если я не вернусь, пристройте Бобо в какой-нибудь хороший дом.

— Обязательно. В хороший дом.

— Где не едят крыс. Обещаете?

— Не едят крыс. Договорились! — крикнул Масклайн.

Ангало кивнул. Веревка вновь поползла вниз.

А потом Ангало был уже внизу и бежал по покатой крыше кабины. У Масклина закружились голова.

Маленькая фигурка исчезла. Немного погодя веревка дважды дернулась, что означало: «Стравите еще немного». И тут же она дернулась трижды — или это им показалось? Нет, все верно. Вот еще три рывка.

Масклин с шумом выдохнул.

— Ангало в кабине, — сказал он. — Сворачивайте веревку. Мы оставим ее здесь — на всякий случай. То есть я хотел сказать, она еще понадобится нам, когда Ангало вернется.

И он с сомнением посмотрел на грузовики внизу. Они уезжали и приезжали, и номы вроде Доркаса убеждали его, что это одни и те же грузовики. Они уезжали, нагруженные товарами, и возвращались, нагруженные товарами, и лишь одному Арнольду Лимитеду (осн. 1905) было ведомо, зачем это нужно. Единственное, что было точно известно, — через день-другой грузовики обязательно возвращались обратно.

Масклин взглянул на грузовик, в котором сейчас сидел ном-исследователь. Куда он поедет, что с ним случится по дороге? Что удастся увидеть Ангало, прежде чем грузовик вернется в гнездо? А если грузовик не вернется, что скажет Масклин родителям юноши? Что кто-то должен был рискнуть, что Ангало сам умолял об этом, что узнать, как управляют грузовиком, необходимо, что это единственная надежда номов? Любые слова просто повиснут в воздухе. Масклин хорошо знал, как это бывает.

Доркас выпрямился и заглянул Масклину в глаза.

- Это будет почти невыполнимая работенка — спустить так всех номов.
- Я знаю. Нам нужно придумать какой-нибудь другой способ.

Старик указал рукой на один из замерших в молчании грузовиков.

- Там есть небольшая ступенька — рядом с дверцей водителя. Если бы нам удалось на нее забраться, а потом накинуть веревку на ручку...

Масклин замотал головой.

- Слишком уж высоко. Это всего лишь один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всех номов.

Глава 9

V. И рёк им Пришедший Снаружи: О вы, мало-веры, смотрите, вот посылаю одного из вас Наружу, дабы познал он место сие.

VI. И взошел тот на Грузовик, и отбыл Наружу, и пребывал там в поисках нового Дома для них.

VII. И долгим было их ожидание, ибо он не вернулся.

Книга Номов. Отгрузка Товаров, ст. V-VII

• • • • •

Заснул Масклин в старой коробке из-под ботинок, непонятно как попавшей в отдел Канцелярских Принадлежностей. Тут его вряд ли могли найти и потревожить. Но, проснувшись, он обнаружил, что перед коробкой стоит небольшая делегация номов. Перед собой они держали открытую книгу.

Масклин уже начал разочаровываться в книгах. Может, все, что ему нужно, и было где-нибудь записано, но вот только найти, где именно, оказалось не так просто. Видимо, книги специально составлялись таким образом, чтобы усложнить поиск конкретных сведений. Казалось, что в них вообще нет никакого смысла. Вернее, смысл в них был, но излагался он самым бессмысленным образом.

В толпе Масклин различил Винто Пимми из Отдела Слесарных Инструментов и обреченно вздохнул. Винто был очень юн. Читал он со страстным увлечением, но все как-то бесполково: по молодости лет его постоянно заносило в сторону.

— Я тут раскусил это дело, — гордо объявил юноша.

— Э-э... Надеюсь, книгу все-таки можно склеить? — осторожно поинтересовался Масклин.

— Да нет, я имею в виду — я знаю, как заставить людей вести грузовик туда, куда нам нужно!

Масклин вздохнул.

— Мы уже думали об этом, но дело совершенно безнадежное. Стоит нам только показаться людям на глаза...

— Ерунда! Они пальцем не шевельнут без нашего разрешения, если только у нас будет —

я думаю, вам это понравится, — если у нас будет «лама»!

Винто улыбнулся. Он был похож на пса, проделавшего очень сложный трюк и теперь ждащего награды.

— Лама, — повторил Масклайн с сомнением.

— Да! Это из книжки! — Винто положил перед ним книгу и горделиво отошел в сторону. Масклайн вытянул шею, чтобы лучше видеть. Читать приходилось по буквам, идя вдоль книги, но все же Масклайн понял, что говорится в ней о каком-то «заложнике ценой десять тысяч фунтов».

— Нужно достать «ламу»*, наставить ее на водителя, тут кто-нибудь крикнет: «Осторожно, у него «лама»!» А тогда остается только приказать: «Вези, куда велено, не то выпущу в тебя всю обойму!» И...

— Хорошо, хорошо, просто замечательно, — осторожно произнес Масклайн, отступая подальше. — Восхитительная находка. Мы обязательно придумаем этому какое-нибудь применение. Обязательно.

— Согласитесь, было весьма неглупо с моей стороны... — восторженно начал Винто, приспясывая от радости.

* «Лама» — 12-зарядный автоматический пистолет бельгийского производства. Им обычно вооружены полицейские, сотрудники Интерпола и т. п.

— Да-да, конечно. Но... э-э... Не кажется ли тебе, что пора бы уж приняться за чтение более дальних книг, чтобы... — Масклин запнулся. Кто знает, какие книги нужны им сейчас больше всего?

Пошатываясь от усталости, он вновь заполз в свою коробку и загородил вход листом картона.

— Талисман! — позвал он.

— Я слушаю, Масклин, — отозвался тот откуда-то из груды тряпок, служивших Масклину постелью.

— Что такое лама?

Последовала короткая пауза. Потом Талисман заговорил:

— Лама, род парнокопытных, семейство верблюдовых, длина тела 120–175 см, рост в холке 90–100 см, вес 49–96 кг. Обитает в предгорьях Анд.

— О, вот как... А можно с ее помощью кому-нибудь угрожать?

— Это зависит от ситуации.

— Но... можно ли найти ламу в Магазине?

Последовала еще одна пауза.

— Здесь есть отдел домашних животных?

Масклин знал, что это такое. О домашних животных речь шла не далее как вчера: чтобы решить проблему с питанием, Винто предложил разводить на мясо морских свинок.

- Нет, — ответил Масклин.
- В таком случае ваши шансы практически равны нулю.
- Вот так вот. Ну что ж... — Масклин без сил опустился на постель. — Понимаешь, — начал он, — мы должны каким-то образом контролировать, куда мы едем. Нам надо попасть в такое место, где бы не было людей. Но чтобы они были при этом не очень далеко. И чтобы там было безопасно.
- Вы должны найти атлас или карту, — сказал Талисман.
- А как они выглядят?
- На них написано «Атлас» или «Карта», — ответил кубик.
- Я попрошу аббата заняться их поисками. — Масклин зевнул.
- Ты должен поспать.
- Всем я что-то должен... Ты ведь не спиши?
- Я — это другое дело.
- Что я должен, так это найти какой-нибудь способ. Лама нам не поможет. Они ведь все думают, что я знаю какой-то способ, а я ничего не знаю. Мы знаем, что нам понадобится Снаружи, но нам ни за что не удастся погрузить все это в грузовик за одну ночь. Они думают, у меня на все есть ответы, а я ничего не могу им сказать. И я не знаю способа, как...

Он провалился в сон, и ему снилось, что он стал ростом с человека. Все так просто, когда ты человеческого роста...

Прошло два дня. Номы попеременно дежурили на балке, наблюдая за гаражом. Они прикатили из Отдела Игрушек маленький пластмассовый телескоп, и с его помощью им удалось выяснить, что огромные железные двери гаража открываются сами, стоит людям нажать красную кнопку у входа. Но как нажать кнопку, которая в десять раз больше твоей головы? Этот вопрос занял свое место в ряду других проблем, которые предстояло решить Масклину.

Гердер нашел карту. То была сравнительно маленькая книжечка.

— Нам даже не пришлось особо искать, — сказал он. — Мы каждый год получаем их не меньше дюжины. Называются они... — Он по слогам прочел тисненную золотом надпись: — «Кар-ман-ный е-же-днев-ник». И в конце каждой такой книжки вклеена карта. Смотри.

Масклин принял внимательно изучать миниатюрные листки, на которых были нарисованы какие-то синие и красные кляксы. У некоторых клякс были имена, такие как Африка или Азия.

— Хорошо, — неуверенно произнес Масклин. — Да-а... Я полагаю, это именно то, что

нам нужно. Прекрасно. И где же мы находимся?

— Посредине, — ответил Гердер, не задумываясь. — Чистая логика.

И тут вернулся грузовик.

Чего нельзя было сказать об Ангало.

Масклин бежал по наклонной балке, совершенно не думая о том, что может поскользнуться и упасть вниз. Он видел перед собой только номов, сбившихся в кучу, и знал, что это означает, но не хотел поверить в самое худшее.

Молодой ном, которого только что вытянули наверх, сидел на корточках и пытался отдохнуть.

— Я перепробовал все окна, — сказал он. — Но они закрыты. Я ничего не смог разглядеть сквозь них. Внутри очень темно.

— Вы уверены, что это тот самый грузовик? — обернулся Масклин к главному наблюдателю.

— У них у всех спереди номера, — ответил тот. — Я абсолютно уверен, что правильно запомнил номер, когда он уезжал, и когда грузовик сегодня вернулся...

— Мы должны осмотреть все внутри, — твердо сказал Масклин. — Кто-нибудь сейчас

отправится и... нет, это слишком долго. Спускайте меня.

— Что?

— Спускайте меня, — повторил Масклин. — На пол.

— Но это же слишком долго, — произнес с сомнением чей-то голос.

— Я знаю! Но еще дольше спускаться по лестницам! — Масклин бросил конец веревки стоящим в оцепенении номам. — Может, он лежит раненый внутри...

— Мы не виноваты, — начал один из номов. — Когда грузовик приехал, повсюду были люди. Нам пришлось ждать.

— В том, что случилось, нет ничьей вины... Кто-нибудь спуститесь длинным путем и ждите меня внизу. И не смотрите так, никто ни в чем не виноват!

«Кроме меня», — думал он, опускаясь во тьму. Мимо скользнула огромная черная тень грузовика. «Почему-то Снаружи они выглядели куда меньше», — мелькнуло в голове у Масклина.

Пол был заляпан пятнами солянки. Масклин прошмыгнулся под грузовик. Какие-то трубы, провода... Не так-то просто до них добраться. Пришлось выбраться из-под грузовика. Под одной из скамеек Масклин нашел обрезок про-

вода и неимоверным усилием согнул его так, что получился крюк.

Мгновение спустя он уже полз среди труб. Это было совсем несложно. Снизу грузовик казался сплошным переплетением труб и проводов. Через минуту-другую Масклин обнаружил, что путь ему преградила какая-то металлическая стена. В стене были проделаны дырочки, из которых торчали пучки проводов. Если не обращать внимания на боль, можно протиснуться и...

Внутри на полу лежал ковер. Довольно странная для грузовика деталь. На ковре валялось что-то вроде светлых фантиков, каждый величиной с газету — по меркам номов. Из отверстий в полу, поросших по краям грязью, высовывались огромные рычаги с педалями на концах. Поодаль от них — напротив громадной круглой штуковины — возвышалось сиденье. «Наверно, за этот круг люди держатся, когда грузовик сильно качает», — подумал Масклин.

— Ангало! — позвал он негромко.

Ответа не последовало. Масклин бесцельно ткнулся в один угол, в другой... Он уже готов был сдаться и бросить поиски, когда в куче хлама, скопившегося под сиденьем, заметил какой-то странный предмет. Человек счел бы его просто обрывком старой тряпицы. Но Мас-

клин знал, что именно в этой курточке Ангало отправлялся в опасное путешествие.

Он повнимательней пригляделся к куче мусора. Легко можно было вообразить, как кто-то лежал здесь и наблюдал за действиями водителя. Масклин порылся в отбросах и вытащил маленький сверточек с сандвичами...

Искать дальше не имело смысла. Взяв куртку, Масклин выбрался наружу.

Под бампером грузовика, на перепачканном солянкой полу, стояла дюжина номов, нетерпеливо ждавших его возвращения. Масклин протянул им свою находку. Пожал плечами.

— Больше никаких следов, — подавленно сказал он. — Ангало там был, но... в общем, его там нет.

— Что с ним могло случиться? — удивился один из самых старых наблюдателей.

Сзади раздался мрачный голос:

— Наверняка его раздавило дождем. Или сдуло свирепым ветром.

— Верно, верно, — тут же отзвались в толпе. — Снаружи, видать, страшно и гадко!

— Да нет же, нет! — вскричал Масклин. — То есть там бывает и страшное, и гадкое...

— Ага. Вот-вот, — забормотали номы, кивая.

— ...но при чем здесь это! С ним было бы все в порядке, если б только он остался в грузовике! Я же говорил ему не выходить...

Вдруг он осознал, что все внезапно умолкли. Номы смотрели не на него, а куда-то мимо, в сторону, поверх его плеча.

Герцог де Галантерейя стоял, окруженный своими солдатами. Невидящий взгляд его был устремлен на Масклина. Потом, все так же не говоря ни слова, он протянул вперед руку.

Масклин отдал куртку. Герцог судорожно скомкал ее. В глазах его застыла пустота.

Тишина вокруг истончилась, стала непереносимой, как грохот обвала.

— Я запретил ему ехать, — тихо сказал герцог. — Я говорил, это опасно. Я... я поступил неразумно, попытавшись удержать его. Это только больше его подзадорило. — Он перевел взгляд на Масклина. — И что же теперь? — все так же тихо спросил он.

— Э-э?.. — пробормотал Масклин.

— Мой сын жив?

— М-м... Возможно. То есть почему нет...

Герцог безжизненно кивнул.

«Вот и все, — подумал Масклин. — Все кончено. И ничего нельзя сделать».

Герцог долго смотрел на грузовики. Потом обвел взглядом свою стражу.

— Все эти штуковины... они выезжают Наружу? — спросил он хрипло.

— О-о да. Все время, — пробормотал Масклин.

Герцог издал глухой стон.

— Никакого Снаружи нет, — выдавил он из себя. — Я это знаю. Но мой сын знал что-то иное. Вы говорите, мы уйдем Наружу. Я увижу там моего сына?

Масклин взглянул в глаза старика. Они были похожи на два недоваренных яйца. И тогда он подумал о размерах всего, что Снаружи, и о размерах нома. И еще в голове всплыла мысль: тот, кто ведет за собой других, должен знать все о правде и честности и знать, когда между ними следует делать различие. Если честно, шансов найти Ангало там, Снаружи, немного больше, чем шансов на то, что у Магазина вырастут крылья и он улетит прочь, однако правда такова, что...

— Возможно, — скрепя сердце сказал Масклин. Но ведь это и в самом деле было возможно.

— Хорошо, — произнес герцог все с тем же выражением. — Что вам нужно?

— Что? — удивленно пробормотал Масклин.

— Я спросил, что вам нужно? Чтобы уехать Наружу на грузовике, — повторил герцог.

Язык не повиновался Масклину.

— Э-э... ну... на данный момент... мне кажется... нам нужны помощники...

— Сколько? — оборвал герцог.

Мысли в голове у Масклина прыгали, опережая одна другую.

- Пятьдесят номов? — предположил он.
- Вы их получите.
- Но... — начал Масклин.

Выражение лица герцога резко изменилось. Он уже больше не выглядел таким одиноким и потерянным. Теперь он выглядел как обычно, угрюмым и сердитым.

— Успеха, — процедил он сквозь зубы, повернулся спиной и величественно удалился.

Тем же вечером в гараж прибыли пятьдесят галантерейцев. Они с глупым видом озирались по сторонам, растерянно хлопая глазами. Гердер пытался протестовать, но Масклин всех, даже тех, кто оказался совершенно для этого непригодным, отправил к чтецам.

— Но ведь их слишком много! — кипятился Гердер. — Это же грубая неотесанная солдатня, пойми ты Арнольда Лимитеда (осн. 1905) ради!

— Я-то думал, он скажет, что пятьдесят — слишком много, и даст номов двадцать или и того меньше, — пожал плечами Масклин. — Но, право слово, скоро у нас для всех найдется работа.

Программа чтения развивалась совсем иначе, чем предполагал Масклин. В книгах были дельные вещи, это верно, но как же сложно

вылавливать их среди совершенно невероятных историй.

Вроде рассказа про девочку в кроличьей норе.

Опять же раскопал все это не кто иной, как Винто.

— ...И она провалилась в кроличью нору, а там был белый кролик с карманными часами (я знаю, кто такие кролики), а потом она нашла маленькую бутылочку с какой-то жидкостью, выпила ее и стала **БОЛЬШОЙ**, то есть прямо-таки огромной, а потом она нашла еще какую-то штуковину и съела ее и стала совсем маленькой, — выпалил Винто на одном дыхании. Лицо его сияло энтузиазмом. — Все, что нам нужно, — найти побольше этой жидкости, от которой растут, и тогда один из нас сможет вести грузовик.

Масклайн не мог себе позволить просто отмахнуться от рассказа Винто. Если хотя бы один из них вырастет до размеров человека, все будет легче легкого. Он сам думал об этом сотни раз. Как бы то ни было, стоило попытаться.

Они потратили почти целую ночь, разыскивая по всему Магазину пузырек с надписью «Выпей меня». Но либо его не было в Магазине — Гердер никак не мог с этим примириться, ибо в Магазине «собрано Все Под Одной

Крышой», — либо вообще никогда не существовало. Складывалось такое впечатление, что в книгах рассказывалось про множество вещей, каких и на свете-то нет. Зачем Арнольду Лимитеду (осн. 1905) понадобилось вводить в книги столько несуществующих вещей, понять было совершенно невозможно.

— Чтобы верующие могли почувствовать разницу, — предположил Гердер.

Одну книгу Масклин забрал себе. Она как раз помещалась в его коробке. Называлась она «Детский путеводитель по звездам», и в основном там были картинки, а на них ночное небо. Масклин знал, что все это — правда.

Ему нравилось смотреть на них, когда голова была перегружена мыслями. Вот и сейчас книга лежала перед ним.

У звезд были имена: Сириус, или Ригель, или Волк-359, или Крест-154. Некоторые из названий он на пробу предложил Талисману.

— Эти названия мне незнакомы, — был ответ.

— Думаю, одна из этих звезд — наш дом, — сказал Масклин. — Ты говоришь...

— Все называют их по-разному. В данный момент я не могу идентифицировать эти названия.

— Как номы называли свою родную звезду? — спросил Масклин, лежа в темноте.

- Солнце.
- Но ведь Солнце здесь!
- Так называют любую звезду те, кто живет рядом с ней. Ведь они считают ее самой главной, — пояснил Талисман.
- А эти звезды... Мы на многих из них побывали?
- В моей памяти зарегистрировано девяносто четыре тысячи пятьсот шестьдесят три звездные системы, посещавшиеся номами.

Масклин вытаращился в темноту. Большие числа ставили его в тупик. Но он догадывался, что это число — одно из самых больших. «Благоприятная Конъюнктура! — подумал он и тут же с досадой поправился: — Ну и ну! Все эти солнца, огромные расстояния... А от меня всего-то требуется — заставить сдвинуться с места какой-то жалкий грузовик!»

По сравнению со звездами это казалось пустым делом.

Глава 10

Х. Внемлите: свершилось чудо! Ибо вернулся он и сказал: Вот я выехал на Колеснице, и видел я, что Снаружи!

XI. И спросили его: Каково же оно из себя?

XII. И ответил он им: Оно — большое.

Книга Номов. Бухгалтерия, ст. X-XII

• • • • •

На четвертый день Ангало вернулся. Взгляд его был дик, а на губах блуждала безумная улыбка.

Первым новость о его возвращении принес запыхавшийся от бега стражник, следом явился сам Ангало, а за ним ввалилась целая толпа молодых номов, жадно ловивших каждое слово героя и млеющих от восторга. Ангало был весь в грязи, одежда его превратилась в лох-

мотья, похоже, он не спал много часов, но шел он, гордо подняв голову и странно раскачиваясь из стороны в сторону, — сразу было видно: рискуя жизнью, он побывал там, где не бывал еще ни один ном, и вот теперь ждет не дождется, когда его начнут расспрашивать.

— Где я был? — говорил он. — Где я был? Где я только не был! Вы даже представить себе не можете, что там, Снаружи!

— Что? — спрашивали самые нетерпеливые.

— Все! — отвечал он, и глаза его горели лихорадочным блеском. — И знаете что?

— Что? — восклицали они хором.

— Я видел Магазин снаружи! Он... — Ангало понизил голос, — он так красив! Представьте: колонны и огромные стеклянные витрины, и все разноцветные!

Он был центром огромной толпы, которая все прибывала, по мере того как новость распространялась по Магазину.

— И вы видели все отделы? — спросил один из священников.

— Нет!

— Что?

— Снаружи нельзя увидеть отделы! Весь Магазин — это одна огромная штуковина! И... и... — Все благоговейно умолкли, пока Ангало рылся в своем мешке и извлекал оттуда днев-

ник. Дневник изрядно распух и растрепался. Ангало перелистал страницы. — И там, Снаружи, на Магазине была огромная надпись, я перерисовал ее. Потому что это не язык водителей грузовиков, и я не смог ее понять, но вот какова она.

Он гордо поднял вверх свои записи.

Все потрясенно молчали, не смея вздохнуть.

Читать пока умели лишь немногие.

Слова, принесенные Ангало, гласили:

«Магазин закрывается.

Последняя распродажа».

Потом он отправился спать, на ходу восторженно бормоча что-то о грузовиках, холмах и городах, и проспал два часа подряд.

А когда он немного пришел в себя, к нему зашел Масклин.

Ангало сидел на кровати. Глаза его сияли, как... как пара блестящих шариков на бледном лице.

— Не слишком его утомляй, — проворчала матушка Морки, выхаживавшая теперь каждого больного, у которого не хватало сил от нее отделаться. — Он очень слаб, у него жар. Во всем виновата болтовня об этих ужасных грохочущих штуковинах, это нездоро́во. Незадолго до тебя приходил его папаша, так мне через пять минут пришлось его вытолкать.

— Что? Ты выставила самого герцога? — изумился Масклин. — Но как? Он же никогда никого не слушает!

— Может, он и большой ном в Магазине, — сказала Морки с довольным видом, — но у постели больного он — всего лишь досадная помеха!

— Мне нужно поговорить с Ангало, — пробормотал Масклин.

— И мне, и мне! — воскликнул тот. — Я всем хочу об этом рассказать. Снаружи есть все! Я видел кое-что такое...

— Успокойся, успокойся, — сказала Морки, мягко заставляя его лечь на подушку. — И мне не слишком-то по душе, что тут болтается твоя крыса, скажу я тебе.

Присмотревшись, можно было заметить, что из-под края одеяла выглядывают усики Бобо.

— Но он же очень чистый, и он мой друг, — возразил Ангало. — И к тому же тебе ведь нравились крысы.

— *Крыса*. Я сказала *крыса*, а не крысы, — возмутилась Морки. Она сурово посмотрела на Масклина. — Не позволяй ему слишком волноваться.

Масклин присел на краешек кровати. Ангало с энтузиазмом принялся рассказывать о Снаружном мире. Подобный восторг испытывает человек, который от рождения был сле-

пым и вдруг прозрел. Ангало говорил об огромном прожекторе в небе, о дорогах, полных грузовиков, и о большущих штуковинах, торчащих из пола и усыпанных зеленью...

— Это деревья, — подсказал Масклин.

...и о величественных зданиях, куда стекается все, что привозят грузовики, и откуда те вновь отправляются в путь. Ангало потерялся в одном из таких зданий. Он на минутку вылез из кабины по нужде, а тут вернулся водитель, Ангало не успел вскарабкаться обратно, и грузовик уехал. Тогда он забрался в другой грузовик, и тот привез его в большой парк, где было много грузовиков. Ангало стал искать какой-нибудь грузовик, принадлежащий Арнольду Лимитеду (осн. 1905).

— Наверное, это стоянка рядом с придорожным кафе, — кивнул Масклин. — Мы жили как раз в таком месте.

— О, вот как, значит, это называется? Там еще была такая большая синяя вывеска, а на ней нарисованы чашки, ножи и вилки. Только...

Грузовиков из Магазина на стоянке не оказалось. Может, они там и были, но Ангало не удалось найти их среди множества машин. В конце концов он разбил лагерь на краю дороги, жил, питаясь отбросами, пока однажды удача не улыбнулась ему.

Грузовик подъехал. Ангало не смог проникнуть в кабину, но ему удалось вскарабкаться по шине и найти темное укромное местечко, где, уперевшись ногами и коленками в какие-то кабели, можно было сидеть, хотя и существовал риск в любую секунду упасть на дорогу, стремительно убегающую из-под колес грузовика.

Ангало достал дневник. От грязи тот стал почти черным.

— Я чуть было не потерял его, — сказал юноша. — И был очень близок к тому, чтобы его съесть. Я совсем извелся от голода.

— О да, но как насчет... Как управляют грузовиком? — настойчиво спросил Масклайн, заметив краем глаза, что матушка Морки начинает терять терпение. — Как им это удается?

Ангало перелистал записи.

— Я где-то сделал заметки, — пробормотал он. — А, вот, нашел. — Он пододвинул дневник Масклину.

Масклайн недоуменно посмотрел на чертежи. Там были рычаги, стрелочки и цифры.

— Повернуть ключ... один, другой... нажать красную кнопку... раз, другой... нажать педаль номер один левой ногой, передвинуть большой рычаг влево и вперед... один, два... мягко отпустить первую педаль, нажать педаль номер два...

Масклин поднял голову.

— Что все это значит? — спросил он, боясь услышать ответ. Он догадывался, каков тот будет.

— Так водят грузовики, — объяснил Ангало.

— О да. Но... все эти педали, кнопки, и рычаги, и прочее... — пробормотал Масклин.

— Без них не обойтись, — гордо сказал Ангало. — А когда ты уже тронулся с места, ты переключаешь скорость и...

— Да-да. Это понятно, — пробормотал Масклин, обреченно глядя на листок бумаги.

«Но как? Как?» — стучало у него в голове.

Ангало не упустил из виду ничего. Как-то, оставшись в кабине один, он измерил высоту железного столба, который назывался «рычаг переключения скоростей». Ангало утверждал, что это очень важная штука. Рычаг был в пять раз больше нома. А вращающийся круг — тоже очень важная вещь — был в ширину, как восемь номов, стоящих плечом к плечу.

А еще надо иметь ключи. Масклин не знал о ключах. Он вообще не знал ни о чем таком.

— Правда, я потрудился на совесть? — не унимался Ангало. — Здесь все записано.

— Да-да. Просто прекрасно.

— Смотри внимательней, здесь все-все. И про поворотные огни, и про гудок... — не умолкал Ангало.

- Да-да, я вижу.
- И про педаль газа, и про педаль тормоза! Ну почему ты совсем не радуешься?
- Да нет, все в порядке. Просто ты здорово меня озадачил.

Ангало схватил Масклина за рукав.

- Говорили, есть только один Магазин, — нервно забормотал он. — Это неправда. Там, Снаружи, так много всего! Там есть другие Магазины. Я их видел. Может, в них тоже живут номы? Жизнь в других Магазинах... Ты только представь! Хотя, конечно, тебе ли не знать!

- Тебе нужно поспать, — сказал Масклин как можно мягче.

— А когда ты опять придешь?

- У нас масса времени впереди, — ответил Масклин. — Так что мы еще наговоримся. Спи пока.

Он вышел из комнаты и тут же наткнулся на герцога. Тот вернулся с несколькими солдатами, чтобы забрать Ангало в Отдел Канцелярских Принадлежностей. Герцог пререкался с Морки по этому поводу. Вернее, пытался пререкаться.

— Мадам, уверяю вас, ему там будет обеспечен прекрасный уход! — кипятился герцог.

— Пфф!.. Что ваши номы знают о врачевании! У вас же здесь тишь да гладь! Вот там,

откуда я пришла, там только и делают, что болеют, — гордо объявила Морки. — Просто круглый год. Простуды, растяжения, ушибы, раны... И так все время. У меня, как говорится, большой опыт по этой части. Да я за свою жизнь повидала больше больных, чем ты съел обедов. — С этими словами Морки ткнула герцога в живот. — А ты, судя по всему, любишь покушать.

— Мадам, я велю бросить вас в тюрьму! — прорычал герцог.

Матушка Морки фыркнула.

— И что, больной от этого сразу поправится?

Герцог открыл было рот, чтобы сказать все, что он о ней думает, но поймал взгляд Масклина и передумал.

— Ладно, хорошо, — выдавил он из себя. — Вы правы, мадам. Но я бы хотел навещать Ангало каждый день.

— Не больше чем на две минуты, — отрезала Морки.

— Пять! — взмолился герцог.

— Три! — ответила матушка Морки.

— Четыре.

На том и порешили.

Герцог кивнул и подозвал Масклина к себе.

— Ты говорил с моим сыном... — начал он.

— Да, сэр, — сказал Масклин.

- И он рассказал тебе, что он видел?
- Да, сэр.

Герцог стал каким-то маленьким, сгорбленным. Масклин всегда представлял его большим, солидным номом и вдруг осознал сейчас, что все зависит от внутреннего наполнения, словно власть и сознание собственной значительности заставляют нома раздуваться. А теперь из герцога, казалось, выпустили воздух. В его облике сквозила тревога и неуверенность.

- Помнился, я присыпал вам номов! Их достаточно?
- Да, сэр.
- Дайте мне знать, если понадобится какая помощь. Все, что угодно. — Герцог еще что-то невнятно пробормотал, рассеянно похлопал Масклина по плечу и двинулся прочь.
- Что это с ним? — удивился Масклин.

Матушка Морки принялась сворачивать очередной бинт. Ее бинты еще ни разу никому не понадобились, но Морки была убеждена, что иметь запас перевязочных средств просто необходимо. Пожалуй, ее запаса с лихвой хватило бы на весь мир.

- Он начал задумываться, — ответила старуха. — Поначалу это всегда выбивает из колеи.

— Я ведь не думал, что все будет так сложно! — взмолился Масклин.

— Ты хочешь сказать, у тебя нет ни малейшего представления о том, как мы сможем управлять грузовиком? — спросил Гердер.

— Что, полный тупик? — задала вопрос Гrimма.

— Я... ну, я полагал, что грузовики — они просто едут куда хочешь, — оправдывался Масклин. — Я думал, что если они подчиняются людям, то почему бы им не подчиниться нам. Я... я вовсе не ожидал всех этих нажать-поворнуть, два раза потянуть на себя, вот... Эти круги и педали... Я же их видел, вы не поверите, какие они огромные! — Он посмотрел на них безумным взглядом. — Я... я думал об этом денно и нощно, — вздохнул Масклин. Он чувствовал, что эти двое — единственные, кому он может довериться.

Картонная дверь приоткрылась, и в проеме показалась чья-то жизнерадостная физиономия.

— Вам должно это понравиться, мистер Масклин, — объявил вошедший. — Я тут еще одну вещь вычитал.

— Не сейчас, Винто. Мы очень заняты, — отмахнулся Масклин.

Лицо Винто грустно вытянулось.

— Ты вполне можешь его выслушать, — уронила Гrimма. — В конце концов, что еще нам остается сейчас делать?

Масклайн обреченно повесил голову.

— Ну, парень, — произнес Гердер с наиграным оптимизмом, — какая идея тебя на этот раз осенила, а? Впрячь в грузовик диких хомяков?

— Нет, сэр, — пробормотал Винто.

— Может, ты предлагаешь нам позаботиться о том, чтобы у грузовика выросли крылья, и тогда мы просто улетим в небо?

— Нет, сэр. Я нашел тут одну книгу: она про то, как захватить в плен человека. А потом мы могли бы раздобыть ламу...

Масклайн поднял глаза и улыбнулся какой-то болезненной улыбкой.

— Я уже объяснял ему, что мы не можем использовать людей. — Он пожал плечами. — Я ведь говорил тебе, Винто. И я не очень уверен, что люди испугаются верблюда...

Вместо ответа Винто, собрав все свои силы, с трудом открыл книгу.

— Сэр, посмотрите, тут есть картинка.

Они посмотрели. На картинке был изображен лежащий на земле человек, а вокруг сутились номы, старательно опутывающие его веревками.

— С ума сойти! — прошептала Гrimma. — Они рисуют нас в книгах!

— О, я знаю эту книгу! — сказал Гердер, стремясь побыстрее со всем этим покончить. — Это же «Путешествие Гулливера». Так, выдуманная история, в ней нет ничего настоящего.

— Нет, только подумайте, — не унималась Гrimma, — мы — и вдруг на картинке в книжке. Как тебе это нравится, Масклайн?

Но Масклайн смотрел на картинку, не открывая глаз.

— Очень хорошо. Ты весьма прилежный юноша, — сказал Гердер, обращаясь к Винто, но его тон никак не вязался с произнесенными им словами. — Большое спасибо, Винто, а теперь, пожалуйста, оставь нас.

Масклайн все еще смотрел в одну точку. Рот его чуть приоткрылся. Он чувствовал, как в голове у него ворочается какая-то идея...

— Веревки, — пробормотал он.

— Но это же только картинка! — напомнил Гердер.

— Веревки, Гrimma, веревки!

— Веревки?

Масклайн воздел вверх руки и уставился в потолок. В такие минуты он почти мог поверить, что там наверху, над Отделом Детской Одежды, кто-то есть.

— Я знаю, как это сделать! — закричал он, не обращая внимания на то, с каким испугом смотрят на него окружающие. — Я знаю! О Арнольд Лимитед (осн. 1905), я знаю, как это сделать!

В тот вечер, едва наступило Время Закрытия, множество маленьких теней осторожно проскользнули по полу гаража и скрылись под одним из грузовиков. Прислушавшись, можно было различить, как оттуда доносятся какие-то странные звуки, щелчки, глухие удары и ругательства. Через десять минут номы были в кабине грузовика.

Сгрудившись, они стояли на полу и изумленно озирались вокруг.

Внимание Масклена привлекла одна из педалей. Он подошел поближе. Педаль была в несколько раз больше его. Масклин попробовал надавить на нее изо всех сил. Педаль едва качнулась. На помошь ему пришло еще несколько номов. Совместными усилиями им удалось немного сдвинуть ее с места.

Один из номов задумчиво наблюдал за всем этим со стороны. То был Доркас. На поясе его болтался кожаный ремень с набором самодельных отмычек, в руках старик крутил свинцовый грифель, с которым не расставался ни

на минуту: если ученый не писал им, то грифель торчал у него из-за уха.

Масклин подошел к старику.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил он.

Доркас почесал переносицу.

— Все дело в рычагах и блоках, — ответил он. — Замечательная вещь — рычаг. Дайте мне достаточно длинный рычаг и достаточно надежную точку опоры, и я переверну весь Магазин.

— Пока достаточно будет, если ты сдвинешь одну из этих педалей, — вежливо заметил Масклин.

Доркас кивнул.

— Попробуем, — сказал он. — Отлично, парни. Ташите-ка все сюда.

Длинная деревянная рейка, принесенная из Отдела Строительных Материалов, была не без труда поднята в кабину. Доркас метался туда-сюда, замерял расстояние обрывком нити и в конце концов велел загнать один конец рейки в щель, зиявшую в металлическом полу. Несколько номов выстроились на другом конце рейки и стали тянуть ее на себя, пока она не легла на педаль на манер рычага.

— Ну, давайте, парни, — вновь скомандовал Доркас.

Номы нажали. Педаль до конца ушла в пол.
Номы разразились криками ликования.

— Как тебе удалось это сделать? — удивился Масклин.

— Я же тебе говорил про рычаги, — ответил старик. — Что ж, прекрасно. — Он огляделся вокруг, поскреб подбородок. — Итак, нам нужно три рычага. — Взгляд его остановился на огромном круглом предмете напротив сиденья водителя. — А насчет этой штуки у тебя есть какие-нибудь идеи? — спросил он.

— Я думал про веревки, — отозвался Масклин.

— И как ты себе это представлял?

— Видишь, внутри есть спицы. Мы привяжем к ним веревки, к каждой веревке приставим команду номов, те будут тянуть в нужную сторону, и грузовик поедет туда, куда мы захотим, — сказал Масклин.

Доркас покосился на круг со спицами. Шагами измерил ширину кабины. Посмотрел на верх. Посмотрел под ноги. Губы его беззвучно шевелились.

— Они не смогут видеть, куда едут, — на конец сказал он.

— Я полагаю, кто-нибудь мог бы стоять там, наверху, у этого большого окна, и говорить остальным, что делать, — возразил Масклин, с надеждой глядя на старого нома.

— Ангало говорит, эти грузовики... от них очень много шума, — пробормотал Доркас. Он вновь поскреб подбородок. — Ладно, что-нибудь да придумаю. Теперь — большой рычаг на полу. Как мы справимся с ним? Тоже привяжем веревки?

— Ничего другого мне в голову не пришло, — честно ответил Масклин. — А что бы ты придумал?

Доркас набрал в грудь побольше воздуха.

— Н-да... — начал он. — Значит, несколько команд врашают круг со спицами, еще одна команда переключает рычаг скоростей, кто-нибудь управляет педалями, а сверху стоит наблюдатель и говорит всем, что делать. Тут надо попрактиковаться. Предположим, я сделаю все, что для этого нужно: веревки и прочее. Сколько ночей есть у нас на тренировки? Ну, чтобы привыкнуть, набить руку?

— Включая ночь, когда мы... э-э... уедем из Магазина? — осторожно спросил Масклин.

— Да.

— Одна.

Доркас насупился. Отвернувшись в сторону, он что-то забормотал себе под нос.

— Это невозможно, — объявил он наконец.

— У нас есть один-единственный шанс, ты же знаешь! — возразил Масклин. — Если все дело в оборудовании...

— О, с этим-то никаких проблем, — отмахнулся Доркас. — Это всего лишь деревяшки да тросики. Я их к завтрашнему утру соберу. Дело в номах. Для управления грузовиком понадобится множество номов. А номам понадобится тренировка.

— Но... но ведь все, что от них требуется, — тянуть на себя или толкать от себя, когда скажут, разве нет?

Доркас опять что-то пробормотал себе под нос. Масклин уже знал это угрюмое выражение на лице старика: оно появлялось всякий раз, когда тот собирался сообщить какую-то плохую новость.

— Послушай, парень, — сказал Доркас, — я живу на свете уже шесть лет и многое повидал на своем веку. И могу тебе точно сказать, если ты выстроишь в ряд десять номов и скомандуешь им: «Тяни!» — то четверо из них начнут толкать от себя, а двое спросят: «Простите?» Так уж все мы устроены. Это в нас говорит наша природа номов. — Он усмехнулся, увидев удрученное выражение на лице Масклина. — Что сейчас от тебя требуется, так это найти нам какой-нибудь небольшой грузовичок. Чтоб мы могли потренироваться.

Масклин мрачно кивнул.

— И думал ли ты, — продолжал Доркас, — как нам организовать посадку? Две тысячи

номов — это не шутка, учти. Да еще они поташтят кучу скарба с собой. Тебе не удастся заставить старых бабушек и розовых младенцев карабкаться по веревке наверх и проползать в темную дыру, тут уж ничего не поделаешь.

Масклин покачал головой. Доркас наблюдал за ним — на губах старика играла обычнаа мягкая улыбка.

«Этот ном, — подумал Масклин, — знает свое дело. Но если я скажу ему: «Оставь это мне», он все взвалит на мои плечи и будет считать, что оказал мне услугу. О критический трудный путь! Почему мы всегда поступаем именно так?»

— У тебя возникли по этому поводу какие-нибудь идеи? — спросил он. — Я бы не отказался сейчас от любой помощи.

Доркас ответил ему долгим задумчивым взглядом, а потом похлопал по плечу.

— Я тут внимательно все осмотрел, что к чему, — сказал он. — Может, есть один способ, которым мы могли бы воспользоваться, а заодно решить и вторую проблему. Завтра, когда придешь сюда, мы еще раз все вместе обдумаем, договорились?

Масклин кивнул.

«Вся беда в том, что нам не хватает помощников, — думал он, идя обратно. — Конечно, кое-кого прислали Слесарные Инструменты, по

несколько номов пришло из других отделов, да еще молодые номы — их можно пересчитать по пальцам — украдкой помогают нам ради собственного удовольствия. А что касается остальных, они продолжают жить обычной жизнью».

В каком-то смысле эта жизнь была даже напряженней, чем обычно.

Из всех аристократов Магазина один только граф хоть как-то заинтересовался планом Масклина. Да и то в глубине души Масклин подозревал, что этот интерес вызван вовсе не страхом перед приближающимся концом. Просто графу доставляла известное удовольствие мысль о том, что, если слесарцы научатся читать, это вызовет страшную досаду у их противников — галантерейцев. Даже Гердер и тот, казалось, перестал верить в грядущее разрушение Магазина.

Масклин вернулся к себе, залез в коробку и забылся сном. Проснулся он через час.

Кошмар начался.

Глава 11

И бросятся к Лифтам:
Лифты, ужель не поднимете нас?
И бросятся к Стенам:
Стены, ужель не укроете нас?
И бросятся к Грузовику:
Грузовик, ужель не возьмешь нас?
Таков будет Тот День.

Книга Йомиев,
Глава Исхода, 1, ст. I

• • • • • • • • •

Это началось с тишины, хотя был день и Магазин должен был полниться шумом. Номы давно привыкли к отдаленному гулу людской толпы в часы Открытия и не обращали на него никакого внимания. Но сейчас в воздухе разлилась какая-то странная, гнетущая тишина. Конечно, случались такие дни, когда люди не заходили в Магазин. Но на то была воля Арнольда Лимитеда (осн. 1905). Например, ино-

гда он позволял людям не появляться в Магазине почти неделю — именно такой срок отделял восторги Рождественской Ярмарки от суеты «Зимней распродажи!». Но к этому номы привыкли, размежеванный ритм Магазина давно стал ритмом их жизни. Однако сегодняшний день не укладывался ни в какие ритмы.

Прошло несколько часов пронзительной тишины, и номы уже не пытались утешить друг друга предположениями о том, что это какой-нибудь особый день, и вспоминать, как когда-то Магазин закрылся на целую неделю из-за ремонта. Наконец кое-кто из самых храбрых — или чересчур любознательных — рискнул выглянуть на этажи.

Знакомые прилавки до самого горизонта зияли пустотой. Да и прилавков стало как-то меньше.

«Так обычно всегда бывает после распродажи, — решили номы. — А потом, не успеешь глазом моргнуть, все полки опять заставлены товарами. Что нам о том беспокоиться? Все это лишь часть великого плана Арнольда Лимитеда (осн. 1905)».

И они сидели в молчании или тихонько переговаривались, или пытались чем-то заняться, чтобы только отогнать недобрые мысли. Но ничего не помогало.

А потом появились люди и стали разбирать немногие оставшиеся в Магазине прилавки и

полки, складывать их в коробки, уносить в гараж и грузить в машины...

И стали сдирать половицы...

Масклин проснулся. Кто-то настойчиво тряс его за плечо. Неподалеку слышались чьи-то громкие голоса. Все это стало для него уже почти привычным.

— Вставай, вставай быстро! — скáзal Гердер.

— Что случилось? — спросил, зевая, Масклин.

— Люди разбирают Магазин на кусочки!

Масклин так и сел на постели.

— Этого не может быть! Ведь еще не время!

— Но заняты они именно этим!

Масклин вскочил на ноги и, путаясь в руках, застежках, пуговицах, стал натягивать на себя одежду. Потом, как был в одной штанине, проскакал в дальний угол и раздраженно пнул черную коробочку ногой.

— Эй! — закричал он. — Ты ведь говорила, до сноса Магазина еще есть время!

— Четырнадцать дней, — ответил Талисман.

— Но это уже началось!

— Возможно, люди переносят на новое место оставшееся оборудование и готовят здание к сносу, — объяснил Талисман.

— Ох, от этого известия всем должно стать полегче. Почему ты нам сразу ничего не сказала?

— У меня не было информации о том, что вам это неизвестно.

— Мы ничего не знали. И что же ты предлагаешь нам теперь делать? — спросил Масклин.

— Уходить отсюда как можно скорее.

Масклин был в растерянности. Он думал, что у него есть еще две недели, чтобы разобраться со всеми проблемами. Заготовить еду в дорогу. Уточнить планы. Даже двух недель едва-едва на это хватало. А теперь неделя стала непозволительной роскошью.

Он вышел и очутился в толпе номов, которые беспорядочно носились туда-сюда. К счастью, в обитаемых районах полы пока остались на месте — несколько наиболее здравомыслящих беженцев сообщили, что только на дальнем конце отдела Садоводства люди отодрали несколько досок, чтобы добраться до водопроводных труб, но жившие поблизости номы понимали: скоро эта напасть обрушится и на них.

Сверху послышались глухие удары. Через несколько минут появился запыхавшийся ном и сообщил, что люди скатали ковры и унесли их прочь.

Услышав это, все испуганно примолкли, и вдруг Масклин осознал, что вокруг нет ни одного нома, который бы не смотрел на него.

— Э-э... — пробормотал он. Потом решительно сказал: — Я думаю, каждый должен

взять как можно больше еды — сколько сможет унести, и спуститься в подвал, что рядом с гаражом.

— Ты хочешь сказать, что все еще собираешься сделать это? — вздрогнул Гердер.

— По-моему, у нас нет особого выбора.

— Но... ты ведь говорил, что мы заберем с собой из Магазина все, что сможем: все эти провода, инструменты и прочее. И книги, — настаивал Гердер.

— Можно считать, нам крупно повезет, если мы сами успеем отсюда выбраться! У нас ни на что нет времени!

Вбежал очередной вестник — Масклин узнал одного из помощников Доркаса. Выслушав сообщение, которое гонец шепотом передал ему, Масклин странно улыбнулся.

— Как могло случиться, что Арнольд Лимитед (осн. 1905) покинул нас в час великой нужды! — воскликнул Гердер.

— Не думаю, чтобы он нас покинул. Вполне возможно, что он, наоборот, нам помогает, — усмехнулся Масклин. — Ни за что не догадешься, куда люди складывают все вещи...

Глава 12

I. И сказал Пришедший Снаружи: Восславьте имя Арнольда Лимитеда (осн. 1905).

II. Ибо послал он нам Грузовик, и складывают люди в кузов его все, в чем имеют номы нужду. Сие есть Знамение: Пусть все уходит. Уйдем же и мы отсюда.

Книга Номов. Глава Исхода, 2, стр. I-II

• • • • • • •

Через полчаса Масклин лежал на балке рядом с Доркасом и наблюдал за гаражом внизу.

Такого столпотворения он здесь еще никогда не видел. Передвигаясь словно лунатики, люди грузили на машины ковры. Вокруг сновали какие-то желтые штуковины — нечто среднее между маленьким грузовиком и большим креслом, они подвозили и увозили коробки, помогая погрузке. Доркас передал ему телескоп.

— Эти желтые штуки ни на минуту не останавливаются, — сказал старик, чтобы завязать разговор. — С самого утра только и бегают из угла в угол... Несколько грузовиков уже уехало, но все довольно быстро вернулись обратно. Так что вряд ли они ездили далеко.

— В том письме, которое мы видели, говорилось про какой-то новый Магазин, — ответил Масклин. — Может, они все свозят туда?

— Может быть, может быть. Пока что в основном грузили ковры и этих больших замороженных людей из отдела Мод.

Масклин поморщился. Если верить Гердеру, большие розовые люди, неподвижно стоявшие в отделах Мод, Детской Одежды и Молодежного Досуга, — это те, кто когда-то навлек на себя гнев Арнольда Лимитеда (осн. 1905). Они превратились в ужасные розовые фигуры, и поговаривали, что их даже можно разбить на части. Однако некоторые одежданские философы утверждали иное: будто те были на редкость хорошими людьми, и за это им позволено было навсегда остаться в Магазине, Время Закрытия над ними не властно. Религия — штука сложная.

Масклин видел, как большая дверь, ведущая наружу, поднялась к притолоке. Стоявший у выхода грузовик зарычал, медленно тронулся

с места и исчез в слепящих потоках дневного света.

— Что нам нужно, — сказал Масклин, — так это грузовик с товарами из отдела Слесарных Инструментов и Электротоваров. Провода, инструменты и прочее. Кстати, как насчет еды?

— Такое впечатление, что почти все из зала с едой было вывезено первым грузовиком, — ответил Доркас.

— Тогда мы должны сами позаботиться о припасах.

— Что же я могу сделать, если они погрузили все на машину и вывезли прочь? — вздохнул Доркас. — Просто удивительно, как быстро у них это получается — обычно люди такие медлительные.

— Но ведь не вывезут же они за день весь Магазин?

Доркас пожал плечами.

— Кто знает, — сказал он.

— Грузовик, который нам нужен, — ты должен не дать ему уехать! — воскликнул Масклин.

— Как? Броситься под колеса?

— Придумай что-нибудь.

Доркас усмехнулся.

— Ладно, придумаю. Мои парни уже разобрались, что здесь к чему в гараже.

Со всего Магазина в отдел Слесарных Инструментов и Электротоваров стекались беженцы. Пространство под полом наполнилось гулом сотен испуганных голосов. Проходя через эту толпу, Масклин ловил на себе их взгляды, и ему становилось все неуютней и неуютней. «Они верят, что я могу им помочь, — думал он. — Они смотрят на меня, словно я их единственная надежда. А я... я не знаю, что делать. Может быть, ничего из этого не получится. Нам нужно время, много времени».

Он старался держаться уверенно, словно он ни на минуту не сомневается в успехе. Это немного успокаивало окружающих. Они хотели лишь одного: знать, что кто-то где-то знает, что нужно делать. Масклин мог только гадать, кто бы это мог быть; уж во всяком случае не он.

Новости приходили одна хуже другой. В отделе Садоводства сняты почти все половицы. Из отдела Одежды все вывезено подчистую. В отделе Косметики с корнем вырваны приставки — хорошо хоть, что под ними никто не жил. Даже здесь, под полом первого этажа, Масклин мог слышать шум и грохот работ на верху. В конце концов это стало совершенно невыносимо. Слишком много взглядов было к нему приковано. Он вернулся обратно в га-

раж, где Доркас все так же вел наблюдение со своего дозорного поста на балке.

— Произошло что-нибудь? — спросил Масклин.

Старый ном показал рукой на грузовик, стоявший как раз под ними.

— Это почти то, что нам нужно, — объяснил он. — В нем — всего понемногу. В основном вещи из отдела Сделай Сам. Но, кроме них, чего только нет! Даже всякий хлам из Галантерейи — булавки там и прочее. Как раз то, о чем ты просил.

— Нельзя дать ему уехать! — воскликнул Масклин.

Доркас ухмыльнулся.

— Механизм, который поднимает дверь, ведущую наружу, не работает, — сказал он. — Предохранителя нет.

— Что такое «предохранитель»? — переспросил Масклин.

Доркас показал на длинную толстую красную болванку, лежащую у его ног.

— Да вот он.

— Вы... вы стянули его?

— Ювелирная работа. Нам пришлось потрудиться, пока привяжешь все эти бесчисленные веревки... А как полыхнуло, когда мы его вытащили! Потрясающая была вспышка.

— А они... не могут вставить другой? — пробормотал Масклин.

— Конечно могут, — согласился Доркас, и на лице его появилось горделиво-самодовольное выражение. — Не глупцы же они. Только это ничего не даст, потому что, когда мы вытащили предохранитель, мои парни перерезали в нескольких местах провода, идущие внутри стены. Риск — смертельный, но зато теперь людям вовек не разобраться, в чем дело.

— Хм... А если они просто поднимут дверь рычагом?

— Бесполезно. Грузовик-то им с места не сдвинуть.

— Почему?

Доркас показал рукой вниз. Масклин пригляделся и увидел пару фигурок, выскоцивших из-под грузовика и стремительно юркнувших в тень. Масклин успел заметить, что они тащили за собой плоскогубцы.

Мгновение спустя следом за ними метнулась еще одна фигурка, на этот раз ном волочил длинный обрезок провода.

— Просто потрясающе, до чего беспомощен грузовик без проводов! — заметил Доркас. — Так что этот теперь далеко не уедет. Смешно, правда? Стоит вытащить из него какую-то пустяковину — и грузовик встанет. Не беспокой-

ся, надеюсь, я знаю, как потом все это исправить.

Внизу раздался металлический звон. Один из людей в сердцах пнул гаражную дверь ногой.

— Спокойнее, спокойнее, — мягко сказал Доркас.

— Ты все предусмотрел, — восторженно произнес Масклин.

— Надеюсь, — согласился Доркас. — Но лучше перестраховаться, верно? — Он встал и, достав откуда-то большой белый флаг, стал размахивать им над головой. В ответ в дальнем конце гаража затрепетало белое пятно. И в этот момент погас свет.

— Полезная вещь — электричество, — произнес Доркас в темноте.

Снизу послышались недовольные человеческие голоса, а потом раздался резкий вскрик и грохот. Это один из рабочих куда-то не туда ступил. Люди слепо тыкались в темноте, рыча, ругаясь, налетая друг на друга, пока кому-то не удалось найти дверь, ведущую в подвал, и все последовали за ним.

— А вдруг они что-то заподозрят? — спросил Масклин.

— В Магазине есть еще люди, и все решат, что это они виноваты, — ответил Доркас.

— Н-да... Электричество — замечательная штука, — пробормотал Масклин. — А делать его ты можешь? Граф де Слесар так и не сказал мне ничего внятного на этот счет.

— Это из-за того, что Электротовары сами ничего не знают об электричестве, — фыркнул Доркас. — Они только и умеют, что красть его. Я не очень-то наловчился в чтении, но юный Винто просматривал для меня кое-какие книжки. Он говорит, делать электричество очень просто. Все, что для этого нужно, — раздобыть вещество, которое называется уран. Думаю, это какой-то металл.

— Может, он есть в отделе Слесарных Инструментов и Электротоваров? — с надеждой в голосе спросил Масклин.

— Кажется, нет, — сказал Доркас.

— Мне представляется сомнительным, что вы уже достаточно подготовлены для пользования ядерной энергией. Лучше начните с ветряков, — вмешался вдруг Талисман.

Весь свой скучный скарб Масклин теперь повсюду носил с собой в мешке.

— Когда мы уйдем из Магазина, ты не сможешь больше говорить, да? Тебе ведь нужно пить электричество.

— Не смогу, именно по этой причине.

— Но ты скажешь, куда нам ехать?

— Нет. Однако я регистрирую движущиеся источники радиосигналов, свидетельствующие, что к северу отсюда пролегает действующая аэродиния, — сообщил Талисман.

— А это... — Масклин запнулся. — Это хорошо для нас?

— Это значит, что у людей есть летательные аппараты.

— И мы можем долететь на них до дома?

— Нет, но не исключено, что в дальнейшем вам предстоит ими воспользоваться. Возможно, они поддерживают сообщение с космическими кораблями. Но сперва вы должны ехать на грузовике.

— Если нам удастся справиться с грузовиком, я буду думать, что возможно все, — мрачно заметил Масклин.

Талисман не ответил, и Масклин с ужасом увидел, что огоньки на его поверхности гаснут один за другим.

— Талисман!

— Поговорим, когда вы добьетесь успеха.

— Но я думал, ты нам поможешь! — воскликнул Масклин.

— Рекомендую тщательно проанализировать смысл слова «помогать», — сказал Талисман. — Либо вы — номы, одаренные разумом существа, либо всего лишь сообразительные

животные. И только от вас самих зависит, удастся ли вам выяснить...

— Выяснить что?

Последняя яркая точка погасла.

— Талисман!

Молчание. Маленький черный ящичек выглядел безжизненным, погруженным в молчание. Это ему прекрасно удавалось.

— Но... я так полагался на тебя, я был уверен, что ты поможешь нам разобраться, как управлять грузовиком, как... как... Ведь не бросишь же ты меня одного!

Никакого ответа. Кубик стал только еще темнее. Масклин в отчаянии вглядывался в его черные грани.

Потом он подумал: «Ему-то все нипочем. А мне что делать? Все полагаются на меня, а мне надеяться не на кого. Хотел бы я знать: старый аббат чувствовал то же самое? Как он мог так долго это выносить? Вечно все зависит только от меня — и хоть бы кто-нибудь подумал обо мне самом, о том, чего же я-то хочу...»

Грязная картонная дверь отворилась, и вошла Гримма.

Она взглянула на погасший кубик, потом перевела взгляд на Масклина.

— Они там просят тебя выйти, — сказала она. — Почему Талисман совсем темный?

— Он, видите ли, сказал нам «до свидания!» Сказал, что больше не хочет помогать! — прорычал Масклин. — Объявил, что отныне мы должны все делать для себя сами, а он заговорит, когда мы добьемся успеха. Что мне теперь делать? Всем от меня что-то нужно...

«А что сейчас нужно мне самому, — подумал он, — так это теплое одеяло. И немножко понимания. И самую малость сочувствия. Добрая, надежная Гrimma. На нее всегда можно положиться».

— Что от тебя сейчас нужно, — резко сказала Гrimma, — так это перестать размазывать слезы по лицу, взять себя в руки, выйти к ним и со всем разобраться!

— Что...

— Ты должен сказать им, что делать! Выработать новые планы! Ты должен отдавать приказы! Займись этим, живо!

— Но...

— Я сказала, чем тебе нужно сейчас заняться, — отрезала она.

Масклин встал на ноги.

— Ты не должна говорить со мной таким тоном! — сказал он беспомощно. — Запомни: я здесь предводитель.

Гrimma стояла перед ним, уперев руки в бока и меряя его колючим взглядом.

— Конечно предводитель, — съязвила она. — А кто говорит — нет? Я говорю — нет? Все знают, что ты предводитель. Так иди же и предводительствуй!

Пошатываясь, он пошел за ней следом. Она похлопала его по плечу.

— И научись слушать, — добавила она.

— Э-э?.. Что ты имеешь в виду?

— Талисман — что-то вроде думательной машины, так? Это мне Доркас сказал. Ну а машины говорят в точности то, что думают, верно?

— Да, наверное. Но...

Гrimma ответила ему сияющей, победной улыбкой.

— Талисман сказал: «Когда вы добьетесь успеха». Подумай над этим. Он ведь не сказал: «Если...»

Наступила ночь. Масклину казалось, что люди никогда не уйдут. Один из них, с фонариком и коробкой инструментов, долго возился около щитов с предохранителями, что-то там изучал, потом спустился в подвал, чтобы проверить, все ли в порядке с проводами. Наконец ушел и он, хлопнув напоследок дверью.

А немного спустя в гараже зажегся свет.

В стенах что-то зашуршало, и темный поток хлынул из-под скамеек. Первыми шли моло-

дые номы, в руках у них были железные крючья, привязанные к веревкам. Крючья мелькнули в воздухе, впились в брезент кузова, и номы принялись карабкаться наверх.

В это время другие номы подтащили к грузовику привязанные к веревкам металлические струны с загнутыми концами...

Масклайн бежал по краю бесконечно длинной тени, отбрасываемой грузовиком. Наконец он нырнул в маслянистую темноту под кабиной и увидел, что команда Доркаса уже устанавливает свое оборудование. Сам Доркас в это время возился в кабине, срещивая обрывки каких-то толстых проводов. Послышалось шипение — и в кабине вспыхнул свет.

— Ну вот, — пробормотал Доркас. — Теперь хоть будем видеть, что делаем. Поднимайтесь сюда, парни! Давайте-ка попробуем все приладить!

Тут он обернулся и увидел Масклина. Первым побуждением старого нома было спрятать руки за спину, но потом он передумал.

Приглядевшись, Масклайн понял, в чем дело. Доркас натянул на руки срезанные пальцы от резиновых перчаток.

— Вот, — сказал Доркас. — Не знал, что это ты там ходишь. Секреты ремесла, понимаешь ли. Электричество не выносит резины, она для

него как намордник, не дает кусаться. — Он увернулся от деревянной балки, которую команда номов проносила мимо, — ее предстояло приладить к рычагу переключения передач.

— Сколько это займет времени? — прокричал Масклин, попятившись, чтобы пропустить другую команду, катившую моток проволоки. В кабине стоял страшный шум, веревки, деревянные рейки перемещались во всех направлениях. Масклину очень хотелось надеяться, что в этой сутолоке есть какой-то неведомый ему порядок.

— Наверно, с час, — ответил Доркас и добавил совсем не зло: — Если не будут путаться под ногами все, кому не лень, дело пойдет быстрее.

Масклин кивнул и отошел в заднюю часть кабинны. Грузовик был довольно старым, и Масклин обнаружил еще одну дыру, из которой торчал толстый пучок проводов. Дыра явно вела наружу и была достаточно велика, чтобы в нее мог протиснуться ном. Масклин выбрался на открытый воздух и увидел перед собой щель, через которую можно было попасть в кузов.

Первые номы, вскарабкавшиеся на грузовик, втащили наверх конец деревянной планки, которая теперь служила для остальных трапом.

Командовать посадкой Масклин поручил матушке Морки. Природа наделила ее особым талантом — одного окрика старухи было достаточно, чтобы насмерть перепуганные номы перестали дрожать и вели себя как должно.

— Что? Планка слишком узкая?! — орала она на толстяка, который, остановившись на середине, боялся подниматься дальше. — Да на этой планке танцевать можно! Может, мне спуститься к тебе и показать, как это делается?

Эта угроза тут же вывела его из столбняка: остаток пути он пробежал бегом и забился в самый темный конец кузова — от греха подальше.

— Пусть они найдут что-нибудь мягкое и подложат, чтобы удобнее было сидеть, — сказал Масклин. — Во время путешествия может сильно трясти. Тех номов, что посильнее, посытай к нам в кабину. Там каждая пара рук на счету.

Матушка Морки кивнула и закричала на семейство, которое создало затор на подходе к трапу.

Масклин посмотрел вниз на бесконечный поток номов, поднимающихся в кузов грузовика. Многие сгибались под тяжестью добра, которое взяли с собой в дорогу.

Смешно, но сейчас он чувствовал: больше ничего сделать нельзя. Все было приведено в

движение — теперь оставалось только ждать. Либо его план сработает, либо нет. Либо номы будут действовать заодно, либо нет.

Ему вспомнилась картинка с Гулливером. Возможно, то, что на ней нарисовано, и неправда. Так, во всяком случае, говорил Гердер. В книгах встречается многое, чего в жизни во все не существует. Но как же хорошо было бы, если бы номы могли хоть на время объединиться — как те маленькие человечки на картинке...

— Что ж, все идет хорошо, — неуверенно пробормотал Масклин.

— Достаточно хорошо, — кивнула матушка Морки.

— Было бы неплохо выяснить, что именно находится во всех этих коробках и свертках, — заметил Масклин. — Когда мы остановимся, нам нужно будет побыстрее покинуть грузовик, и...

— Не беспокойся! Я уже сказала Торриту глянуть, что там, — ответила матушка Морки.

— О, — пробормотал Масклин, — хорошо.

Он вернулся в кабину, гонимый не столько скукой и чувством собственной ненужности, сколько беспокойством. Сердце его стучало, как барабан.

Номы Доркаса уже соорудили над рулевым колесом деревянный помост для наблюдате-

ля. Сам Доркас тем временем занимался обучением водительских команд.

— Прямо! — командовал он. — Включите мне... первую скорость!

— Педаль вниз... два, три... — хором скандировала команда, управляющая педалью сцепления.

— Педаль вверх... два, три... — скандировала команда акселератора.

— Рычаг вперед... два... три... — эхом вторили номы, раскачивающие рычаг скоростей.

— Педаль вверх... два, три, четыре! — И командир команды, управляющий сцеплением, отсалютовал Доркасу. — Эти, на рычаге, все нам испортили! — закричал он.

— Отвратительно. Просто никуда не годится! — неистовствовал Доркас. — А вы что? — накинулся он на акселераторщиков. — Вам же сказано: вниз педаль. Вниз!

— Извини, Доркас. — Масклин тронул Доркаса за плечо.

— Продолжайте! — приказал тот. — Я добьюсь, что вы научитесь наконец делать все плавно, на четыре счета! Да? Что? А, это ты.

— Я, я. Посадка почти закончилась, — мягко сказал Масклин. — Когда у вас все будет готово?

— С этими охламонами — никогда.

— Э-э...

— Так что мы можем трогаться в любую минуту, они подучатся на ходу. Все равно пока стоишь на месте, рулить не научишься. Нечего и пытаться, — решительно заявил Доркас.

— Мы пришлем тебе кого-нибудь на помощь, — сказал Масклин.

— Хорошо бы, — кивнул Доркас. — И желательно, чтобы те, кого ты пришлешь, не отличали право от лево.

— Э-э... Не понял, — опешил Масклин.

— Не важно, потом поймешь.

— А как ты собираешься отдавать команды, в какую сторону рулить? — спросил Масклин после паузы.

— Семафором! — твердо сказал Доркас.

— Семафором?

— Махать флагами. Ты говоришь моему парню на платформе, что ты хочешь делать, а он передает мне это флагами. Будь у меня еще неделя, я бы собрал что-нибудь вроде телефона, но теперь уже поздно об этом думать.

— Флагги, — повторил Масклин. — А это сработает?

— Все лучше, чем ничего. Скоро увидим. Так сказать, испытание в действии.

И вот это «скоро» настало. Последние номы забрались в кузов. Все постарались устроиться поудобнее, большинство предпочло лечь

на пол. Они лежали в темноте с открытыми глазами и ждали.

Масклин взобрался на платформу. На всякий случай он вытащил Талисман из мешка и положил его рядом с собой. Ангало и Гердер стояли справа. Гердер знал о грузовиках еще меньше, чем Масклин, но в присутствии священника всем было как-то спокойней. Ведь, в конце концов, они собирались украсть грузовик у самого Арнольда Лимитеда (осн. 1905), ни больше ни меньше. Должен же с ним кто-то объясняться по этому поводу — вдруг у него возникнут вопросы. А вот что касается Бобо, тут Масклин был непреклонен. Крысак отправился в кузов — в кабине ему было не место.

Зато Гrimма была здесь. Гердер довольно резко спросил ее, что она тут делает. Она в ответ поинтересовалась, а что здесь делает он. Оба посмотрели на Масклина.

— Она будет помогать мне читать, — сказал тот, чувствуя при этом неимоверное облегчение, которое постарался скрыть. Несмотря на множество попыток, Масклин не очень-то освоился с книгами. Тут была какая-то хитрость, которую он никак не мог раскусить. А Гrimме, казалось, чтение не стоило никаких усилий. Если у нее и вскипали мозги, то она очень умело скрывала это от окружающих.

Гrimma чопорно кивнула Гердеру и раскрыла перед Масклном «Правила дорожного движения».

— Перед началом движения следует... — не уверенно произнес он, — посмотреть в зыр....

— Зеркало, — поправила Гrimma. — «Зеркало заднего обзора». Вот что здесь написано.

— Зеркало, — твердо объявил Масклин.

Он вопросительно взглянул на Ангало. Тот лишь пожал плечами.

— Об этом я ничего не знаю, — сказал юноша. — Шофер, с которым я ездил, смотрел в зеркало, но зачем, я так и не понял.

— А разве в зеркало смотрят с какой-то особой целью? Может, мне надо состроить какую-нибудь рожу или что-то такое, как ты думаешь?

— Как бы там ни было, мы должны действовать по правилам, — решительно объявил Гердер. — Там, наверху, есть зеркало.

— Более дурацкого места для него трудно придумать, — заметил Масклин. Он попытался закинуть на зеркало крюк. После нескольких попыток ему это удалось. Масклин подтянулся.

— Ну как, видишь что-нибудь? — окликнул его Гердер.

— Разве что себя.

— Ну хорошо, спускайся. Главное, ты это сделал.

Масклин соскользнул обратно и неловко шлепнулся на помост, который зашатался под его тяжестью.

Гримма заглянула в «Правила».

— «Затем вы должны подать сигнал...» — прочла она.

— Ну, это, по крайней мере, понятно. Сигнальщик?

Один из ассистентов Доркаса неуверенно шагнул вперед, сжимая в руках два белых флагжка.

— Да, сэр, мэм, — произнес он.

— Скажи Доркасу... — Гримма посмотрела на остальных. — Скажи ему, мы готовы отправиться в путь.

— Извини меня, — возразил Гердер, — но если кто-то и должен говорить номам, когда отправляться в путь, то, конечно же, я. Это моя обязанность — дать им последнее напутствие. И мне бы хотелось, чтобы тут не возникало никаких двусмысленностей. Только священнослужитель может судить об этом, только он может ответить на вопрос, готов или нет ном отправиться в путь. — Тут он осекся и растерянно посмотрел на Гримму. — Э-э... Что-то я не то сказал. Да... В общем... Да, мы готовы отправиться в путь.

— Есть, мэм. — Сигнальщик резко поднял руки вверх.

Откуда-то снизу донесся голос Доркаса:

— Готовы!

— Ну, тогда, — сказал Масклин, — присядем на дорожку.

— Ага, — кивнул Гердер и взглянул на Гримму, — мы ничего не забыли?

— Массу вещей, — горько усмехнулся Масклин.

— Ладно, все равно слишком поздно, — отмахнулся Гердер.

— Да уж.

— Н-да...

— Тогда — вперед!

— Вперед!

Повисло растерянное молчание.

— Ну, кто будет отдавать команду: ты или я? — спросил Масклин.

— Я просто подумал: надо бы воззвать к Арнольду Лимитеду (осн. 1905), да призрит он нас и сохранит от беды, — пробормотал Гердер. — В конце концов, может, мы и покидаем Магазин, но грузовик-то ведь все равно его, — жалко улыбнулся аббат и вздохнул. — Хотел бы я, чтобы он дал нам какой-нибудь знак, какое-нибудь знамение — чтобы знать, что он не гневается на нас.

— Эй, там, наверху, готовы вы или нет? — закричал Доркас.

Масклин подошел к краю платформы и перегнулся через ненадежные перильца.

Весь пол кабины был покрыт номами, готовыми по первому же сигналу рвануть на себя веревки и нажать рычаги. Они стояли в тени, отбрасываемой платформой, замерев в напряженном молчании, лица их были подняты вверх, и Масклину казалось, будто там, на полу, настоящее море, состоящее из испуганных и восторженных капелек.

Он поднял руку.

— Заводите двигатель, — сказал он, и в этой тишине голос его прозвучал неестественно громко.

Масклин вернулся на место. Он внимательно осмотрел пространство перед грузовиком. Гараж был почти пуст. У противоположной стены стояло всего несколько грузовиков, да пара желтых погрузчиков неприкаянно замерла там, где люди их бросили. Только подумать, когда-то он называл все это гнездовьем грузовиков! «Гараж» — вот правильное слово. «Как приятно знать правильные слова», — мелькнуло у него в голове. Как приятно чувствовать свою власть над вещами. Знание правильных слов давало что-то вроде рычага, которым можно привести вещи в движение.

Откуда-то спереди донесся урчащий звук, и вдруг их платформу встряхнуло, словно от удара грома. Однако, в отличие от грома, грохот не замирал, а лишь становился все громче. Двигатель завелся.

Масклин обеими руками вцепился в ходивший ходуном поручень. Ангало мягко потянул его за рукав.

— Они всегда так рычат! — крикнул он, стараясь перекрыть шум. — Постепенно к этому привыкаешь и перестаешь обращать внимание!

— Хорошо бы!

То был не шум. Шум — он не такой громкий. То была сплошная упругая стена рева и грохота.

— Просто нужно время! Чтобы привыкнуть! — прокричал Ангало. — Сказать сигнальщику, что мы хотим двигаться вперед очень медленно?

Масклин хмуро кивнул. Сигнальщик на мгновение задумался, а потом быстро-быстро замахал своими флагжками.

До Масклина донеслись вопли Доркаса — старый ученый отдавал приказы своим помощникам. Потом раздался скрежет, и Масклин упал от резкого толчка. Стоя на четвереньках, он взглянул на Гердера. Лицо аббата побелело от страха.

— Мы движемся! — воскликнул тот.

Масклин посмотрел через ветровое стекло вперед.

— А знаешь куда? — завопил он, вскакивая на ноги. — Мы едем назад!

Ангало пошатнулся и, чтобы не потерять равновесие, вцепился в плечо сигнальщика. Тот от неожиданности выронил флагок.

— Я же сказал: вперед! Медленно вперед! Не назад. Вперед!

— Я сигналил: «Вперед!»

— Но едем-то мы назад. Сигналь им ехать вперед.

Сигнальщик поднял упавший флагок и принялся неистово размахивать руками.

— Нет, сигналь не «вперед», сигналь «сто...», — начал Масклин.

Сзади раздался какой-то звук. Единственное слово, которым можно было его описать, — это «хруст», но оно слишком короткое и простое для описания сложного душераздирающего металлического шума и удара, от которого Масклин опять упал, на этот раз на живот. Двигатель замер. Жуткое эхо еще долго перекатывалось по гаражу. Потом наконец стихло.

— Извиняюсь! — прокричал Доркас снизу. Было слышно, как он отчитывает команду — низким, суровым голосом, от которого станов-

вилось не по себе: — Довольны? Довольны, а? Когда я говорю передвинуть рычаг скоростей вперед, налево и вперед, я имею в виду вперед, налево и вперед! А не вперед, направо и вперед! Ясно вам?

- Направо от тебя, Доркас, или от нас?
- Направо!
- Да, но...
- Не от вас направо, а от меня! На-пра-во!

Ясно?

- Да, но...
- Да не «нокай» ты мне!

Масклин и остальные в ожидании конца спора присели на помост. Спор то гас, то разгорался с новой силой. Устав ждать, Гердер лег и устроился поудобнее.

— Надеюсь, мы все-таки уедем отсюда? — прошептал он. — Арнольд Лимитед (осн. 1905) был прав. — При слове «прав» аббат вздрогнул и по лицу его пробежала болезненная грифаса. — «Пусть все уходит!»

— Я бы предпочел уйти попозже, если он не возражает, — усмехнулся Ангало.

— Эй, там, наверху! — В голосе Доркаса звучало какое-то идиотское веселье. — У нас тут были кое-какие накладки. Но я вразумил этих несмышленых младенцев, теперь все в порядке. Мы готовы!

— Мне опять посмотреть в зеркало, как ты думаешь? — спросил Масклин у Гrimмы. Та пожала плечами.

— Я б на твоем месте махнул на это дело рукой! — заявил Ангало. — Лучше поехали вперед. И как можно быстрее. А то что-то здесь запахло капутом.

— Чем-чем? — переспросил Масклин.

— Наверное, капотом, — поправила Гrimма. — Доркас что-то такое говорил, у грузовика есть какой-то «капот».

— Не важно, — отмахнулся Ангало. — Я имел в виду, что пахнет мотором. Уж в моторах-то я понимаю. Должно быть, мы опрокинули пару бочек с этим самым капутом, когда сдали назад.

— Это очень плохо? — спросил Масклин.

— Он горит, — ответил Ангало. — Достаточно искры, чтобы все вспыхнуло. Чувствуете запах?

В этот момент мотор грузовика вновь пробудился к жизни. На этот раз они подали чуть вперед. Вновь послышался скрежещущий звук, потом проехали весь гараж, дальше последовал легкий толчок, и они остановились у большой стальной двери.

— Как вам это нравится? — крикнул снизу Доркас. — Вот к чему приводит практика! Поехали как по маслу!

— Мне кажется, это весьма неудачная затея — взять и остановиться, — торопливо сказал Ангало.

— Твоя правда, — усмехнулся Масклин. — Чем быстрее мы отсюда выберемся, тем лучше. Дай Доркасу сигнал, чтобы он открыл дверь гаража.

Сигнальщик замялся.

— По-моему, сигнала «Открой дверь!» нет, — пробормотал он.

Масклин перегнулся через поручень.

— Доркас! Открой дверь! Быстрее!

— Да?

Доркас погрузился в раздумье. Потом он поднес ко рту рупор.

— Вы будете смеяться, когда я вам это скажу! — крикнул старик.

— Что там такое? — не поняла Гrimma.

— Он говорит, что мы будем смеяться, — сказал Ангало.

— Это же хорошо!

— Открывай быстрее! — крикнул Масклин.

Ответ Доркаса разобрать не удалось — его заглушил шум мотора.

— Что? — крикнул Масклин. — Что ты говоришь?

— Я говорю, во всей этой суete я начисто забыл про дверь!

— Что он говорит? — спросил Гердер.

Масклин обернулся и посмотрел на дверь. Доркас очень гордился тем, как он ее заблокировал. Теперь она выглядела так, словно ни разу не открывалась с самого сотворения Магазина. Если нечто, лишенное лица, может выглядеть вполне довольным своей участью, то двери это прекрасно удавалось.

Масклин отвернулся от гаражной двери, и как раз вовремя. У него на глазах дверь поменьше, ведущая в Магазин, медленно отворилась. По полу скользнул белый луч света, и в дверном проеме появилась какая-то фигура.

«Его ужасный светоч», — мелькнуло в сознании Масклина.

Это был он, демон Магазина, — Уценка.

Масклин ощущил, что его голова вдруг стала очень ясной и в ней медленно, одна за другой, всплывали мысли.

Это всего лишь человек, говорил ему рассказчик. Никакое не чудище, а человек. У него есть бляшка, на которой написано его имя, чтобы он не забыл, как его зовут, точно такая же бляшка, как у этих человеческих женщин в Магазине, которых зовут «Трэйси», или «Шарон», или «Миссис Дж. Э. Вильямс, старший кассир». Это просто старый знакомый Служба-безопасности. Он живет внизу, в бойлерной, и пьет чай. Он услышал шум и пришел выяснить, что же это значит. А это — мы.

— Нет-нет, — прошептал Ангало, когда фигура, пошатываясь, направилась в их сторону. — Ты видишь, что у него во рту?!

— Сигарета. Я видел людей с сигаретами и раньше. Что тут особенного? — спросил Масклин.

— Она же зажженная! — простонал Ангало. — Послушай, неужели он совсем не чувствует запах нашего капута?

— А что будет, если капут загорится? — спросил Масклин, подозревая, что знает ответ на свой вопрос.

— Вуумпф!

— Только вуумпф?

— Вуумпфа хватит с лихвой.

Человек подошел поближе. Теперь Масклин мог видеть его глаза. Человеку нелегко углядеть нома, даже когда тот стоит на месте, но человек не может не заметить грузовик, который сам собой едет по гаражу среди ночи.

Охранник подошел к кабине и медленно потянулся к ручке, чтобы открыть дверь. Свет его фонаря бил в боковое стекло, и в этот момент Гердер встал, дрожа от гнева.

— Сгинь, сатанинское отродье! — завопил он не своим голосом, стоя в круге яркого света. — Внемли скрижали Арнольда Лимитеда (осн. 1905): «Не курить! Выход!» Изыди!

Лицо человека недоуменно сморщилось, затем его выражение стало медленно меняться. Оно менялось примерно с той же скоростью, с какой тучи заволакивают ясное небо. А потом это уже было трудно назвать лицом — это была гримаса ужаса. Охранник отпустил дверную ручку, повернулся и устремился — со скоростью, весьма необычной для человека, — к маленькой дверце. При этом горящая сигарета выпала у него изо рта и, медленно скатившись по капоту грузовика, шлепнулась на пол.

Масклин и Ангало переглянулись, а потом одновременно посмотрели на сигнальщика.

— Быстро, прочь! — крикнули они хором.

Секунду спустя грузовик вздрогнул. Это команды Доркаса справились с нелегким процессом переключения скоростей. А потом грузовик покатился вперед.

— Быстро! Я же сказал: «Быстро!» — крикнул Масклин.

— Что там у вас происходит? Или вы забыли про дверь? — возмутился Доркас.

— Мы откроем дверь! Откроем! — заорал в ответ Масклин.

— Как?

— Ну, выглядит она не очень-то толстой!

Мир номов — это мир стремительных, неподловимых для человека изменений. Номы живут так быстро, что все вокруг, по их мнению,

происходит очень медленно. И если смотреть их глазами, то грузовик медленно пополз к двери, въехал на наклонный настил и неторопливо боднул дверь. Послышалось протяжное «бум», раздался скрежет металла, скребущий звук где-то над крышей кабины, а потом двери больше не было, была только темнота, а в ней — огоньки.

— Налево! Влево! — взвизгнул Ангало.

Грузовик занесло на повороте, слегка шмякнуло о стену...

— Не останавливайтесь! Не останавливайтесь! Теперь прямо!

На стенах кабины плясали яркие отсветы.

Сзади донеслось: вуумпф.

Глава 13

I. И сказал Арнольд Лимитед (осн. 1905):
Свершилось!

II. Вот были Шторы, Ковры, Игрушки, Постельное Белье, Дамские Головные Уборы, Слесарные Инструменты и Электротовары, и Галантерея, и Корсетные Изделия, и не стало их.

III. Были Стены, Полы, Потолки, Лифты и Двигущиеся Лестницы, и не стало их.

IV. Ибо: пусть все уходит!

Книга Йомов, Глава Исхода, 3, Ст. I—IV

• • • • • • • • •

Потом, когда писались главы «Книги номов», посвященные Исходу, утверждалось, что конец Магазина начался с «буу-ума». Это было неправдой, но именно так это вошло в историю, потому что «буу-ум» звучало куда вну-

шительней. На самом деле клубок желтого и оранжевого пламени, выкатившись из гаража и высадив при этом дверь, вернее, то, что от нее осталось, объявил о себе совершенно иначе. Это было похоже на откашивание гигантского пса, решившего прочистить горло.

Вуумпф.

Поначалу номы даже не обратили на это внимания. Им было просто не до того. Их гораздо больше заботил шум, издаваемый штуковинами поблизости, которые всерьез грозили врезаться в грузовик.

Масклин был готов к тому, что на дороге окажутся другие машины. В «Правилах дорожного движения» этому уделялось немало места. Было очень важно не наезжать на них. Но его крайне обеспокоила та решимость, с которой все они искали столкновения с грузовиком. При этом они надсадно мычали, словно стадо больных коров.

— Чуть влево! — скомандовал Ангало. — Потом капельку направо, а потом прямо!

— Капельку? — пробормотал сигнальщик растерянно. — Я не думаю, что знаю код для слова «капелька». Дайте мне...

— Медленно! Теперь немного влево! Мы должны выехать на *правильную* сторону дороги!

Гrimma посмотрела на него поверх страниц «Правил дорожного движения».

— Если мы все делаем по этой книжке, мы и так будем ехать правильно, какая разница, по какой стороне? — сказала она.

— Влево! Влево! Посмотри сама. Здесь почему-то все едут нам навстречу! Очевидно, *правильная* сторона — левая, а мы — справа!

Масклин уткнулся в раскрытую перед ним книгу.

— Здесь сказано: «Мы должны проявлять преду... преду...»

— «Предупредительность», — пробормотала Гrimma.

— «...предупредительность по отношению к другим водителям», — дочитал он. Резкий толчок бросил его вперед. — Что это было? — спросил он.

— Поворачивай на тротуар! Вправо! Вправо!

Масклин едва успел заметить мелькнувшую перед глазами ярко освещенную витрину, как грузовик с грохотом врезался в нее бортом и отскочил назад на дорогу, весь в брызгах стекол.

— Теперь влево, еще влево, теперь вправо, вправо! Прямо! Влево! Я сказал влево! — Ангало всматривался в безумный узор огней и силуэтов впереди.

— Там есть другая дорога, — произнес он. — Влево! Дай влево! Больше! Больше влево! Еще больше...

— Тут какой-то знак, — сказал Масклин с надеждой.

— Влево! — взвизгнул Ангало. — Теперь направо. Вправо! Вправо!

— Ты же хотел влево! — укоризненно заметил сигнальщик.

— А теперь я хочу вправо! Резче вправо! Вправо, резче! Сворачивай же!

— Я не получил кода для...

На этот раз «вуумпфа» не произошло. Вне всякого сомнения, это был «буу-ум». Грузовик врезался в стену, высекая искры, со скрежетом проехался вдоль нее металлическим бортом, налетел на притулившиеся у стены мусорные контейнеры и остановился.

Последовавшую за этим тишину нарушало лишь слабое шипение да негромкое «клиник», «клиник», доносившееся от двигателя.

Потом из темноты раздался голос Доркаса, глухой и угрожающий:

— Может, вы все-таки сообщите нам здесь, внизу, чем вы там, наверху, заняты?

— Мы должны придумать какой-нибудь другой способ управления! — крикнул Ангало в ответ. — И... фары. Там где-то должен быть для них выключатель!

Масклин с трудом поднялся на ноги. Угораздило же их потерпеть аварию на темной узкой дороге! Вблизи не было ни одного фонаря. Он помог Гердеру подняться и отряхнуть одежду. Священник недоуменно оглядывался по сторонам.

— Мы уже приехали? — спросил он.
— Не совсем, — ответил Масклин. — Мы остановились... э-э... кое-что выяснить. Я думаю, пока Ангало и Доркас здесь разбираются, нам бы стоило заглянуть в кузов — проверить, все ли там в порядке. Остальные, должно быть, переживают. Пойдем с нами, Гrimма.

Они спустились вниз, оставив Ангало и Доркаса спорить о способах управления грузовиком, фарах, инструкциях и прочем.

Из кузова доносились бормотание и детский плач. Лишь несколько номов пострадали при столкновении, и матушка Морки была занята тем, что накладывала одному из них лубок на сломанную ногу. На беднягу упала коробка, когда грузовик врезался в стену.

— Дорога оказалась куда более тряской, чем в прошлый раз, — невозмутимо заметила матушка Морки, затягивая узел на повязке. — Почему мы встали?

— Так, выяснить кое-что, — сказал Масклин как можно беззаботнее, чувствуя, что голос не очень-то ему подчиняется. — Скоро тронемся

далше. Просто нужно уточнить некоторые детали. — Он пристально всмотрелся в темноту кузова, и любопытство взяло в нем верх.

— Пока мы тут стоим, я, пожалуй, выгляну наружу, — объявил он.

— Это еще зачем? — проворчала Гrimма.

— Так, знаешь, просто оглядеться.

Объяснение получилось несколько неуклюжим. Масклин сам это понял. Он слегка толкнул Гердера.

— Не хочешь прогуляться?

— Что? Прогуляться? Снаружи? — Священник выглядел страшно напуганным.

— Тебе все равно рано или поздно придется это сделать. Так почему бы не сейчас?

Гердер мгновение колебался, потом пожал плечами.

— А мы сможем увидеть Магазин, — он облизнул пересохшие губы, — снаружи?

— Вполне возможно. Мы не должны были уехать очень далеко, — дипломатично сказал Масклин.

Несколько номов помогли им перебраться через борт грузовика и держали веревку, пока они спускались на то, что Гердер с абсолютной уверенностью назвал бы полом. Было сыро, в воздухе висела водяная пыль, и это было чудесно. Масклин глубоко вздохнул. Вот оно, Снаружи. Настоящий воздух, от которого про-

бирает легкий озноб. Он пахнет свежестью, не то что тот, которым до тебя дышали тысячи номов.

— Поливалки кто-то включил, — пробормотал Гердер.

— Что? — не понял Масклин.

— Поливалки. Ну, такие штуки, которые есть на потолке в отделе Садоводства, их включают, когда... — Он остановился и посмотрел наверх. — Ой... э-э... э-э...

— Это просто дождь, — сказал Масклин.

— Ох...

— Дождь. Вода, которая падает с неба, — пояснил Масклин. Но Гердера это не успокоило, и он добавил: — Он мокрый. Его можно пить. Дождь, понимаешь? И совсем не обязательно для этого иметь остроконечную голову, вода и так сама с тебя скатывается.

— Ох... — снова пролепетал аббат.

— Что с тобой? Ты в порядке?

Гердера била мелкая дрожь.

— Тут нет крыши, — простонал он. — И... и... и такое большое...

Масклин похлопал его по плечу.

— Конечно, для тебя все это в новинку. Не надо стыдиться, что ты пока ничего не понимаешь.

— Ты ведь потихоньку надо мной смеешься...

— Вовсе нет. Я и сам хорошо знаю, каково это, когда страшно.

Гердер взял себя в руки.

— Страшно? Мне? Не глупи. Я в полном порядке, — сказал он. — Только немножко... э-э... удивлен. Я... э-э... не ожидал, что это будет настолько... настолько... настолько Снаружи. Теперь, когда я немного с этим освоился, мне гораздо лучше. Вот. Выглядит это все, как... как Снаружи. — Последнее слово Гердер произнес с особым наслаждением, пробуя его на вкус, как ребенок новую конфету. — И оно... э-э... такое большое. А это все Снаружи или есть что-то еще?

— Еще как есть! — улыбнулся Масклин. — Вот там, где мы жили, там не было ничего, одно лишь Снаружи, и так до самого края мира.

— Вот как... — протянул Гердер несколько сконфуженно.

— Ладно, я думаю, с меня пока достаточно и этого Снаружи. Вот.

Масклин обернулся и посмотрел на грузовик. Он еле втиснулся в переулок, по которому ветерок все дальше растаскивал мусор из перевернутых баков. В кузове грузовика была видна огромная вмятина.

Просвет в конце проулка сиял огнями фонарей, слегка приглушенными легкой завесой дождя. Масклин увидел, как мимо них со сви-

стом промелькнула машина. Над крышей ее мигали вспышки синего света. И она пела. Масклин не мог подобрать более точного слова, чтобы это описать.

— Как странно, — заметил Гердер.
— Такое иногда бывало и дома, — отзвался Масклин.

В глубине души ему было очень приятно впервые за все это время оказаться тем, кто действительно знает, что есть что. «Слышно, как такие штуковины едут иногда по шоссе: уи-уа, уи-уа, уи-уа, уи-уа... Думаю, это все для того, чтобы люди ушли с дороги».

Они вскарабкались на водосточный люк и привстали на цыпочки, чтобы тротуар на углу не мешал им видеть, что же там такое вдали происходит. И тут по улице стремительно пронеслась еще одна машина.

— Благоприятная Конъюнктура! — воскликнул Гердер и, спохватившись, зажал рот ладонью.

Магазин был объят огнем. Вверху из окон вырывались языки пламени, трепетавшие, как занавески на ветру. Над крышей величественно поднимались клубы дыма, чтобы слиться в беспрозрачную черную колонну, пересекавшую серое, затянутое тучами небо.

Магазинправлял свою последнюю распродажу. То была Великая Всеобщая Распродажа-

жа отборнейших искр и языков пламени, каждому по карману.

Внизу на улице столпилось множество людей. Стояла пара грузовиков с лестницами на крыше. Казалось, они поливают здание водой.

Масклин искоса взглянул на Гердера, гадая, как это зрелище может на него подействовать. В общем-то, священник принял все гораздо легче, чем Масклин мог того ожидать. Однако, когда аббат заговорил, голос его звучал, как у раненого, и казалось, каждое слово отдается в нем болью.

— Это... это совсем не так, как я себе представлял, — прохрипел он.

— Нет, не так, — сказал Масклин.

— Мы... мы вовремя ушли в Снаружный мир.

— Да.

Гердер откашлялся. Казалось, он долго взвешивал все «за» и «против» и вот принял окончательное решение.

— Возблагодарим же за все это Арнольда Лимитеда (осн. 1905), — твердо сказал священник.

— Прости? — не понял Масклин.

Гердер посмотрел Масклину прямо в лицо.

— Не приведи он тебя в Магазин, мы бы все сейчас были там, — сказал он, с каждым словом обретая уверенность.

— Но... — Масклин остановился.

Это ничего не объясняло. Пожара не было бы, не уйди они из Магазина. Или был бы? Поди разберись с этим. Может, пожар вырвался из пожарных ведер. Лучше не спорить. «Есть вещи, которых лучше не касаться, — подумал он. — Как же все странно!»

— Забавно. Он допускает, чтобы Магазин сгорел! — сказал Масклин.

— Да, но вовсе не потому, что не в силах этому помешать, — ответил Гердер. — Достаточно было бы включить поливалки... А «Пожарный выход»? Стоит только сказать огню: «Прочь», — как он спустится по лестнице и уберется восвояси. Но Арнольд Лимитед (осн. 1905) позволяет Магазину сгореть, потому что он нам больше не нужен!

С грохотом обвалился верхний этаж.

— Там ведь была Бухгалтерия! — воскликнул Масклин. — Надеюсь, что люди успели выйти, прежде чем...

— Кто?

— Ну ты же помнишь, мы еще читали на дверях их имена. «Распродажи», «Бухгалтерия», «Кадры», «Главный управляющий», — сказал Масклин.

— Я уверен, что Арнольд Лимитед (осн. 1905) все это предусмотрел, — ответил Гердер.

Масклин пожал плечами. А потом увидел на фоне багрового пламени фигуру демона

Уценки. Разве можно спутать с чем-нибудь эту фуражку! У него даже фонарик был в руке. Уценка говорил с какими-то людьми. Когда он чуть повернулся, Масклайн увидел его лицо. Он выглядел очень сердитым.

И еще он был очень похож на человека. Без этого ужасного светоча, без ночных теней, притаившихся по углам Магазина, Уценка был всего-навсего человеком.

Но с другой стороны... Нет, это слишком сложно. А сейчас надо разобраться с гораздо более важными вещами.

— Пошли, — сказал он. — Пора назад. Думаю, нам лучше убраться отсюда подальше, и как можно быстрее!

— Я попрошу Арнольда Лимитеда (осн. 1905) вести и направлять нас, — твердо сказал Гердер.

— Да, хорошо, — пробормотал Масклайн. — Дельная мысль. Почему бы и нет? Но сейчас мы на самом деле должны...

— Разве не сказано в его скрижали: «Если не видите вы того, что вам требуемо, спрашивайте»?! — воскликнул Гердер.

Масклайн твердо взял его под руку. «Каждый из нас нуждается в поддержке, — подумал он. — И кто знает, в чем ее можно обрести».

— Я дергаю за ниточку, — сказал Ангало, указывая на шнур, перекинутый через его плечо и уходящий куда-то вниз, в темноту кабины, — и командир команды, тянувшей руль влево, знает, что я хочу повернуть налево. Конец-то привязан к его руке. А дерну за вторую — повернем направо. Так что теперь не нужно столько сигналов, Доркас может следить только за рычагом и педалями. Особенно за педалью тормоза. Не можем же мы каждый раз, когда захотим остановиться, полагаться на то, что рядом будет стена?! — добавил он.

— А как со светом? — спросил Масклин.
Ангало ликующе улыбнулся.

— Сигнал для фар, — приказал он ному с флагжками. — Мы просто-напросто привязали веревки к выключателям, — пояснил Ангало.

Послышался щелчок. Огромная металлическая рука на ветровом стекле вздрогнула и принялась стирать дождевые капли. Они немного подождали.

— Что-то уж больно темное дело с этими вашими фарами, — съязвила Гrimма. — Говорили про свет, а светлее не стало.

— Выключатель не тот, — прошел сквозь зубы Ангало. — Сигнал «Оставить!». Оставить дворники, но включить фары!

Снизу о чем-то заспорили, потом раздался щелчок. Кабина внезапно наполнилась монотонными звуками человеческого голоса.

— Все в порядке, — успокоил их Ангало. — Это радио, только и всего. Но это не фары, скажи Доркасу!

— Знаю я, что такое радио! — обиделся Гердер. — И можете не говорить мне об этом!

— А что это такое? — спросил Масклин, который не знал.

— Двадцать девять девяносто пять, с блоком питания, — объявил Гердер. — СВ, УКВ и автореверс. Уценено. Без гарантии.

— У кого, у кого? — не понял Масклин.

— У КВ, — пожал плечами Гердер.

Радиоголос бубнил:

«...ичайший пожар в истории города, на помощь приехали даже пожарные из Ньютауна. Тем временем полиция ищет один из принадлежащих магазину грузовиков. Последний раз его видели выезжавшим из здания как раз перед...»

— Фары, фары. Третий выключатель, — раздраженно сказал Ангало. Последовала секундная пауза, и аллею перед грузовиком залил поток света. — Их вообще-то должно быть две, но одну помяло, когда мы выезжали из Магазина, — пояснил Ангало. — Ну, мы готовы?

«...Всех, видевших грузовик, просим сообщить полиции Сплинбери...»

— И выключите радио, — бросил Ангало. — Это бормотание действует мне на нервы.

— Если бы мы могли понять, что они говорят! — вздохнул Масклин. — Я убежден, что люди довольно разумные существа, просто мы их не понимаем. — Он кивнул Ангало: — Ладно, поехали.

На этот раз было куда лучше. Грузовик скребнул по стене, потом выровнялся и медленно двинулся по узкому проулку туда, где вдалеке виднелись огни. Когда грузовик подъехал к выходу из темной узкой щели между домами, Ангало приказал затормозить. Грузовик замер, при этом их даже не очень сильно тряхнуло.

— Куда? — спросил Ангало. Масклин растерянно оглянулся.

Гердер перелистал «Карманный ежедневник».

— Все зависит от того, по какой дороге мы едем. — Он пожал плечами.

— Посмотрите, нет ли где указателя, говорящего, как проехать в Африку. Или... э-э... в Канаду.

— Тут есть какой-то указатель, — сказал Ангало, вглядываясь в завесу дождя впереди. — На нем написано «К центру города». А там нарисована стрела и сказано: «Улица с одро...»

— «...односторонним движением», — пробормотала Гrimма.

— «Центр города» — звучит как-то не очень обнадеживающе, — заметил Масклин.

— Н-да... не похоже, что это можно найти на карте, — отозвался Гердер.

— Что ж, поедем другим путем, — кивнул Ангало и дернулся за веревку.

— Я не совсем уверен насчет улицы с односторонним движением, — замялся Масклин. — Думаю, это значит, что по ней можно ехать только в одну сторону.

— Ну правильно. Так мы же не собираемся по ней возвращаться! — проворчал Ангало. — Поехали!

Грузовик выкатился на боковую дорогу и тут же врезался в тротуар.

— Вторую скорость, — приказал Ангало. — И поддайте немного газа.

Издав возмущенный гудок, похожий на вопль затравленного зверя, движущаяся навстречу машина с трудом увернулась от грузовика.

— Нечего выпускать их на дорогу, этих идиотов, которые и водить-то не умеют, — проворчал Ангало. Тут последовал удар, и остатки разбитой фары разлетелись вдребезги. — Понаставили тут, понимаешь ли, всякой дряни, — прибавил он.

— Не забывай проявлять предупредительность по отношению к другим водителям, — как-то неуверенно напомнил Масклин.

— А я разве это не делаю, а? Я вроде не наезжаю на них, — ответил Ангало. — Обо что это мы там ударились?

— Думаю, какое-то заграждение, — пожал плечами Масклин.

— Ну вот, а я что говорю! Зачем только они ставят на дороге заграждения?

— Мне кажется, нам сейчас лучше свернуть направо, — сказал Гердер.

— Что ж, можно попробовать, — угрюмо сказал Ангало, слегка потянув за веревку правого поворота.

Время приближалось к полуночи, и жизнь в Сплинбери после наступления темноты замирала. Навстречу им больше не попалось ни одной машины, грозившей врезаться в грузовик. Вынырнув из-за угла проезда Олдермена Серли, он с рычанием помчался по авеню Джона Леннона — мятый, покореженный, озаренный ядовито-желтым светом уличных фонарей. Дождь прекратился, но над дорогой висели клочья тумана.

Все шло до странности гладко.

— Что ж, третью скорость, — сказал Ангало. — И чуть прибавить газу. Что это еще там за знак?

Гrimма и Масклин вытянули шеи.

— Вроде написано «Дорожные работы», — озадаченно сказала Гrimма.

— Хм... Звучит неплохо. Эй, прибавьте-ка еще газу!

— Э-э... — протянул Масклин. — Я... я думаю, может, нам не надо так разгоняться. Я не очень-то понимаю, что значит «Дорожные работы», но...

— А что тут понимать? Это значит, что они позаботились убрать с дороги все эти загородки и прочее. Именно в этом-то и заключалась работа, — отмахнулся Ангало. — Теперь здесь можно спокойно еха...

Масклин вдруг перегнулся через край платформы и закричал:

— Стоп! Стоп, вам говорят!

Команда управления тормозной педалью удивленно взглянула вверх, но повиновалась. Раздались пронзительный визг шин, крики и ругань номов, которых резко бросило вперед, а потом металлический хруст и скрежет, словно грузовик продирался через многочисленные железные барьеры и загородки.

— Ну и в чем тут дело? — сердито пробормотал Ангало, когда они наконец остановились.

— Я сбил коленки, — ответил Гердер.

— Дальше дороги нет, — вздрогнув, сказал Масклин.

— Не может быть! — огрызнулся Ангало. — Где же мы, как не на дороге?

— Посмотри вниз, только и всего. Глянь, глянь, — сказал Масклин.

Ангало уставился на дорогу впереди грузовика. Самое интересное, что никакой дороги там не было. Тогда он повернулся к сигнальщику.

— Как бы отъехать чуть-чуть назад? — тихо сказал он.

— Капельку? — переспросил сигнальщик.

— Кончай дерзить, — вздохнул Ангало.

Гrimma, завороженная, смотрела на яму впереди. Яма была большой. Яма была глубокой. В ней виднелись какие-то трубы.

— Иногда мне кажется, — пробормотала она, — что люди не имеют ни малейшего представления о нормальном значении слов.

Она неуверенно принялась листать «Правила дорожного движения». Тем временем грузовик, пятаясь, осторожно отъехал от обрыва и двинулся по обочине, поросшей травой.

— Надо иметь в виду, что мы просто не можем доверять всем этим надписям! — сказала она. — Поэтому поехали дальше помедленней.

— Я все делаю правильно, — надулся Ангало. — Если у людей все перевернуто с ног на голову, я в этом не виноват.

— Потому-то нам и надо ехать помедленней.

В молчании они двинулись по объездной дороге.

Из темноты возник еще один знак. Красный круг, а в нем лошадь, впряженная в повозку.

Номы удивленно переглянулись.

— Что бы это значило? Есть у кого-нибудь идеи?

Гrimma в отчаянии принялась листать «Правила».

— Я как-то видел лошадей на картинке, — вспомнил Гердер. — Если это может чем-то помочь... Книжка называлась «Мы идем на ярмарку». И там была нарисована такая большая круглая штука, а на ней лошади, все позолоченные. И все это должно вращаться. «Карусель» — так там было написано.

— Уверена, это совсем не то... — пробормотала Гrimma, судорожно перелистывая страницы. — Я уверена, это должно быть где-то здесь...

— Позолоченные? — удивился Ангало. — Это же непрактично. Слишком легко испачкать... Я думаю, — он осторожно взглянул на Гrimmu, — мы могли бы включить третью скорость. Совсем немножко.

— Как скажете, мистер Ангало, сэр, — отозвался сигнальщик.

— Что-то я не вижу впереди никаких позолоченных лошадей, — заметил Масклайн. — Знаете, я почти уверен...

— Там еще должна играть веселая музыка, — промямлил Гердер, которому очень хотелось быть хоть чем-нибудь полезным. — Ой,

смотрите, — вдруг оживился он, — еще знак. Стрелки по кругу! Я же говорил, что она вращается! Где-то впереди карусель!

— Но что-то я не слышу никакой веселой...

И тут их оглушил вой автомобильного клаксона. Дорога вдруг кончилась, вместо нее возникла огромная клумба, грузовик подбросило в воздух. Двигатель надсадно рычал, колеса на миг оторвались от земли... Грузовик приземлился на другой стороне клумбы, раскачиваясь из стороны в сторону, проехал немного вперед и выкатился на дорогу. Потом он остановился.

В кабине повисло испуганное молчание. Потом раздался чей-то стон.

Масклин подполз к краю платформы и увидел перепуганное лицо Гердера, висящего над бездной, вцепившись руками в стойку перил.

— Что случилось? — простонал священник.

Масклин втащил его наверх, где было все же несколько безопасней, и помог отряхнуться.

— Думаю, — пояснил он, — эти знаки хотят нам что-то сказать, но только говорят они во все не то, что имеют при этом в виду.

Гримма выползла из-под страниц «Правил дорожного движения». Ангало удалось наконец распутать веревки и встать на ноги, и тут он встретил ее разъяренный взгляд.

— Ты абсолютный идиот! — закричала она. — Ты гонишь как безумный! Хоть бы слушал, что тебе говорят!

— Ты не имеешь права так со мной говорить, — возмутился Ангало. — Гердер, скажи ей, чтобы она перестала обзвыватьсь!

Гердер сидел на краю платформы и все еще дрожал.

— Знаешь, мне кажется, — выдавил он из себя, — сейчас она имеет полное право сказать тебе все, что угодно. Продолжай, женщина!

Ангало вспыхнул от негодования.

— А ты продолжай-ка висеть, где висел! Это ты все начал со своими позолоченными лошадками! Кто видел позолоченных лошадей? Я видел позолоченных лошадей?! Это он отвлек меня разговорами о позолоченных лошадях...

Гердер ткнул в него пальцем:

— Я бы попросил не говорить обо мне «он»!

— А я бы попросила не говорить обо мне «женщина»! — завелась Гримма.

Снизу, из глубины кабины, донесся голос Доркаса.

— Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, — крикнул старик, — но если это произойдет еще раз, кое-кто тут, внизу, будет очень сердиться! Вам все понятно?

— У нас тут небольшие проблемы с управлением! — весело прокричал Масклин, свесившись через поручень. Он повернулся к остальным. — А теперь слушайте меня, — негромко произнес он. — Пора прекращать эти препирательства. Каждый раз, как у нас что-нибудь идет не так, мы начинаем ссориться друг с другом. Это же бессмысленно.

Ангало обиженно засопел.

— Все шло прекрасно, пока он...

— А ну заткнись! — вспылил Масклин.

Все ошарашенно уставились на него. Он дрожал от гнева.

— Я уже сыт этим по горло! — орал он. — Мне просто противно на вас смотреть. Как же — мы ведь так замечательно все делаем! Я не для того все это вынашивал столько времени, чтобы... чтобы ваша... э-э... наблюдательная комиссия пустила все под откос! А теперь быстро все вставайте, и чтобы эта штука поехала дальше! Там сзади, в кузове, полно номов! И вы за них отвечаете! Ясно вам это?

Они виновато переглянулись. На лицах застыло какое-то глупо-растерянное выражение. Потом Ангало неловко поднял с пола нити управления. Сигнальщик расправил свои флагги.

— Эге... — тихо пробормотал Ангало. — Я думаю, что... что... если мы чуть-чуть вклю-

чим первую скорость... хорошо? Если никто не возражает?

— Не возражает, не возражает. Поехали, — сказал Гердер.

— Только очень осторожно! — напомнила Гrimма.

— Спасибо. — Ангало был необычайно вежлив. — Ты не против, Масклин? — прибавил он.

— Хм... Да-да. Замечательно. Поехали.

Дома наконец кончились. С тихим урчанием грузовик катил по пустынной дороге. Луч его единственной уцелевшей фары белой полосой прорезал туман. Мимо, обогнав их, по другой стороне дороги проехала пара машин.

Масклин знал, что скоро им пора будет подумать о том, где же остановиться. Хорошо бы найти какое-нибудь укромное место, вдали от людей, но все-таки не очень далеко: Масклин был почти уверен, что номам понадобится еще множество вещей, сделанных человеком. Не исключено, что они ехали на север, однако это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой.

И в этот самый момент, усталый, злой, слишком погрузившийся в собственные мысли, чтобы следить за дорогой, он вдруг увидел демона Уценку.

В том, что это Уценка, Масклин не сомневался ни секунды. Человек стоял на дороге и

размахивал фонариком. Позади виднелась машина, на крыше ее вспыхивала синяя мигалка.

Все остальные тоже заметили препятствие.

— Уценка! — простонал Гердер. — Впереди, прямо перед нами!

— Прибавьте скорость, — мрачно бросил Ангало.

— Что ты собираешься делать? — вздрогнул Масклин.

— Сейчас мы увидим, по силам ли ему остановить своим фонарем грузовик! — глухо прогромотал Ангало.

— Не смей этого делать! Не смей, слышишь? Нельзя давить людей грузовиком!

— Это — Уценка! — огрызнулся Ангало. — Он совсем не человек!

— Ангало прав, — сказала Гримма. — Ты же сам говорил: больше мы не должны останавливаться!

Резким движением Масклин подскочил к Ангало и, вцепившись в одну из управляющих нитей, рванул ее на себя. Грузовик вильнул в сторону. Уценка выронил свой фонарик и весьма резво отпрыгнул в придорожные кусты. Раздался удар — это грузовик задним бортом задел стоящий поперек дороги автомобиль. Но обе нити уже были в руках у Ангало, и ему удалось выровнять машину. Дальше они ехали по прямой.

— Зря ты это сделал, — угрюмо пробурчал Ангало. — Разве плохо было бы, если б я задавил злобного Уценку? А, Гердер?

— Э-э... Хорошо... Э-э... — сказал Гердер. В смущении он перевел взгляд на Масклина. — Я, правда, не совсем уверен, что это действительно был он, Уценка. Во-первых, на нем была другая одежда, темнее той, что носит Уценка. И еще меня смущает эта машина с мигалкой...

— Да, но на нем была фуражка, а в руке этот ужасный светоч!

Грузовик задел крылом скамейку, которая упала, вырвав из газона кусок дерна, и вновь выскоцил на дорогу.

— Во всяком случае, — удовлетворенно заметил Ангало, — все это уже в прошлом. Рассставшись с Магазином, мы расстались и с Арнольдом Лимитедом (осн. 1905). Больше мы в нем не нуждаемся. Здесь, Снаружи, все это уже ни к чему.

Как ни шумно было до этого в кабине, после слов Ангало все вдруг примолкли.

— Именно так, — сказал Ангало, словно пытаясь в чем-то оправдаться. — И Доркас так думает. И множество молодых номов.

— Посмотрим, — ответил Гердер. — Как бы там ни было, я подозреваю, что, если Арнольд

Лимитед (осн. 1905) хоть где-то когда-нибудь был, он есть везде.

- Что ты хочешь этим сказать?
- Я еще сам не до конца с этим разобрался. Тут надо все хорошенько обдумать.

Ангало фыркнул.

— Что ж, думай, если тебе угодно. Но я в это не верю. Все это потеряло для меня всякий смысл. Пусть против меня обернется сама Благоприятная Конъюнктура, если я не прав! — прибавил он.

Краем глаза Масклин уловил какой-то странный синий отблеск. Одно из зеркал на крыльях грузовика погнулось, а другое — треснуло, но все же в них еще можно было что-то увидеть. Синий свет приближался с каждой секундой.

- Кто бы он ни был, он едет за нами! — тихо заметил Масклин.
- Да, и еще этот звук: уи-уа, уи-уа, уи-уа, — кивнул Гердер.
- Думаю, нам лучше свернуть с этой дороги, — предложил Масклин.

Ангало глянул по сторонам.

- Слишком много кустов, — объявил он.
- Да нет, я имел в виду — мы должны свернуть на другую дорогу.
- Под завязку. Нет проблем. Э-э, да он пытается нас обогнать! Что за нервный тип! Ха!

Грузовик резко бросило в сторону.

— Вот если бы мы могли открыть окно! — прибавил он. — Я видел одного водителя, так тот, когда ему сигналили сзади, высывал из окна руку и что-то такое кричал. Может, и нам сделать то же самое? — Ангало помахал рукой и закричал: — Коозел!

— Ладно, нам сейчас не до того, — попытался успокоить его Масклин. — Просто нужно найти какую-то другую дорогу. Поуже.

По шаткой лестнице Масклин спустился вниз. У Доркаса и его команды все было спокойно. Несколько номов тянули рулевое колесо, другая группа удерживала педаль сцепления. Остальные сидели на полу и отдыхали. Появление Масклина вызвало бурный восторг.

Доркас сидел чуть в стороне и что-то рисовал на листе бумаги.

— А, это ты, — пробормотал он. — Ну как, теперь вам вроде не на что жаловаться? Удается уворачиваться от всяких штуковин, что норовят в вас врезаться?

— Нас кто-то преследует. Он хочет, чтобы мы остановились, — сказал Масклин.

— Другой грузовик?

— Думаю, автомобиль. А в нем какие-то люди.

Доркас поскреб в затылке.

— Я чем-нибудь могу тут помочь?

— Тогда, в гараже, вы обрезали у грузовика провода, чтобы не дать ему уехать...

— Да, а что? Для этого достаточно иметь плоскогубцы, и все...

— Они у тебя с собой?

— Ну да. Только нужно два нома, чтобы с ними управиться.

— Что ж, тогда мне нужен еще один ном, и... — И Масклин рассказал Доркасу, что он задумал.

— Не сработает, — покачал головой старик. — Времени не хватает. А идея неплохая...

— Но мы ведь куда проворней людей! Мы могли бы это сделать и добежать до грузовика прежде, чем они что-то заметят!

— Хм... — Доркас плотоядно усмехнулся. — И ты сам собираешься пойти?

— Да. Я... э-э... я не уверен, что ном, никогда не бывавший Снаружи, с этим справится, — ответил Масклин.

Доркас поднялся на ноги и зевнул.

— Что ж, мне, пожалуй, пора глотнуть «свежего воздуха». Хочется узнать, что это за штука. Кто-то говорил, он очень полезен для здоровья.

Если бы какие-нибудь наблюдатели посмотрели сквозь кусты живой изгороди на проселочную дорогу, затянутую туманом, они увиде-

ли бы несущийся на полной скорости громы-хающий грузовик. При взгляде на него у них могла бы возникнуть мысль: что за странная машина, как она ухитрилась лишиться фары, бампера, краски на одном из бортов, а взамен обзавестись торчащими из всех щелей пучками травы и таким количеством дыр, которое и не снилось изъеденному ржавчиной листу железа?

У них должен был бы вызвать удивление знак «Дорожные работы», висящий на ручке двери.

И уж, вне всякого сомнения, их должно было бы озадачить, чего это грузовик вдруг взял и остановился.

Но еще более впечатляюще выглядело то, как позади него, подняв фонтан гравия, остановилась полицейская машина. Из нее не выскочили, а почти выпали два служителя порядка, бегом бросились к грузовику и рывком распахнули двери кабины. Если бы эти наблюдатели понимали человеческий язык, они должны были бы услышать, как кто-то сказал: «Ну все, приятель, хватит с тебя на сегодня», а потом: «Куда он делся? Здесь одни сплошные веревки!» А немного погодя другой сказал: «Бьюсь об заклад, он успел улизнуть и сделать ноги через поле!»

И пока все это происходило, пока полицейские проридались через живую изгородь и неизвестно шарили в тумане зажженными фонарями, наблюдатели могли бы заметить, как две очень маленькие тени выскользнули изпод грузовика и исчезли под брюхом полицейской машины. Двигались они очень быстро, как мыши. И голоса у них тоже были похожи на мышиные — высокие, тонкие и писклявые.

Они тащили за собой плоскогубцы.

Через несколько секунд они пробежали обратно. И почти сразу же, как только они скрылись под грузовиком, тот завелся и рванул с места. Люди закричали и бросились обратно к своей машине.

Но та, вместо того чтобы с рычанием пробудиться к жизни, лишь покряхтывала: вирр, вирр, вирр... Немного погодя один из них вышел в промозглую ночную сырость и открыл капот.

А когда грузовик скрылся в тумане и свет его единственной фары растворился во мгле, человек встал на колени, залез под машину и вытащил пригоршню свежеобрезанных проводов...

Вот как это выглядело со стороны. Однако единственными сторонними наблюдателями были две коровы, пасшиеся на лугу, а они, естественно, ничего не поняли.

Здесь эта история почти заканчивается.

Через пару дней неподалеку от города в кювете был найден грузовик. И, что странно, из него были вынуты все провода, лампочки, выключатели и аккумулятор. Так же как и радио.

Кабина грузовика была полна обрывков каких-то нитей.

Глава 14

XV. И сказали номы: Вот Новое Место, и будет оно нашим во веки веков.

XVI. Но Пришедший Снаружи не сказал ничего.

Книга Номов, Глава Исхода, ст. XV-XVI

• • • • •

Это была каменоломня. Номы узнали о том, потому что на воротах была ржавая вывеска: «Каменоломня. Опасно. Вход воспрещен».

Они нашли ее после той безумной ночной гонки по бездорожью. Благодаря счастливому случаю — если вы сторонник теорий Ангало. Благодаря Арнольду Лимитеду (осн. 1905) — если вы верите Гердеру.

Вряд ли стоит рассказывать о том, как они ее заселили, как нашли несколько старых по-

лу разрушенных зданий, как исследовали пещеры и скальные отвалы, как очищали штольни от крыс. Это было не слишком трудно. Куда труднее оказалось убедить большинство стариков выйти наружу — им нужны были перекрытия над головой, иначе они чувствовали себя несчастнейшими из созданий. И здесь как нельзя кстати пришла матушка Морки. Она заставила их привыкнуть к тому, что можно подниматься наверх и выходить наружу, ничуть не боясь этого ужасного свежего воздуха.

Кроме того, еды, взятой из Магазина, не могло хватить навечно. Начался голод, а наверху, в полях, были кролики. И овощи. Конечно, не такие чистые и изысканные, какими предназначил им быть Арнольд Лимитед (осн. 1905), а торчащие в земле и покрытые грязью. По этому поводу было много жалоб. Кротовины, появившиеся вдруг на окрестных полях, были всего-навсего результатом первых попытоквести добычу картофеля рудничным способом...

Что касается лис — они быстро усвоили печальный опыт и предпочитали держаться от номов подальше.

А потом последовало открытие Доркасом электричества, все еще живущего в проводах, что были подведены к ящику, стоящему в одном из пустынных ангаров. Однако доступ к ящику покуда был затруднен — требовалось

в ближайшее время разработать план Великого Переноса, предусматривающий использование огромного количества свежесрезанных веток и резиновых перчаток.

После долгих колебаний Масклайн подтолкнул Талисман поближе к одному из электрических проводов. Кубик зажег несколько огоньков, но ничего не сказал. Масклайн чувствовал, что Талисман слушает. Он почти слышал, как кубик слушает.

Масклайн вновь унес его прочь и спрятал в расщелине одной из стен. У него было смутное ощущение, что пока еще рано прибегать к помощи Талисмана. Чем дольше будут они без него обходиться, тем лучше научатся, как сейчас, доходить до всего своим умом. Он разбудит Талисман когда-нибудь потом, чтобы сказать ему: «Смотри, все это сделали мы сами».

Гердер уже пришел к выводу, что, вероятно, они находятся где-то в Китае.

Так зима сменилась весной, а весна — летом...

«Но это еще не конец», — чувствовал Масклайн.

Он сидел на скале над каменоломней, на страже. Они теперь всегда выставляли стражу — мало ли что. В камнях, неподалеку от того места, где сидел Масклайн, был спрятан

выключатель, подсоединеный к проводу, который, в случае тревоги, включал лампочку под полом одного из ангаров. Это тоже было изобретением Доркаса. Ученый обещал, что на днях сделает и радио. Это «на днях» могло наступить достаточно скоро: теперь у Доркаса были ученики. Казалось, они почти не выходят из полуразрушенного ангара, где проводят дни и ночи напролет в окружении каких-то кусков проводов, и выглядит все это очень серьезно.

Обязанности караульного вовсе не обременительны, по крайней мере в летний погожий день.

Здесь был их дом. Теперь. Номы заселяли его, обживали, перестраивали и расширяли. Короче говоря, они пустили здесь корни.

Особенно Бобо. Он исчез в первый же день, но потом вернулся, вернулся совсем другим — грязным и гордым, вождем местных крыс. и отцом многочисленных маленьких крысят. И благодаря этому — а может, и нет — крысы и номы вполне ладили друг с другом. Вежливо старались избегать излишних встреч, и никто не пытался никого съесть.

«Они пустили здесь корни куда глубже, чем мы, — думал Масклин. — Это место вовсе не для нас. Оно принадлежит людям. Они всего лишь на время забыли о нем, но когда-нибудь

вспомнят и вернутся. И тогда мы будем вынуждены отсюда уйти. Мы все время будем вынуждены уходить. И все время будем пытаться создать свой собственный маленький мир внутри этого большого мира. А ведь когда-то он весь принадлежал нам. И вот теперь мы думаем, что нам повезло, если у нас есть хотя бы маленький его кусочек».

Он посмотрел вниз, на каменолому. На Гримму, как она сидит на солнце с несколькими юными номами и учит их читать.

Что ж, и то хорошо. Сам он так толком и не научился чтению, но дети — они, похоже, все схватывают на лету.

И тем не менее его все так же окружали заботы. Например, что делать с аристократическими семьями. Они привыкли править отделами, но отделов здесь не было, и, чтобы чем-то себя занять, они непрерывноссорились. Этим сварам не было конца, и все ждали, что он положит им конец. Казалось, что номы лишь тогда действуют сообща, когда находится нечто, способное выбить из их голов всю чушь...

«По ту сторону Луны, — сказал Талисман, — вы жили среди звезд».

Масклин откинулся в траву и прислушался к жужжанию пчел.

«Настанет день, когда мы вернемся домой. Мы найдем способ добраться до большого ко-

рабля в небе и вернемся. Еще не сейчас. Ради этого придется потрудиться, и опять труднее всего будет добиться от них понимания. Каждый раз, вскарабкавшись на очередную ступеньку, мы успокаиваемся на достигнутом, начинаем устраивать свою жизнь и думаем, что мы уже на вершине лестницы, и вязнем по уши в мелких сварах. И все же даже *знание* о том, что где-то есть лестница, — это уже немало для начала».

Отсюда ему были видны все окрестности на несколько километров вокруг. Например, аэропорт.

В тот день, когда номы впервые увидели пролетавший над ними самолет, их охватил ужас. Но потом некоторые вспомнили картинки из когда-то прочитанных книжек, и самолет представился им всего лишь грузовиком, который ездит по небу.

Масклайн никому не говорил о том, почему он считает, что было бы неплохо разузнать об аэропорте побольше. У некоторых, правда, существовали кое-какие подозрения на сей счет. Масклайн это знал, но сейчас на них всех свалилось столько дел, что было не до размышлений.

Он подвел их к этому не спеша, соблюдая всяческую осторожность. Сказал, что нужно как можно больше узнать о новом мире — так,

на всякий случай. Он сделал это столь мягко, что никто не спросил его: «На случай чего?» А погода стояла хорошая, и номы были не так чтобы очень заняты.

И он повел отряд номов через поля. Путешествие заняло целую неделю, но их было тридцать номов, так что ничего страшного в дороге не произошло. Им даже пришлось перебираться через шоссе, но они нашли туннель, сделанный для барсуков, и барсук, шедший по нему им навстречу, развернулся и поспешил убежать прочь, едва завидев их приближение. Плохие новости, вроде известий о вооруженных номах, расползаются очень быстро.

А потом они обнаружили проволочную изгородь, вскарабкались на нее и несколько часов подряд следили за самолетами, их посадкой и взлетом.

Масклайн, как это уже пару раз бывало с ним раньше, чувствовал, что здесь таится нечто важное. Самолеты казались большими и ужасными, но ведь когда-то он думал так и о грузовиках. Нужно просто узнать, что это такое. Когда ты узнал имя вещи, ты можешь привести ее в движение, ведь имя — это вроде рычага. Настанет день, когда самолеты окажутся полезными для номов. Настанет день, когда они им понадобятся.

Чтобы совершить еще один шаг.

Весьма забавно, что он полон на сей счет оптимизма. Ведь он уже знал, как это было однажды. И пусть они ссорятся, и устраивают свары, и совершают ошибки, и спотыкаются, и падают — все равно в конце концов они все это преодолеют. Потому что Доркас, повиснув на проволочной изгороди, наблюдал за самолетами жадным, примеривающимся взглядом. И Масклин сказал:

— А предположим — ну, допустим на секунду такое, — нам понадобилось украсть один из них. Как, по-твоему, мы смогли бы это сделать?

Доркас задумчиво почесал в затылке.

— Ими должно быть не очень сложно управлять, — ухмыльнулся он. — У них ведь только три колеса.

Литературно-художественное издание

**Терри Пратчетт
УГОНЩИКИ. МИР НОМОВ**

Руководитель проекта А. Жикаренцев

Ответственные редакторы Н. Аллунан, М. Яновская

Художественный редактор А. Матвеев

Технический редактор О. Шубик

Корректоры Н. Тюрина, В. Дроздова

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино».

197198, Санкт-Петербург, ул Блохина, д. 20/7.

Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

**ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.**

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru**

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

**Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.**

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

**«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин из Невского», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

**В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.**

**В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.**

**В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрэзерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 27.04.2005.

Формат 84x106¹/32. Печать офсетная. Бумага тип.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 8100 экз. Заказ № 6339.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.**

Говорят, будто бы на самом деле Терри Пратчетта не существует, и надо признать: под этими слухами есть вполне реальные основания. Сами посудите, неужели человек может написать СТОЛЬКО хороших книг? И чтобы было ОЧЕНЬ смешно? И чтобы они продавались МИЛЛИОННЫМИ тиражами? Вывод: такого человека просто не может быть.

Чему решительно противится сам Терри, который благополучно живет и здравствует в Англии. И своими книгами вносит в валовый годовой доход страны немалую лепту (наравне с ливерпульской четверкой парней, альбомы которых, судя по всему, будут продаваться всегда, и бывшей учительницей, которая придумала самого известного в мире очкарика).

Более того, Терри Пратчетт упорно пишет. И придумывает все новые и новые шутки. И каждый год выпускает по несколько новых романов. Иностранные издатели откровенно не успевают его переводить.

[От издателей: Далее, согласно традиции, должны были следовать восторженные рецензии западной и отечественной прессы, однако их такое множество, что вы вполне можете сами придумать любые хвалебные слова в честь Терри Пратчетта и подписать их именем какого-нибудь знаменитого журнала или газеты. И, скорее всего, попадете прямо в яблочко.]

МОБ Екатеринбурга

128620

71
Терри Пратчетт сравнивают с:
Дж.Р.Р.Толкином, Марком Твеном, Куртом Вонегутом,
П.Г.Вудхаузом, Ивлином Во, Томом Шарпом, Дугласом
Адамсом, Фрэнком Баумом и даже Дж.К.Роулинг!

Так вот, все это - абсолютная неправда. Терри
Пратчетт - это Терри Пратчетт. Вот вы можете
себе представить, что все эти писатели способны
ужиться под одной обложкой?

ISBN 5-699-12040-8

9 785699 120406 >